

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Попов И.В.

СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ И ЕГО ВРАГИ

Богословский вестник, 1907, III, № 11, с. 569–607;
№ 12, с. 798–855

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Св. Іоаннъ Златоустъ и его враги.

Свою характеристику личности св. Іоанна Златоуста мы начнемъ указаніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ подробностей, подъ вліяніемъ которыхъ сложился характеръ и нравственный обликъ великаго святителя. Наша цѣль въ настоящемъ случаѣ состоитъ только въ томъ, чтобы намѣтить основныя черты его личности, элементы, изъ которыхъ она слагалась.

Іоаннъ родился въ 347 году въ цвѣтущемъ и культурномъ центрѣ сирійскаго востока, въ богатой Антиохіи, гордившейся длиною своей главной улицы, роскошными портиками, ее украшавшими, общественными банями, прекраснымъ водопроводомъ и единственнымъ въ то время по щедрости и благоустройству освѣщеніемъ улицъ. Отецъ его, Секундъ, занималъ важную должность въ войскѣ и принадлежалъ къ богатой и знатной фамиліи. Мать Златоуста, Анеуса, овдовѣвъ на двадцатомъ году жизни, осталась вѣрна безвременно разбитому брачному союзу и посвятила свое вдовство воспитанію сына. Это была одна изъ тѣхъ христіанскихъ женщинъ, которыя высокою своего характера приводили въ изумленіе язычниковъ. Самъ Златоустъ рассказываетъ, что когда его учитель, Ливаній, узналъ о раннемъ и стойкомъ двадцатилѣтнемъ вдовствѣ его матери, то, обращаясь къ окружающимъ, воскликнулъ: „ахъ, какія у христіанъ есть женщины“!¹⁾ Такимъ образомъ, Іоаннъ происходилъ изъ богатой и культурной среды и изъ семьи, въ которой высокому положенію

---

¹⁾ Златоустъ. Творенія, т. I, стр. 371. Творенія св. Іоанна Златоуста цитуюмъ по русскому переводу, изданному спб. духовной академіей. Въ видахъ сокращенія указываемъ только томъ и страницу.

соотвѣтствовало и моральное достоинство. Отсюда онъ вынесъ прекрасное знаніе свѣта и быта высшихъ слоевъ общества, понятій, стремленій и предразсудковъ этого круга. Знаніе это было настолько полно и тонко, что впоследствии удивляло слушателей Златоуста. Объ этомъ самъ онъ говорить въ одной изъ своихъ проповѣдей: „кто-нибудь, пожалуй, подумаетъ, что я самъ имѣлъ большія богатства, когда такъ вѣрно изображаю жизнь богачей“ 1). Отсюда же онъ вынесъ то чувство чести и достоинства, которыя развиваются у лучшихъ представителей высшихъ классовъ, инстинктивно стремящихся согласовать свое моральное состояніе съ выдающимся положеніемъ въ обществѣ. Златоуста отталкивало все низменное, грубое, вульгарное. Когда онъ говоритъ о пьянствѣ, всякаго рода оргіяхъ и чувственныхъ излишествахъ, то за религіозно-нравственной аргументаціей чувствуется это, сдѣлавшееся второй природой, отвращеніе къ позорному и низменному. Тоже самое сказывается на тѣхъ страницахъ, гдѣ онъ говоритъ о жестокомъ обращеніи съ прислугой, особенно съ рабынями. „Благородному мужу непозволительно бить служанку и налагать на нее руки“ 2). „Ты, обращаясь онъ къ знатной дамѣ, осыпаешь бѣдную служанку тысячею бранныхъ словъ, называя ее ессалинкою, бѣглянкой, проституткой... Ты, будучи благородной женщиной, произносишь постыдныя слова и этимъ ты не столько-ли же безчестишь себя, сколько и ее?“ „Уже ли ты не понимаешь, какъ тебѣ неприлично бить женщину? Законодатели, установившіе много наказаній для мужчинъ,—и костры и пытки, рѣдко приговариваютъ къ этому женщину, но простираютъ строгость только до сѣченія розгами... Неприлично мужчинѣ бить женщину, если же неприлично это мужчинѣ, то тѣмъ болѣе той, которая одного съ ней пола“ 3).

Предназначая себя для юридической карьеры, въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ Іоаннъ поступилъ подъ руководство знаменитаго въ свое время языческаго софиста Ливанія и прошелъ здѣсь школу, которая, развивъ въ немъ природный ораторскій талантъ, подготовила въ его лицѣ знаменитаго христіанскаго проповѣдника. Среди учениковъ Ливанія это

1) Ibid. т. XI, 416.

2) Ibid. т. X, стр. 263.

3) Ibid. т. XI, стр. 133—134.

былъ самый выдающійся по силѣ таланта и успѣхамъ. Говорятъ, что на своемъ смертномъ одрѣ глава школы сказалъ окружающимъ его ученикамъ, что былъ бы радъ видѣть своимъ преемникомъ Іоанна, если бы его не похитили христіане. Св. Исидоръ Пелузіотъ сохранилъ въ своихъ сочиненіяхъ письмо Ливанія къ Іоанну, въ которомъ учитель съ восторгомъ отзывается объ одномъ изъ недошедшихъ до насъ сочиненій своего бывшего ученика, составленномъ, видимо, по всѣмъ правиламъ реторики вскорѣ по выходѣ автора изъ школы. Съ своей стороны въ качествѣ литературнаго стиля, характеризующаго бесѣды св. Іоанна, Исидоръ Пелузіотъ отмѣчаетъ красоту и обиліе мыслей, чистоту аттицизма и совершенную ясность изложенія. Такимъ образомъ отъ софиста Ливанія Іоаннъ получилъ орудіе, которымъ такъ искусно владѣлъ и которымъ по преимуществу пользовался въ своей дѣятельности,—умѣнье говорить красиво, убѣдительно, въ высшей степени ясно и доступно для всякой аудиторіи.

Подобно многимъ отцамъ церкви, въ своей юности Златоустъ избралъ для себя профессію юриста и въ качествѣ адвоката имѣлъ значительный успѣхъ и блестящія перспективы въ будущемъ. Но послѣ кратковременнаго увлеченія своими новыми обязанностями и сценическими увеселеніями, подъ вліяніемъ отталкивающихъ впечатлѣній алчной, мелочной и лишенной нравственныхъ устоевъ среды, которая окружала его на форумѣ, а также по настоянію товарища и друга дѣтства, Василія, онъ покидаетъ свѣтскую жизнь для уединенныхъ занятій св. писаніемъ и подвиговъ благочестія. Поддаваясь обаянію аскетическаго идеала, увлекавшаго тогда чистую и наиболѣе одаренную юность, онъ стремится въ монастыри, во множествѣ разсѣянные по возвышенностямъ, окружавшимъ городъ, но уступая просьбамъ матери не покидать ее въ старости и охраняемый ею отъ всякихъ житейскихъ заботъ и дѣлъ, онъ замыкается въ своемъ собственномъ домѣ и проводитъ время въ суровыхъ аскетическихъ подвигахъ, о которыхъ самъ упоминаетъ въ третьемъ словѣ О священствѣ ¹⁾. Въ 374 или 375 году, вѣроятно, вслѣдствіе смерти матери, удерживавшей его въ мірѣ, Златоустъ получилъ, наконецъ, возможность осуществить свою юношескую

¹⁾ Златоустъ. Творенія, т. I, стр. 395—398.

мечту о монастырѣ. Онъ удалился въ одну изъ ближайшихъ обителей и въ теченіе четырехъ лѣтъ подвергалъ себя аскетическимъ лишеніямъ подъ руководствомъ извѣстнаго своею строгостію и высотой жизни подвижника Сира, а затѣмъ два года провелъ отшельникомъ въ уединенной пещерѣ ¹⁾. Привыкшій къ удобствамъ жизни, Златоустъ рѣшился на этотъ шагъ не безъ колебаній. „Когда я пришелъ къ мысли, оставивъ городъ, уйти въ кельи монаховъ, рассказываетъ онъ, то много раздумывалъ и беспокоился о томъ, откуда мнѣ будетъ доставляемо необходимое, и можно ли будетъ ѣсть хлѣбъ, испеченный въ тотъ же день; не заставить ли меня употреблять одно и тоже масло и въ свѣтильникѣ и въ пищѣ, не принудятъ ли питаться жалкими овощами, не отправятъ ли на тяжелую работу, приказавъ напр. рубить дрова, таскать воду и исполнять всѣ прочія такія службы? И вообще у меня было много заботъ о своемъ покоѣ“ ²⁾. Но отъ этихъ заботъ онъ скоро освободился, отдавшись всей душой самоотреченію и трудамъ. Извѣстно, что разстроенное здоровье и особенно болѣзнь желудка—слѣдствія чрезмѣрныхъ постовъ и лишеній — вынудили его возвратиться въ 380 г. въ Антиохію.

Монастырь и жизнь, полная лишеній, также оставили свой слѣдъ на его личности. Въ міръ онъ возвратился горячимъ поклонникомъ монашества и въ защиту аскетическаго идеала составилъ цѣлый рядъ сочиненій, ознаменовавшихъ его первые шаги на литературномъ поприщѣ. Сюда относятся: Увѣщанія къ Теодору падшему. Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни, Сравненіе власти, богатства, преимуществъ царскихъ съ истиннымъ и христіанскимъ любомудріемъ монашеской жизни, два слова О сокрушеніи—Къ Димитрію монаху и Къ Стелехію, Къ Стагирію, Книга о дѣвствѣ. Правда, съ теченіемъ времени это увлеченіе господствующимъ идеаломъ эпохи замѣтно остываетъ подъ влияніемъ жизненнаго опыта, познакомившаго проповѣдника и съ злоупотребленіями монашества, и съ трогательной простотой добродѣтели въ мірѣ, но не исче-

¹⁾ Palladii, op. Helenop. Dialogus historicus c. V. Chrysostomi opera omnia Ed. Mottaucou. T. XIII p. 17.

²⁾ Златоустъ. Творенія, т. I, стр. 139.

заетъ вполнѣ. Важнѣе вліяніе аскетической дисциплины на характеръ стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ и непреклоннаго въ исполненіи своего пастырскаго долга святителя. Отъ природы онъ былъ надѣленъ смѣлымъ и независимымъ сердцемъ, но это не всегда еще бываетъ достаточнымъ для полноты нравственной свободы. Для нея необходимы еще религіозные и нравственные устои. Свобода и внѣшнее благосостояніе или, вѣрнѣе, свобода и привычка, пристрастіе къ внѣшнему благополучію несомвѣстимы. Если желаешь сохранить для себя спокойствіе, положеніе и удобства жизни, то будешь вынужденъ ограничить свою свободу по отношенію къ тѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ находятся всѣ эти, привлекательныя для большинства, вещи. Молодое, искреннее увлеченіе аскетизмомъ освободило Златоуста отъ этого естественнаго пристрастія къ внѣшнему и нравственно и, такъ сказать, физически,—нравственно, потому что неподдѣльно было его презрѣніе ко всему, не имѣющему нравственнаго значенія, и физически, потому что у него образовалась привычка, тщательно поддерживаемая въ теченіе всей жизни,—довольствоваться малымъ и самымъ необходимымъ. Превознося монашество въ перечисленныхъ трактатахъ, онъ выдвигаетъ на первый планъ именно эту независимость искреннихъ монаховъ отъ внѣшнихъ благъ и условій, находящихся внѣ нашей воли. За то съ негодованіемъ бичуетъ онъ лицемѣрныхъ монаховъ, которыхъ такъ мѣтко онъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: „что широкихъ вратъ желаютъ и домогаются нѣкоторые изъ мірянъ, это не очень удивительно; но что мужи, которые, повидимому, распялись для міра, ищутъ ихъ болѣе, чѣмъ міряне, это изумительно, даже походить на загадку. Отъ всѣхъ почти монаховъ, если пригласишь ихъ на какое-либо дѣло, тотчасъ услышишь прежде всего вопросы въ такихъ словахъ: можно-ли имъ найти покой, можетъ ли пригласившій успокоить ихъ; постоянно повторяется слово: *покой*“¹⁾. За то о самомъ себѣ онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать въ бесѣдѣ предъ отправленіемъ въ ссылку: „много воли и сильна буря; но мы не боимся потопленія, потому что стоимъ на камнѣ... Все страшное въ мірѣ для меня презрѣнно, а бла-

¹⁾ Ibid. т. I, 139.

гопріятное смѣшно. Я не боюсь бѣдности, не желаю богатства; не страшусь смерти, не желаю жить, развѣ для вашего преусцѣянiя“¹⁾. Для него, вслѣдствіе аскетическихъ привычекъ, стало нечего терять, и замѣнь этого онъ получилъ то, что такъ выразительно называлось по гречески словомъ *παύσησις*,—смѣлость сказать все до конца и всякому.

Въ своихъ аскетическихъ подвигахъ и занятiяхъ св. писанiемъ Златоустъ не былъ одинокъ. Онъ былъ членомъ небольшого кружка одинаково настроенныхъ друзей и имѣлъ замѣчательнаго руководителя. Его друзьями были упомянутый уже Василій, Максимъ, впоследствии епископъ Селевкійскій, и Теодоръ, съ 392 или 393 г. епископъ Мопсуестіи, а учителемъ и руководителемъ—Діодоръ, будущій епископъ тарсійскій, а въ то время знаменитый аскетъ и настоятель одного изъ ближайшихъ монастырей. Такъ установилась тѣсная связь между Златоустомъ и двумя наиболѣе видными представителями антиохійской школы. Это обстоятельство имѣетъ большую важность для пониманiя личности и характера дѣятельности святителя, памяти котораго посвященъ настоящій очеркъ. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на отличительныхъ особенностяхъ того богословскаго направленiя въ древней церкви, которое извѣстно подъ названiемъ антиохійской школы. Двѣ выдающихся черты характеризуютъ собою это направленіе.

Первая черта—преобладаніе въ религіозности антиохійцевъ моральнаго элемента надъ мистическимъ, обостренный интересъ къ нравственной самодѣятельности, высокая оцѣнка моральной воли, ея усилій и подвиговъ. Форма религіозности всегда находитъ для себя выраженіе и, такъ сказать, опознаетъ себя въ тѣхъ отвлечѣнныхъ положенiяхъ, касающихся теоретической стороны вѣры, которыя называются догматами. Догматическія понятiя антиохійской школы какъ въ ученiи ея древнѣйшихъ представителей, такъ и въ доктринахъ основателей ея новаго періода, носятъ на себѣ неизгладимую печать указаннаго нами религіознаго интереса. Въ ученiи о личности І. Христа школу характеризуетъ адонцианство въ различныхъ его формахъ и видахъ. Вотъ рядъ фактовъ въ подтвержденіе этого.

¹⁾ Ibid. т. III, стр. 444.

Къ древнѣйшимъ антиохійскимъ богословамъ можно отнести уже Павла Самосатскаго. Его осужденное церковью ученіе о личности Христа важно для насъ только со стороны своей тенденціи. Христось, по ученію Павла, есть простой человѣкъ, родившійся сверхъестественнымъ образомъ отъ Дѣвы Маріи. Съ Нимъ соединился Божественный Логось, безличная божественная сила, отъ вѣчности исходящая отъ Бога и дѣйствовавшая въ Моисеѣ, пророкахъ и другихъ лицахъ. Христось сравнительно съ другими пророками лишь въ большей мѣрѣ былъ осѣненъ этой благодатною силой. Но человѣкъ Иисусъ пламенѣлъ неизмѣнною любовью къ Богу, воля его была чиста и нравственные подвиги высоки. За это, по мѣрѣ Его нравственнаго преслѣванія, Богъ ниспосылалъ Ему все большую благодать. Онъ далъ Ему силу творить чудеса и знаменія, даровалъ Ему имя выше всякаго имени, власть творить судъ и возвелъ въ божественное достоинство.

Ученикъ и соотечественникъ Павла, мученикъ Лукіанъ, котораго называютъ „Аріемъ прежде Арія“, и всѣ „солукіанисты“ во главѣ съ инициаторомъ аріанскихъ споровъ удерживаютъ идею Искупителя, возвышающагося до Божественнаго достоинства путемъ нравственной борьбы и подвига, но съ человѣка Иисуса переносятъ ее на ангелоподобное существо, вызванное къ бытію творческимъ актомъ. Ранѣе созданія міра Богъ сотворилъ личное существо, Логоса, который по природѣ своей не стоитъ внѣ возможности грѣхонанія, будучи надѣленъ, какъ и ангелы, свободою выбора. Предвидя въ Логосѣ неизмѣнность воли и стремленія къ добру, Богъ напередъ сообщилъ Ему все богатство своей благодати. При помощи благодати и собственныхъ усилій Логось возвышается до степени „Единороднаго Бога“.

Въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, но та же высокая оцѣнка нравственнаго подвига характеризуетъ собою ученіе друга Іоанна Златоуста, Θεодора Мошеуетскаго, и конечно этою чертою своего ученія послѣдній обязанъ общему руководителю подвижническаго кружка антиохійской молодежи, Діодору. Θεодоръ признавалъ безусловную свободу воли, и свободныя усилія считалъ исходной точкой въ дѣлѣ спасенія. Только по мѣрѣ вѣры и трудовъ ниспосылается человѣку благодать Св. Духа, не оправдывающая и не освящаю-

шая его въ настоящей жизни, а лишь нѣсколько помогающая ему бороться съ силою грѣховныхъ наклонностей, живущихъ въ нашей душѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ на спасеніе стоитъ и христология Θεодора, проникнутая традиціоннымъ адопціанизмомъ. Послѣ Никейскаго собора и торжества православія надъ арианствомъ для адопціанства не могло быть мѣста въ ученіи о Божественной природѣ Христа, но оно могло еще сказаться въ богословскихъ теоріяхъ, касающихся вопроса о соединеніи природъ въ исторической личности Искупителя. Придавая важное значеніе назидательному примѣру жизни и подвиговъ Спасителя, Θεодоръ съ особенною настойчивостью говоритъ объ Его нравственной борьбѣ, усиліяхъ и побѣдѣ. Не чуждый склонности ко грѣху, искушеній и общечеловѣческихъ слабостей, Христосъ велъ борьбу со своею плотію и искушеніями душевными. Въ Геосиманскомъ саду Онъ изнемогалъ отъ страха и боязливости, устрашаемый надвигающимися страданіями, но силою своей воли побѣдилъ слабость человѣческой природы. Божество, обитавшее въ Немъ, только ускорило Его естественное нравственное развитіе и облегчало для Него тяжесть нравственной борьбы. По мѣрѣ нравственнаго роста человѣка Иисуса, происходило все болѣе и болѣе тѣсное соединеніе Его съ обитавшимъ въ Немъ Богомъ Словоиъ. И только по воскресеніи Иисуса Богъ-Слово вступилъ съ Нимъ въ полное и нераздѣльное нравственное единеніе, сдѣлавъ Его предметомъ поклоненія для людей и ангеловъ и даровалъ Ему имя паче всякаго имени. Цѣня въ лицѣ Искупителя главнымъ образомъ чистую нравственную личность, силою своей свободной воли возвышающуюся до божественной славы, Θεодоръ не могъ допустить тѣснаго, ипостаснаго соединенія двухъ природъ во Христѣ и считалъ это единеніе Бога Слова съ воспринятымъ человѣкомъ только нравственнымъ и внѣшнимъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ ясно обнаруживается, какое значеніе и цѣнность имѣла въ глазахъ антиохійскихъ богослововъ моральная сторона религіи. Идея существа, достигающаго божественнаго достоинства энергіей нравственной самостоятельности, красною нитью проходитъ чрезъ всю исторію вѣроученія антиохійцевъ.

Вторая отличительная черта антиохійской школы касается

экзегетики и способа толкованія св. писанія. Она проявляется уже въ послѣоригеновское время, начиная съ Діодора и Θεодора, и отчасти обязана своимъ происхожденіемъ тому научному возбужденію, которое исходило отъ великаго александрійскаго учителя и чрезъ посредство основанной имъ кесарійской бібліотеки передавалось на востокъ. Въ библейскихъ работахъ Оригена совмѣщается строго научный критическій методъ съ мистико-аллегорическимъ пониманіемъ текста. Уже одного колоссальнаго предпріятія—подвергнуть ревизіи текстъ св. писанія, какъ оно выполнено въ знаменитыхъ экзаплахъ и тетраплахъ Оригена, было бы достаточно, чтобы показать, насколько была для него важна строго научная работа въ этой области. Объ этомъ же свидѣлствуютъ и его комментаріи, въ которыхъ выясненію буквальнаго смысла священнаго текста путемъ снесенія параллельныхъ мѣстъ, филологическихъ, географическихъ, историческихъ и археологическихъ справокъ удѣлено не мало мѣста. Но все это для Оригена, желавшаго быть христіанскимъ гностикомъ, представлялось не болѣе, какъ черновой работой. Его душа съ юныхъ лѣтъ находила истинное удовлетвореніе въ поискахъ духовныхъ истинъ и глубокихъ философскихъ идей, скрывающихся подъ оболочкой символовъ и покровомъ буквы. Антиохійская школа въ своей экзегетикѣ оставила въ сторонѣ то, что было самого дорогого для Оригена, и посвятила свои силы главнымъ образомъ тому, что въ Александріи признавалось менѣе важнымъ. Не отрицая вполнѣ типологическаго значенія писанія, антиохійскіе экзегеты съ особенною любовію занимались выясненіемъ прямого, буквальнаго, историческаго смысла бібліи. Для нихъ было важно открыть ту мысль, которую влагалъ въ слова самъ писатель извѣстной книги. Они старались достигнуть этого изслѣдованіемъ особенностей языка священныхъ книгъ, свойственнаго имъ стилю, подлиннаго значенія употребляющихся въ нихъ метафоръ, троповъ и образныхъ выраженій, установленіемъ контекста рѣчи и логической связи, въ которой стоятъ ея отдѣльныя части, изысканіями въ области исторіи, быта, географіи и археологіи Палестины. Они впервые почувствовали, какой неисчерпаемый источникъ нравственнаго обновленія, какой лучезарный свѣтъ содержится въ просто и буквально понимаемомъ текстѣ писанія, и это связываетъ

вторую отличительную черту антиохійской школы—историческій методъ толкованія библіи—съ первой—преобладаніемъ нравственнаго интереса въ ея религіозномъ настроеніи.

Такова была нравственная атмосфера того избраннаго кружка, въ которомъ Іоаннъ воспитывалъ себя для Бога, церкви и человѣчества. Отсюда онъ вынесъ глубокое уваженіе къ моральной сторонѣ религіи и умѣнье пользоваться непосредственнымъ смысломъ библіи для проведенія въ жизнь высокихъ нравственныхъ идеаловъ. Кто хоть сколько нибудь читалъ Златоуста, тотъ не могъ не изумляться обширности его познаний въ св. писаніи и искусству извлекать изъ текста нравственныя идеи и примѣры добродѣтели. Поразительна здѣсь находчивость и остроуміе проповѣдника. Каждый оборотъ рѣчи, каждый предлогъ, глагольная форма, незначительныя и неуловимыя подробности въ его рукахъ оживають, наполняются глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ, превращаются въ цѣлыя картины, яркія и выхваченныя изъ самой жизни. Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на его бесѣды о богатомъ и Лазарѣ или на описаніе гостепріимства Авраама ¹⁾).

Таковы основные элементы, изъ которыхъ слагается личность св. Іоанна Златоуста.

Обращаясь къ характеристикѣ личности Златоуста, мы сначала скажемъ о томъ, чѣмъ онъ не былъ, какимъ его не слѣдуетъ представлять себѣ.

Прежде всего св. Іоаннъ не былъ администраторомъ или организаторомъ силъ. Его воля направлялась не къ тому, чтобы изъ церкви сдѣлать учрежденіе, покоящееся на внѣшнихъ устояхъ политическаго, правового и экономическаго характера. Въ этомъ отношеніи антиохійскій проповѣдникъ является прямою противоположностью Василія Великаго. Духъ Василія былъ обращенъ преимущественно къ внѣшнему. Человѣкъ знатнаго происхожденія и очень богатый, онъ выдавался среди друзей прирожденною способностью властвовать и создавать всюду прочную организацію. Противникъ благотворительности, руководимой исключительно внушеніями сердца и позволяющей злоупотреблять собою,

¹⁾ Златоустъ. Творенія. Т. V, стр. 566—568. Ср. еще VII, 442—443. XI 895—896.

онъ создаетъ обширныя благотворительныя учрежденія и дома трудолюбія со строгими порядками. Насадивъ монашество въ Каппадокіи, онъ тотчасъ же даетъ ему уставъ. Занимая должность пресвитера и юридически не имѣя никакихъ административныхъ полномочій, фактически онъ несъ на себѣ обязанности епископа и завѣдывалъ всѣми епархіальными дѣлами. Въ санѣ епископа онъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и очень скоро достигъ того, что подчиненный ему клиръ сталъ образцовымъ. Церковь во время его епископства, по выраженію церковнаго историка, напоминала ночное сраженіе, когда въ глубокомъ мракѣ противники, перемѣшавшіе свои ряды, перестаютъ отличать враговъ отъ друзей. Василиій собираетъ разсѣянныя силы православныхъ. Онъ входитъ въ сношеніе съ единомышленниками, привлекаетъ путемъ разумныхъ уступокъ на сторону православія полуріанъ, приобрѣтаетъ расположеніе и довѣріе св. Аѳанасія, дважды отправляетъ посольство къ папѣ въ надеждѣ примирить между собою Востокъ и Западъ. Чуждый всякаго раболѣпства, Василиій тщательно однако поддерживаетъ свои связи въ столицѣ, чтобы, пользуясь ими, оказать иногда защиту несправедливо угнетенному или обобранному сборщиками податей.

Не таковъ былъ Златоустъ. Его сила и значеніе не въ административной дѣятельности и не въ созиданіи стѣнъ церковныхъ изъ матеріаловъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ религіи. До избранія на константинопольскую кафедру, т. е. до пятьдесятъ перваго года своей жизни, онъ не имѣлъ въ своихъ рукахъ никакой власти. Возведенный въ санъ пресвитера, онъ не былъ правою рукою своего епископа въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ ею Василиій. Правда, онъ былъ любимъ и уважаемъ епископомъ Флавіаномъ, но оставался все время исключительно пастыремъ и проповѣдникомъ, руководителемъ душъ и учителемъ благочестія. Быть можетъ именно это обстоятельство сохранило ему чистоту характера и цѣлостность личности. Въ Константинополѣ онъ былъ строгимъ епископомъ и требовалъ отъ подчиненнаго ему клира нравственной чистоты и исполненія церковныхъ правилъ. Онъ боролся съ дурнымъ обычаемъ, компрометтировавшимъ церковь на Востокъ и Западъ,—съ такъ называемыми духовными браками, сожителствомъ неженатыхъ клириковъ съ дѣвственни-

цами. Неизвѣстно, какія административныя мѣры были приняты имъ противъ этого зла, но, несомнѣнно, онъ направилъ противъ него свое мощное слово, памятникомъ котораго служатъ сохранившіяся до нашего времени два слова противъ живущихъ съ дѣвственницами. Затѣмъ онъ возставалъ противъ пресмыкательства клириковъ предъ богатыми и противъ ихъ паразитизма. Онъ убѣждалъ ихъ довольствоваться тѣми средствами, которыя даетъ имъ церковь, и не бѣгать на пышные обѣды богачей. Нѣкоторымъ клирикамъ за порочную жизнь было даже запрещено служеніе. Отъ вдовъ новый епископъ потребовалъ, чтобы онѣ или вступали во второй бракъ или, если хотятъ причислять себя къ этому почитаемому въ церкви классу, оставили наряды и изнѣженную жизнь. Онъ старался повліять на бродячихъ монаховъ, которые своимъ недостойнымъ поведеніемъ и попрошайствомъ возбуждали презрѣніе къ самому монашеству и всевозможныя нареканія на него. Есть извѣстіе, что Златоустъ поддержалъ передъ Евтропіемъ и императоромъ просьбу Порфирія, еп. Газы, о разрушеніи языческихъ храмовъ въ Финикии, и что по его настояніямъ былъ изданъ указъ о закрытіи капищъ и истребленіи идоловъ. Въ 400 году, приглашенный въ Ефесъ для замѣщенія вакантной кафедры, Златоустъ низложилъ шесть тамошнихъ епископовъ, купившихъ посвященное за деньги. Въ этомъ же году онъ оказалъ энергическое сопротивление военачальнику готовъ Гайнѣ, настаивавшему предъ императоромъ на правѣ готовъ-аріанъ имѣть одну церковь въ стѣнахъ города. Вотъ все важнѣйшее, что извѣстно намъ объ административной дѣятельности Златоуста въ санѣ епископа. Повторяемъ, онъ былъ строгимъ и требовательнымъ епископомъ, но изъ приведенныхъ фактовъ видно, что и въ этомъ случаѣ онъ предпочиталъ дѣйствовать не столько мѣрами дисциплинарныхъ взысканій, сколько словомъ убѣжденія и нравственнымъ вліяніемъ. Трудно также сказать, насколько мѣропріятія противъ язычниковъ и Гайны соотвѣтствовали личному характеру святителя и насколько они обусловливались самымъ его положеніемъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что заботы святителя не поставили константинопольскій клиръ на такую общепризнанную высоту, на какой стоялъ клиръ Василія; и что имъ не было создано прочной организаціи церковныхъ

силъ, которая стояла бы за его лицомъ. Въ чувствѣ правоты своего дѣла и незапятнанной чистоты своей личности, онъ былъ одинокъ въ Константинополѣ, имѣлъ противъ себя всѣ имущіе и властные классы, а на своей сторонѣ лишь любовь народа, бѣдныхъ и небольшого избраннаго кружка преданныхъ лицъ, родственныхъ ему по духу.

Далѣе, заслуга Златоуста предъ церковью не состоитъ въ выясненіи ея вѣроученія. Въ этомъ отношеніи его нельзя сравнивать съ такими борцами за правильность вѣры, какимъ былъ, напр., Афанасій Александрійскій. Онъ не внесъ съ своей стороны ничего новаго и оригинальнаго въ тотъ процессъ превращенія живой и непосредственной вѣры въ соотвѣтствующія и укрѣпляющія ее понятія и теоретическія формулы, который потребовалъ отъ восточной церкви столько усилій и сопровождался столь ожесточенной борьбой различныхъ партій и сектъ. Для исторіи догматовъ толстые фолианты его твореній не даютъ ничего. Впрочемъ біографы¹⁾ Златоуста совершенно справедливо отмѣчаютъ тотъ фактъ, что первые шаги проповѣдника являются колеблющимися и не вполне соотвѣтствуютъ обнаружившейся впоследствии оригинальности его таланта. Подчиняясь общему теченію, увлекавшему его на проторенную дорогу догматическихъ разсужденій, онъ произноситъ въ первые годы своей проповѣднической дѣятельности рядъ бесѣдъ, посвященныхъ исключительно вопросамъ догматическимъ. Таковы его бесѣды противъ язычниковъ, іудеевъ и аномеевъ. Но это были ложные шаги таланта, еще не сознавашаго свою истинную оригинальность и свое призваніе въ жизни. Вскорѣ Златоустъ перешелъ къ иному способу проповѣди. Онъ включалъ въ свои бесѣды и догматическіе вопросы, но касался ихъ лишь по мѣрѣ необходимости и нуждъ паствы, главное же вниманіе посвящалъ призыву къ нравственному возрожденію. Чистоту вѣры онъ, конечно, считалъ необходимымъ условіемъ спасенія, но постоянно приглашалъ слушателей вѣровать въ простотѣ, не обнаруживать излишней пытливости и помнить, что „природа разсудочныхъ доводовъ подобна лабиринту, нигдѣ не имѣетъ конца и не позволяетъ мысли утвердиться на какомъ-

1) Aime Puech. St Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris. 1891, pp. 23—25:

нибудь основаніи“¹⁾. Онъ не переставалъ повторять, что тотъ, кто содержитъ правильные догматы, а живетъ по язычески, непременно лишится вѣчной жизни.²⁾

Наконецъ, несмотря на свои продолжительные аскетическіе подвиги, четырехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ и даже двухлѣтнее отшельничество, несмотря на свое всегдашнее уваженіе и симпатію къ монашеской жизни, Златоустъ не былъ мистикомъ, и въ его обширныхъ томахъ трудно отыскать мистическіе элементы. Но въ виду неясности самаго термина „мистицизмъ“, необходимо выяснить тотъ смыслъ, который соединяемъ мы съ этимъ понятіемъ. Мистика и религія не одно и то же, и эти два понятія далеко не покрываютъ другъ друга. Мистика есть одна изъ формъ религіи. Гранью, раздѣляющей ее отъ другихъ формъ религіи, служитъ способъ пониманія любви къ Богу, составляющей основу всякой религіи. Человѣкъ можетъ любить Бога или непосредственно, сосредоточивая на представленіи о Немъ весь запасъ своего чувства, или же въ лицѣ ближнихъ. Первая форма любви къ Богу и создаетъ мистику. Она фатальнымъ образомъ ведетъ къ искусственной культурѣ чувства, къ уединенію, къ замкнутости, къ экстазу и къ прочимъ отступленіямъ отъ законовъ жизни и природы, въ которые поставленъ человѣкъ самимъ Богомъ. Вторая форма, оставаясь по существу не менѣе религіозной, не удаляетъ человѣка изъ условій естественной и нормальной жизни. Она не отрицаетъ, а преображаетъ природу и общество. У Златоуста мы ничего не найдемъ ни о созерцаніи, ни о мистическомъ экстазѣ, ни о специальной культурѣ чувства, ни о любви къ Богу, отрѣшенной отъ дѣятельности и любви къ человѣку. Воспѣвая гимны любви вслѣдъ за апостоломъ языковъ, предъ которымъ онъ преклонялся съ особенною любовью и уваженіемъ, Златоустъ рѣдко не разумѣетъ подъ нею заповѣданную Христомъ любовь къ человѣку или, вѣрнѣе, любовь къ Богу въ лицѣ ближняго.

Чѣмъ же былъ св. Іоаннъ Златоустъ въ исторіи христіанской церкви, какая отличительная черта характеризуетъ собою его личность и дѣятельность? Значеніе великаго

1) Златоустъ. Т. IX. 507—508.—s

2) Ibid. I. 603; IV. 738; VIII. 39.—

святителя въ исторіи состоитъ въ томъ, что онъ посвятилъ всѣ свои силы и помыслы религіозно-нравственному обновленію христіанскаго общества. Онъ былъ совѣстью міра, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ. Какъ совѣсть, онъ воздѣйствовалъ на общество силою истины и кристалльною чистотою нравственнаго осзнанія; какъ совѣсть, неподкупный и прямой, стоялъ онъ между угнетателями и угнетенными, и голосъ его, какъ голосъ совѣсти, остался незаглушеннымъ страстями.

Златоустъ былъ религіозный дѣятель. Онъ занималъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ престоловъ христіанскаго міра въ то время, когда церковь боролась съ язычествомъ и ересью и когда, получивъ господство въ государствѣ, могла воспользоваться желѣзнымъ мечемъ императора. Естественно прежде всего спросить, на какія силы опирался святитель въ своей дѣятельности?

Въ рукахъ епископа того времени легко могла оказаться и власть гражданская и физическая сила вѣрующихъ массъ, составлявшихъ уже большинство. Но св. Іоаннъ Златоустъ былъ рѣшительнымъ противникомъ такихъ средствъ.

Вѣкъ Златоуста былъ еще близокъ къ тому великому событію, когда римскій императоръ сталъ христіаниномъ. Это крупное завоеваніе церкви въ свое время наполнило сердца христіанъ, дотолѣ гонимыхъ или чувствовавшихъ свою непрочность въ государствѣ, самыми радостными надеждами. Но Златоустъ остался холоденъ къ этой побѣдѣ. Во всѣхъ его многочисленныхъ сочиненіяхъ мы не найдемъ ни одной строки, которая изобличала бы въ немъ желаніе опираться въ свой религіозной дѣятельности на власть императора, склонившагося предъ крестомъ и снявшаго свой вѣнецъ предъ останками мучениковъ¹⁾. Напротивъ, съ ясностью, недопускающей никакого сомнѣнія, онъ говоритъ: „непозволительно христіанамъ испровергать заблужденія принужденіемъ и насиліемъ; намъ заповѣдано словомъ, убѣжденіемъ и кротостію совершать спасеніе людей“. Ни одинъ христіанскій императоръ, продолжаетъ онъ, не издавалъ и не станетъ издавать указовъ противъ язычниковъ²⁾. Но хотя бы свѣтская власть въ своихъ заботахъ о земномъ благополучіи и была вы-

¹⁾ Златоустъ, Т. V, 574 ср. XII, 925.

²⁾ Златоустъ, Т. II, стр. 577 ср. 733.

нуждена прибѣгать къ насилію, то для священника въ дѣлѣ религіи оно совершенно недопустимо. Царь и священникъ— это двѣ противоположности. „Царь заставляетъ, священникъ убѣждаетъ; тотъ дѣйствуетъ повелѣніемъ, этотъ совѣтомъ; тотъ имѣетъ оружіе чувственное, этотъ духовное“¹⁾.

Не менѣе энергично возстаетъ проповѣдникъ противъ возможнаго самосуда вѣрующихъ, оказавшихся въ большинствѣ, а также противъ частныхъ проявленій фанатизма и вражды въ отношеніи къ язычникамъ и сектантамъ.

Не язычниковъ и не еретиковъ нужно ненавидѣть, часто повторяетъ проповѣдникъ, а порокъ и ересь²⁾. Христіанскій фанатизмъ прикрывался въ то время, какъ и всегда, именемъ любви къ Богу и оправдывалъ себя желаніемъ охранить имя Божіе отъ оскорбленій, такъ какъ язычество и ересь рассматривались, какъ нечестіе и богохульство. Противъ этихъ оправданій Златоустъ указываетъ на примѣръ ап. Павла. Никто столько не любилъ Бога, какъ апостоль языкъ, однако, прійдя въ Аѳины и увидя городъ, наполненный идолами, онъ не сталъ укорять эллиновъ, а напротивъ, называлъ ихъ почитателями Бога Невѣдомаго, потому что „они, подобно благочестивымъ, совершали свое богослуженіе, увѣренные въ томъ, что чтутъ Бога³⁾“. Подражать примѣру апостола, питать къ язычникамъ любовь, эту великую наставницу, отклоняющую отъ заблужденій и изъ камней дѣлающую людей, Златоустъ призываетъ своихъ слушателей⁴⁾. Какъ тонкій психологъ, онъ хорошо видѣлъ, что путь религіозной вражды есть наклонная плоскость, вступивъ на которую, человѣкъ неудержимо катится внизъ, постепенно замыкаясь въ своей ненависти ко всему міру. Если нужно ненавидѣть враговъ Божіихъ, то свою ненависть нужно простираť не только на нечестивыхъ, но и на грѣшниковъ, ибо они не менѣе оскорбляютъ Бога, а „идя такимъ путемъ мало-по-малу мы отдѣлимся отъ большей части братій или, лучше, отъ всѣхъ, потому что никого нѣтъ безъ грѣха⁵⁾“.

Таково же было отношеніе Златоуста къ еретикамъ. Убивать ихъ не должно, ибо это дало бы поводъ къ непримири-

¹⁾ Т. VI, стр. 412.

²⁾ Т. X, стр. 336.

³⁾ Т. I, стр. 755—756.

Ibid. 339.

Ibid. стр. 337.

мой войнѣ во вселенной ¹⁾. По свидѣтельству Созомена ²⁾, вступая на константинопольскій престолъ, въ своей первой рѣчи къ клиру и народу новый списокъ обѣщаль искоренить ересь въ столицѣ, однако, не насиліемъ, а силою слова. Въ бесѣдѣ о св. мч. Фокѣ, произнесенной еще позднѣе, въ 403 или 404 году, онъ возвращается къ той же мысли. „Сегодня мы вступаемъ, говоритъ онъ, въ ратоборство съ еретиками,.. но наша война не изъ живыхъ дѣлаеть мертвыми, а изъ мертвыхъ—живыми, изобилуя кротостью и великимъ смиреніемъ. Я гоню не дѣломъ, а преслѣдую словомъ, не еретика, но ересь... Мнѣ привычно терпѣть преслѣдованіе, а не преслѣдовать, быть гонимымъ, а не гнать. Такъ и Христосъ побѣждалъ, не распиная, а распятый, не ударяя, но принявъ удары“ ³⁾...

Замѣчательно по высотѣ христіанскаго настроенія, по искренности тона и горячности внутренняго убѣжденія слово св. Іоанна О проклятїи и анаемѣ. Касаясь въ этомъ словѣ лишь косвенно официальной анаемы, произносимой въ извѣстныхъ случаяхъ органами церковной власти, проповѣдникъ имѣеть въ виду проклятїя, которыми—къ удовольствію язычниковъ—встрѣчали другъ друга ревнители различныхъ христіанскихъ общинъ, вмѣщавшихся въ стѣнахъ многолюдной Антиохїи—евстаѳіане, мелетїане, евномїане, аполинаристы. Обращаясь къ слушателямъ, онъ много разъ съ глубокимъ волненіемъ повторяеть: „увѣщеваю и заклинаю васъ отстать отъ этого обыкновенїя“, или: „вотъ я говорю и свидѣтельствуюсь Богомъ и избранными его ангелами, что въ день суда оно будетъ причиною великаго бѣдствїя и невыносимаго огня“ ⁴⁾. Но ему возражали: „онъ еретикъ, имѣеть въ себѣ дьявола, произносить хулу на Бога, своею лестїю ввергаетъ многихъ въ бездну погибели, посему онъ отвержень отцами“ ⁵⁾. Но Златоустъ доказываетъ своей паствѣ, что поступать такъ нельзя ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какими предлогами. Нужно подражать Христу, который называетъ своимъ ближнимъ „не священника, не ле-

¹⁾ Т. VI, стр. 482—483.

²⁾ Созоменъ Церков. Ист. кн. VIII. 7

³⁾ Т. II, стр. 747—748.

⁴⁾ Т. I, стр. 756—757.

⁵⁾ Ibid., стр. 754.

вита, а самарянина, отлученнаго отъ сонмища за ученіе и во многомъ богохульствовавшаго, потому что онъ оказался милостивымъ“ 1). Никто не имѣлъ столько любви къ Богу, какъ ап. Павелъ, но и онъ въ своихъ писаніяхъ употребилъ слово анаѳема только дважды, и притомъ не относя его къ опредѣленнымъ лицамъ. Апостолы и ихъ преемники, дѣйствительно, получили власть отлучать отъ церкви, но обличая и отвергая ереси, никто изъ нихъ не подвергалъ проклятію еретиковъ, „не осмѣливался произносить такого приговора“ 2). Церковь, слѣдуя этимъ примѣрамъ, ежедневно возносить молитвы о всѣхъ заблуждающихся 3). Да и по существу дѣла произносить анаѳему непозволительно. Проклинаемый или существуетъ въ этой смертной жизни или умеръ. Если онъ живъ, то отлучающій его поступаетъ нечестиво, потому что заблуждающійся находится еще въ неопредѣленномъ состояніи, а если умеръ, то тѣмъ болѣе, потому что судьба его сокрыта у Судии вѣковъ, который одинъ знаетъ и мѣру вѣдѣнія и степень вѣры. „Почему мы знаемъ, за какія слова онъ подпадетъ обвиненію, или какъ оправдаетъ себя въ тотъ день, когда Богъ будетъ судить сокровенныя дѣла людей?“ 4).

Все то, что говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ противъ ненависти къ язычникамъ и еретикамъ, не было съ его стороны простымъ ораторскимъ приѣмомъ или литературнымъ оборотомъ рѣчи. Святитель осуществлялъ все это на дѣлѣ, и это въ послѣдствіи причинило ему много личныхъ огорченій. Лучшие епископы того времени стояли въ вопросѣ о внѣшнихъ средствахъ воздѣйствія на иномыслящихъ выше стремленій окружающей ихъ среды. Въ этомъ убѣждаютъ нѣкоторыя данныя изъ жизни Григорія Богослова, одного изъ предшественниковъ Златоуста на столичной кафедрѣ, равно какъ и обвиненія, съ которыми выступили противъ самого св. Іоанна его враги на соборѣ подъ Дубомъ. Григорій, какъ и Златоустъ, послѣдовательно проводилъ въ жизнь принципъ: „тайна спасенія для желающихъ, а не для насилуемыхъ“ 5). Когда право-

1) Т. I, стр. 753.

2) Ibid., стр. 754.

3) Ibid., стр. 753.

4) Т. I, стр. 756.

5) Григорій Богословъ. Т. I, стр. 254.

славные оказались господами положенія, св. Григорій, насдившій въ столицѣ никейскую вѣру своей проповѣдью и терпѣніемъ, не пожелалъ пользоваться расположеніемъ имп. Θεодосія для преслѣдованія аріанъ, и за это подвергался нареканіямъ. Ему кричали: „сколько времени управляешь ты церковью, обстоятельства тебѣ благопріятствуютъ, и царь ревностенъ къ вѣрѣ, но въ чемъ видна для насъ перемѣна?.. Кто изъ начальниковъ областей наказанъ? Кто изъ зачинщиковъ получилъ должное вразумленіе? Воспользовались ли мы чѣмъ-нибудь для себя самихъ, чтобы внушить страхъ и на будущее время?“ ¹⁾ Точно также снисходительностью и христіанскимъ отношеніемъ Златоуста къ невѣрнымъ и заблуждающимся воспользовались его враги. Одинъ изъ его обвинителей писалъ о немъ: „нѣкоторыхъ язычниковъ, великихъ враговъ христіанства, онъ принималъ, давалъ имъ прибѣжище въ церкви и защищалъ“. Его обвиняли также въ оригенизмъ за то, что онъ оказалъ покровительство такъ называемымъ длиннымъ братьямъ, гонимымъ Теофиломъ Александрійскимъ подъ предлогомъ оригенизма. Наконецъ, Златоустъ не согласился подписать анаематствование Оригена, произнесенное кипрскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Епифанія.

Къ числу внѣшнихъ способовъ воздѣйствія на толпы въ цѣляхъ ихъ религіознаго воспитанія, кромѣ мѣръ принужденія, относится церковное представительство во всѣхъ его видахъ: привилегіи и богатая жизнь высшихъ представителей церкви, великолѣпіе церковныхъ зданій, пышность культа. Эти средства, нисколько не обременительныя для лицъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу, а наоборотъ, во многихъ отношеніяхъ пріятныя, могутъ быть защищаемы и не по однимъ только этимъ мотивамъ. Роскошныя зданія, престижъ духовенства, красота и пышность богослуженія—все это въ глазахъ массъ, всегда поклоняющихся успѣху, сообщаетъ христіанству значительность, доказываетъ его силу, создаетъ для него обаяніе. Кромѣ того, народъ, жизнь котораго такъ бѣдна эстетическими впечатлѣніями, идетъ въ удобные и красивые храмы сначала, можетъ быть, просто ради хорошаго цѣнія и истоваго обряда, но въ церкви проповѣдуется

¹⁾ Ibid., Т. IV, стр. 36—37.

Евангеліе, читается св. писаніе, поются псалмы, и хоть часть всего этого не можетъ не западать въ душу слушателей. Наконецъ, вся обстановка молитвы и богослуженія отвлекаетъ мысль человѣка отъ борьбы за пропитаніе и возноситъ ее въ міръ идеальныхъ примиреній. Но все это можетъ имѣть и свою обратную сторону. Когда религіозная жизнь начинается отливаясь въ такія формы, тогда легко забывается важнѣйшее въ законѣ—судъ и милость. Развивается стремленіе жертвовать непосредственно Богу, а дѣла христіанскаго милосердія, которыя сами по себѣ составляютъ душу и силу христіанства, приходятъ въ забвеніе. Далѣе, религіозное воздѣйствіе того, что мы назвали церковнымъ представительствомъ, не проникаетъ глубоко въ душу народа и, опираясь не на чисто духовныя его инстинкты, не можетъ воспитывать въ немъ религіозно-правственнаго самоопредѣленія. При извѣстной привязанности къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни, какъ красивымъ бытовымъ формамъ, очень часто проявляется глубокое равнодушіе къ самой религіи. Въ бѣдной сельской церкви по большей части къ небу несутся болѣе горячія и искреннія молитвы, чѣмъ въ богатомъ соборѣ, и пасха въ деревнѣ, при зажженной бочкѣ изъ-подъ дегтя, празднуется съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ въ столицѣ при электрической иллюминаціи подъ громъ колоколовъ и пушекъ.

Инстинктивное стремленіе воспользоваться для усиленія, христіанства обаяніемъ богатства, роскоши и помпы обнаружилось въ древности вслѣдъ за объявленіемъ гонимой вѣры государственной религіей. Большіе города и особенно столица, куда, какъ къ источнику благъ, всегда стекается такъ много всякаго рода поклонниковъ успѣха, шли въ этомъ направленіи впереди провинцій. Григорій Богословъ яркими красками рисуетъ условія, при которыхъ епископъ могъ имѣть успѣхъ въ столицѣ. Онъ рассказываетъ, какъ церковныя имущества, считавшіяся достояніемъ бѣдныхъ, стали употребляться на дорогихъ лошадей, модныя коляски, шелковая одежды, роскошь стола ¹⁾. Епископъ долженъ былъ умѣть вести себя въ свѣтскомъ обществѣ, посѣщать народныя собранія и бани, быть интереснымъ собесѣдникомъ, зпать

¹⁾ Григорій Богословъ, Творенія, т. III, 140—141.

съ кѣмъ и какъ перекинуть слово ¹⁾. Таковъ именно былъ предшественникъ Златоуста и преемникъ Григорія Назіанзина—Нектарій. Человѣкъ, принадлежавшій къ сенаторскому сословію, бывшій преторъ, Нектарій не думалъ отказываться отъ образа жизни, къ которому привыкъ по своему положенію. Онъ любилъ пожить и охотно давалъ жить другимъ ²⁾. За это онъ былъ любимъ клиромъ и обществомъ. Примѣры роскоши наблюдаются не только въ жизни столичныхъ епископовъ господствующей церкви, которые въ свое оправданіе могли бы сослаться то на необходимость поддерживать связи съ дворомъ, но и въ поведеніи епископовъ сектантскихъ. Даже современный Златоусту новаціанскій епископъ Сисинній, несмотря на болѣе строгую дисциплину, свойственную его общинѣ, „любилъ пышность и великолѣпіе, роскошно одѣвался въ бѣлыя одежды и два раза въ день мылся въ общественныхъ баняхъ, а когда кто-то спросилъ его, почему онъ, будучи епископомъ, моется дважды въ день, то Сисинній, не лазившій за словомъ въ карманъ, отвѣчалъ: потому, что въ третій разъ не успѣваю“ ³⁾. Лучшіе епископы не могли однако помириться съ новыми порядками и шли противъ общаго теченія. Для нихъ успѣхъ христіанства былъ связанъ не съ внѣшнимъ блескомъ, а съ чистотою жизни представителей церкви. „Я живу по старинѣ“, говорилъ про себя Григорій Богословъ ⁴⁾. Но это не всѣмъ нравилось. Его порицали за то, что „не было у него ни богатаго стола, ни соотвѣтствующей сану одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи“. „Не зналъ я, продолжаетъ съ горечью святитель, что мнѣ нужно входить въ состязаніе съ консулами, правителями областей и высшими военачальниками, которые не знаютъ, куда рачать свои богатства,—что и мнѣ, роскошествуя изъ достоянія бѣдныхъ, надо обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не зналъ, что и мнѣ надо ѣздить на отличныхъ лошадахъ, блистательно выситься на колесницѣ, что и мнѣ должны быть

1) Ibid., 141.

2) Сократъ, Церк. Ист., V, 8.

3) Сократъ, Церк. Истор., кн. VI, 22.

4) Григорій Богословъ. Творенія, Т. IV, 141.

встрѣчи, приемы съ подобострастіемъ, и что всѣ должны уступать мнѣ дорогу и разступаться предо мною“¹⁾).

Св. Іоаннъ Златоустъ шелъ по стопамъ Григорія Божественнаго сочиненія котораго были ему извѣстны и оказали вліяніе на его пастырскій идеалъ. Небольшого роста, изможденный болѣзнію и постоянными умственными занятіями, невзрачнаго вида, съ обнаженнымъ черепомъ, онъ уже по своей внѣшности не годился для пышнаго представительства. Тотчасъ по вступленіи на константинопольскій престолъ, онъ рѣзко измѣнилъ порядки, введенные любившимъ роскошь Нектаріемъ. Потребовавъ къ себѣ приходо-расходныя книги эконома, онъ вычеркнулъ изъ нихъ всѣ излишніе расходы по содержанію архіерейскаго дома. Всякія выдачи на ненужныя постройки, сады, фонтаны, украшенія комнатъ были запрещены. Чтобы ограничить еще болѣе издержки изъ церковныхъ суммъ и чтобы сберечь время для дѣловыхъ занятій, архіепископъ отказался отъ всякихъ пріемовъ и выѣздовъ, отклонялъ приглашенія на обѣды и заключилъ себя въ своемъ епископскомъ домѣ для трудовъ пастырскаго служенія и добровольной бѣдности. Въ обществѣ это обстоятельство породило множество толковъ и сплетенъ²⁾. Въ своей личной жизни Златоустъ ограничивался самымъ необходимымъ. Несмотря на слабость своего здоровья, поглощенный своими занятіями, онъ забывалъ иногда о пищѣ до вечера. Къ обѣду ему подавали немного удобоваримаго мяса. Вина онъ обыкновенно не употреблялъ, но лѣтомъ, въ жаркую погоду, разбавляя его водой, пользовался этимъ напиткомъ для прохладенія. По требованію здоровья онъ часто бралъ ванну. Отъ принятаго порядка жизни онъ не отступалъ и въ томъ случаѣ, когда у него останавливался кто-нибудь изъ епископовъ, во множествѣ стекавшихся въ столицу, хотя, вообще говоря, онъ не считалъ себя обязаннымъ оказывать имъ гостепріимство, потому что благочестивые и богатые жители столицы охотно принимали ихъ у себя. Епископу берійскому Акакію, посѣтившему святителя, послѣдній предложилъ то, что обыкновенно самому ему подавалось къ столу, но это до такой степени обидѣло гостя, что, выходя изъ архіерей-

¹⁾ Ibid Твор., Т. IV, стр. 27.

²⁾ Сократъ. Церк. Ист., VI, 4.

скаго дома, онъ съ угрозой сказалъ діакону: „я еще сварю ему похлебку“ и, дѣйствительно, въ послѣдствіи мы видимъ Акакія въ числѣ враговъ Златоуста.

Но святитель Іоаннъ пошелъ еще дальше въ духѣ лучшихъ представителей церкви своего времени. Всѣ вообще церковныя имущества считались тогда достояніемъ бѣдныхъ, и представители церкви въ моменты острой нужды не останавливались предъ продажей церковныхъ сосудовъ. Сократъ и Созоменъ приводятъ трогательный разсказъ о поступкѣ Акакія, еп. Амиды. Послѣ удачной войны съ персами во власти римскихъ воиновъ оказалось 7000 персидскихъ плѣнниковъ, которыхъ персы не могли выкупить, а воины не хотѣли освободить бесплатно. Между тѣмъ несчастные гибли отъ голода и дурнаго содержанія. Видя это, Акакій собралъ къ себѣ клиръ и сказалъ: „Богъ нашъ не имѣетъ нужды ни въ блюдахъ, ни въ чашахъ....., а такъ какъ церковь отъ усердія прихожанъ приобрѣла много золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, то цѣною ихъ прилично выкупить у воиновъ плѣнныхъ персовъ и доставить имъ пропитаніе“. Кліръ согласился, сосуды были расплавлены и драгоцѣнный металлъ проданъ. За вырученныя деньги плѣнники получили свободу и, снабженные всѣмъ необходимымъ, были отпущены домой ¹⁾.

Златоустъ ставилъ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ гораздо выше приношеній на украшеніе храма. Свой взглядъ онъ высказалъ по поводу евангельскаго повѣствованія о женѣ, возлившей многоцѣнное миро на главу Спасителя (Мѡ. XXVI, 6—7). По его мнѣнію, ропоть учениковъ былъ совершенно основателенъ и вполне соответствовалъ ученію Господа. Но Христосъ принялъ женщину подъ свою защиту лишь по своему человѣколюбію, цѣня ея усердіе, и чтобы показать ученикамъ, „что не нужно требовать съ самаго начала высокихъ дѣлъ отъ немощныхъ людей“. „Какъ прежде этого поступка Онъ не произнесъ бы своего мнѣнія, если бы кто спросилъ Его, такъ и послѣ того, какъ жена совершила его, Онъ имѣетъ въ виду только то, чтобы она не была приведена въ смущеніе порицаніемъ учениковъ, такъ какъ послѣ возліанія такое порицаніе было уже неумѣстно“. „Такъ и ты,

¹⁾ Сократъ. Церковн. Исторія, VII, 21; Созоменъ, VII, 21.

дѣлаеть отсюда выводъ проповѣдникъ, если увидишь, что кто-нибудь сдѣлалъ и приноситъ священные сосуды или заботится о другомъ какомъ-нибудь украшеніи церковномъ, касающемся стѣнъ и пола, — не позволяй продавать или истреблять то, что сдѣлано, чтобы не ослабить его усердія. Если же кто прежде, чѣмъ сдѣлать, скажетъ тебѣ о своемъ намѣреніи, то вели раздать нищимъ“ ¹⁾. Согласно этому правилу поступалъ святитель и въ своей жизни. Онъ продалъ въ пользу бѣдныхъ церковные сосуды, великолѣпные мраморы, которые были приготовлены его предшественникомъ Нектаріемъ для церкви Анастасіи, и имущество, оставленное церкви нѣкоей Феклой по духовному завѣщанію. Такъ какъ жертвователи умерли, то св. Іоаннъ, не боясь уже ослабить ихъ усердія, счелъ возможнымъ дать ихъ приношеніямъ другое назначеніе, болѣе соотвѣтствующее духу Евангелія. Но все это врагами епископа впоследствии было выставлено въ качествѣ обвиненія противъ него.

Средства, полученныя путемъ сокращенія расходовъ на содержаніе епископскаго дома и продажи церковныхъ имуществъ, Златоустъ употребилъ на помощь бѣднымъ и на построеніе обширной страннопріимницы, снабженной врачами, прислугой, всѣмъ необходимымъ и ввѣренной попеченію двухъ надежныхъ пресвитеровъ. ²⁾

Не на физическую силу, не на обаяніе богатства и пышности полагался св. Іоаннъ Златоустъ. Онъ ясно видѣлъ, что для распространенія и укрѣпленія христіанства нужно одно. — нужно, чтобы исповѣдующіе себя христіанами на дѣлѣ осуществляли ученіе, которое они сами превозносятъ на словахъ, и которому вообще нельзя не удивляться. А такъ какъ содержаніе Евангелія состоитъ въ проповѣди любви, то только осуществленіе евангельской любви во взаимныхъ отношеніяхъ вѣрующихъ служитъ единственнымъ надежнымъ средствомъ убѣдить міръ въ божественномъ происхожденіи и безусловной необходимости для челоуѣчества ученія Христа. Не чудеса обращаютъ невѣрныхъ ко Христу, потому что они всегда

1) Златоустъ. Творенія. Т. VII, стр. 802—804.

2) Свидѣтельства, относящіеся къ этому отдѣлу собраны очень полно у Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premières siècles. Т. XI. p. 119—127.—

допускають возможность поддѣлки и сомнѣнія въ ихъ подлинности, а чистота жизни, въ дѣйствительности которой нельзя сомнѣваться и отрицать которую невозможно. Язычники давно уже осудили свое ученіе, видятъ его несостоятельность и на христіанское ученіе смотрятъ съ уваженіемъ. „Но ихъ соблазняетъ то, что у христіанъ нѣтъ любви“. „На словахъ философствовать легко,—многіе изъ нихъ это дѣлали, но они требуютъ доказательства на дѣлѣ“. „Дѣйствительно, продолжаетъ Златоустъ, ничто столько не соблазняетъ, какъ порокъ, да и справедливо. Вѣдь когда язычникъ увидитъ, что тотъ, кому заповѣдано любить и враговъ, лихоимствуетъ, грабитъ, побуждаетъ къ враждѣ и обращается съ одноплеменниками, какъ съ дикими звѣрями,—онъ назоветъ наши слова пустыми бреднями. Когда увидитъ, что христіанинъ трепещетъ смерти,—какъ приметъ слово о бессмертіи? Когда увидитъ, что мы властолюбивы и раболѣпствуемъ другимъ страстямъ,—то еще болѣе будетъ приверженъ къ своему ученію, не думая о насъ ничего великаго. Мы, истинно мы виноваты въ томъ, что язычники остаются въ заблужденіи“¹⁾. Отсюда ясно, почему Златоустъ былъ противникомъ враждебнаго отношенія и насильственныхъ мѣръ по отношенію къ язычникамъ и еретикамъ, почему онъ продавалъ церковныя имущества въ пользу бѣдныхъ. Обращаться съ ненавистью и мѣрами жестокаго принужденія ко всѣмъ нехристіанамъ, медлящимъ преклониться предъ Христомъ вслѣдствіе отсутствія любви между Его учениками, не значить-ли

¹⁾ Златоустъ Твор. VIII стр. 431—485. „Никто не остался бы язычникомъ, если бы мы были дѣйствительными христіанами. Теперь христіане многочисленнѣе язычниковъ. Между тѣмъ, когда другимъ искусствамъ одинъ можетъ научить сто отроковъ, здѣсь, несмотря на то, что есть много учителей и что ихъ гораздо больше, чѣмъ учениковъ, никто не присоединяется. Учащіеся взираютъ на добродѣтели наставниковъ и, если видятъ, что и мы того же желаемъ, чего и они, т. е. почестей и власти, то какъ они могутъ почувствовать уваженіе къ христіанству? Они видятъ жизнь порочную, души земныя, (видятъ), что мы столько же пристрастны къ деньгамъ, какъ и они, и даже еще больше, передъ смертію такъ же, какъ и они трепещемъ, боимся бѣдности наравнѣ съ ними, въ болѣзняхъ, какъ и они, рощемъ, одинаково любимъ власть и силу и, мучась сребролюбіемъ, стараемся уловить благоприятный случай. Итакъ, чего ради они станутъ вѣровать! Ради знаменій? Но ихъ уже больше нѣтъ. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ея и слѣда нигдѣ не видно“. Златоустъ. Т. XI, 687—688.

подливать масло въ огонь, не значить-ли питать ихъ недо-
вѣрїе, не значить-ли доказывать фактически недостатокъ
христіанской любви? ¹⁾ Если храмы блещутъ золотомъ, мраморомъ и драгоценностями, а люди безъ пристанища умираютъ отъ голода, то не свидѣтельствуемъ ли это о равнодушіи и жестокости жертвователей? Вотъ почему далѣе Златоустъ является такимъ пламеннымъ почитателемъ ап. Павла. При одномъ упоминаніи этого имени, онъ непременно дѣлаетъ отступленіе отъ предмета рѣчи, чтобы восхвалить и прославить апостола, воспѣваемаго гимнъ любви въ чело-
вѣческихъ отношеніяхъ. Но не это только, а и глубокий внутренній характеръ религіознаго настроенія ап. Павла, его борьба противъ всего внѣшняго, условнаго, временнаго въ отношеніяхъ души человѣческой къ Богу, находили для себя сочувственный отзвукъ въ родственномъ сердцѣ Златоуста. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сравнить отношеніе свѣтителя къ двумъ проповѣдникамъ любви апостольскаго вѣка — ап. Іоанну и ап. Павлу. Онъ преклоняется предъ тайнами, которыя возвѣщаетъ любимый ученикъ Господа, предъ его кротостью, но изъ того, какъ сравнительно рѣдко и въ какомъ тонѣ говоритъ онъ о немъ, видно, что не сынъ Заведевъ былъ его идеаломъ.

Теперь мы коснулись самаго зерна личности Златоуста, того живительнаго ключа, изъ котораго струились всѣ его мысли, чувства, поступки. Своею цѣлью онъ поставилъ оживить совѣсть вѣрующихъ, магнетизмомъ своей личности и слова вызвать въ каждомъ отдѣльномъ сердцѣ то религіозно-нравственное одушевленіе, которое онъ носилъ въ своей собственной душѣ, чтобы опираясь на эту внутреннюю силу провести въ жизнь идеалъ евангельской любви. Посвящая раскрытію этой мысли свои дальнѣйшія строки, мы попытаемся отвѣтить въ нихъ на два вопроса: какими средствами свѣтитель надѣялся оживить совѣсть своей паствы, этотъ центръ и внутреннюю основу религіозно-нравственной жизни, и въ какихъ опредѣленныхъ формахъ хотѣлъ онъ осуществить въ обществѣ идеалъ христіанской любви.

I. Для внутренняго возрожденія общества Златоустъ пользовался религіозно-нравственными вліяніями, исходящими

¹⁾ Златоустъ, Т. X, стр. 337—340.

отъ церкви. Сюда относится богослуженіе и тѣсно связан-
ныя съ нимъ чтеніе св. писанія и проповѣдь.

Богослуженіе Златоустъ признавалъ однимъ изъ самыхъ
могучихъ средствъ воздѣйствія на вѣрующихъ и настаивалъ
на томъ, чтобы его слушатели посѣщали церковь какъ мож-
но чаще.

Какъ высоко цѣнилъ св. Іоаннъ Златоустъ вліяніе молит-
вы и богослуженія на душу человѣка, видно изъ его цер-
ковныхъ мѣропріятій въ Константинополѣ. Такъ какъ мно-
гіе мужчины, занятые днемъ дѣлами, не имѣли возможно-
сти посѣщать богослуженіе днемъ, то для нихъ святитель
ввелъ ночныя богослуженія, къ огорченію духовенства,
привыкшаго дорожить своимъ ночнымъ покоемъ. Эти бого-
служебныя собранія, начинаясь съ полуночи, были предна-
значены исключительно для мужчинъ. Таково же было зна-
ченіе введенныхъ Златоустомъ процессій съ крестами и свѣ-
тильниками въ противовѣсъ процессіямъ и антифонамъ
аріанъ, собиравшихся по субботамъ и воскресеньямъ у го-
родскихъ воротъ.

Вся сумма впечатлѣній, получаемыхъ человѣкомъ въ цер-
кви, по ученію Златоуста, производитъ обновляющее и воз-
вышающее дѣйствіе на его нравственное состояніе. „Полу-
чивъ великую пользу и душевное утѣшеніе не только отъ
поученія, но и отъ молитвы, и отъ отеческаго благословенія,
и отъ общаго собранія, и отъ многого другого, человѣкъ
возвращается изъ церкви, принося домой безчисленныя бла-
га“. ¹⁾ Но главнымъ источникомъ вліянія въ богослуженіи слу-
жить чтеніе св. писанія и проповѣдь. Первое получало осо-
бенную важность потому, что дороговизна рукописей дѣла-
ла въ то время біблію недоступной для бѣдныхъ. Система-
тическое чтеніе св. Писанія въ церкви могло замѣнить его
домашнее употребленіе. Кто, говоритъ св. Іоаннъ въ одной
изъ своихъ проповѣдей, неопустительно посѣщаетъ церковь и
внимательно слушаетъ, что въ ней читаютъ, тотъ уже въ
теченіе одного года можетъ ознакомиться со всѣмъ св. пи-
саніемъ. ²⁾

Но св. писаніе, чтобы стать руководствомъ жизни, нужда-

1) Творенія. Т. II. 563—564.

2) Ibid. Т. IV, стр. 297.

ется въ истолкованіи и примѣненіи къ конкретнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ, въ которыя поставленъ чело-вѣкъ. Отсюда необходимость проповѣди, и она то составляла настоящее величіе Златоуста. Какъ древній пророкъ, онъ полагалъ свое жизненное призваніе въ томъ, чтобы быть глашатаемъ любви и правды, звучать надъ міромъ призывнымъ колоколомъ, радуясь успѣхамъ и не смущаясь видимымъ безплодіемъ своихъ словъ. „Я убѣдилъ душу свою, говоритъ онъ, чтобы доколѣ буду дышать, и Богу угодно будетъ продолжить мою настоящую жизнь, исполнять служеніе проповѣдника и дѣлать повелѣнное, будетъ ли кто слушать меня или не будетъ слушать“ ¹⁾.

Чтобы имѣть вліяніе, онъ приблизилъ себя къ народу и умѣлъ сдѣлать свою проповѣдь для всѣхъ понятной. Созоменъ рассказываетъ, что Златоустъ имѣлъ обыкновеніе проповѣдывать не съ епископской кафедры, а съ амвона чтеца, ставившагося тогда въ срединѣ церкви, и это имѣетъ символическое значеніе для всей его дѣятельности. Какъ бы нисходя съ высоты своего іерархическаго положенія, онъ смѣшивался съ народомъ, опрошался, входилъ совѣтникомъ, обличителемъ и утѣшителемъ въ его подавленную заботами, непониманіемъ и страстями среду. Окруженный со всѣхъ сторонъ паствой, онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ его слова на слушателей, чтобы тотчасъ же разсѣять возникшее недоразумѣніе, развить свою мысль подробнѣе, отвѣтить на недоумѣніе, призвать къ вниманію. Его бесѣды, записанныя стенографически, позволяютъ видѣть и наблюдать это постоянное взаимодействіе, образующее какъ бы замкнутый токъ между проповѣдникомъ и паствой. При чтеніи ихъ въ сознаніи встаютъ цѣлыя картины. Всякій разъ чувствуешь, когда проповѣдникъ съ своимъ призывомъ идетъ навстрѣчу стремленіямъ своихъ слушателей и когда онъ борется съ своей аудиторіей. Позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ. Въ одной изъ бесѣдъ на кн. Бытія Златоустъ развиваетъ мысль о происхожденіи власти и вдругъ, прерывая свою рѣчь, обращается къ слушателямъ: „но воспряните духомъ и оставьте небрежность. Для чего говорю это? Мы излагаемъ вамъ писаніе, а вы,

1) Ibid. Т. I, стр. 770 ср. т. IV, 442—443; 822.

отведши глаза отъ насъ, устремляете ихъ на лампы и на зажигающаго лампы. Какая это небражность — оставить насъ, смотрѣть на это!.. И никто изъ васъ, возлюбленные, не считай этого обличенія тяжкимъ: мы обличаемъ не по ненависти, а по желанію вамъ добра“ ¹⁾. Очень часто проповѣдника прерывалъ взрывъ рукоплесканій. Если это было въ срединѣ проповѣди, онъ иногда удерживалъ отъ этого своихъ восторженныхъ почитателей. Такъ въ одной бесѣдѣ читаемъ: „вы рукоплещете? Но теперь не время рукоплесканій, а послѣ можете и рукоплескать и подражать“ ²⁾. Златоустъ не былъ принципиальнымъ противникомъ этого способа одобреній. Правда, часто онъ говоритъ, что слушатели доставили бы ему больше утѣшенія, если бы вмѣсто рукоплесканій принимали его совѣты и осуществляли ихъ въ жизни ³⁾, но въ подобныхъ случаяхъ онъ не возражаетъ противъ самого обычая. Конечно, не тщеславіемъ была внушена такая снисходительность, а пользою дѣла. Бурные знаки одобренія указывали на то, что проповѣдь слушаютъ съ увлеченіемъ, что она оказываетъ свое дѣйствіе, что, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, ее можно продолжить. Заканчивая одну изъ своихъ бесѣдъ, проповѣдникъ обратился къ слушателямъ съ просьбой, чтобы они, возвратясь домой, передали ея содержаніе домочадцамъ, не присутствовавшимъ въ церкви, и такимъ образомъ къ обычной вечерней трапезѣ присоединили трапезу духовную. На другой день онъ начинаетъ свою проповѣдь словами: „что же, предложили ли вы двоякую трапезу?“ И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „знаю, что вы это сдѣлали и вкусили не только той, но и этой трапезы... и это узналъ я не отъ слуги вашего или домочадца, а отъ достовѣрнѣйшаго вѣстника. Отъ кого же? Это—ваши рукоплесканія сказанному, похвала преподанному. Когда я вчера сказалъ: „пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ домъ свой церковью“, вы громко воскликнули, выражая удовольствіе по поводу этихъ словъ. А кто съ удовольствіемъ слушаетъ то, что говорятъ, тотъ обнаруживаетъ готовность показать это на дѣлѣ. Поэтому я сегодня еще съ большимъ усердіемъ приступаю къ бесѣдѣ“ ⁴⁾. Въ другой бесѣдѣ читаемъ: „радуюсь и вос-

¹⁾ Ibid. Т. IV, 747—748.

²⁾ Ibid. Т. X, стр. 39.

³⁾ Ibid. Т. I, стр. 511—513. 636. Т. IV, стр. 2, 577.

⁴⁾ Ibid. Т. IV, стр. 760—761. Ср. стр. 23.

хищаюсь, видя, что вы съ удовольствіемъ слушаете меня и своими рукоплесканіями показываете, что вы стараетесь расположить себя къ примиренію съ врагами и привести въ исполненіе эту заповѣдь Господню“¹⁾). Приведемъ еще одну выдержку, показывающую, какъ искусно пользовался Златоустъ настроеніемъ слушателей. Онъ описываетъ, что происходило во время проповѣди о неосужденіи ближнихъ, произнесенной въ предшествовавшее воскресеніе. „Рѣчь наша, говоритъ онъ, продлилась тогда долго, безмѣрно долго, какъ никогда еще не бывало, и многіе ожидали, что отъ такой продолжительности слова погаснетъ въ васъ усердіе къ слушанію; но вышло противное: въ васъ еще больше разгоралось сердце, болѣе воспламенялось усердіе. Изъ чего же это видно? Изъ того, что рукоплесканія подъ конецъ увеличились и восклицанія усилились... Сначала собраніе волновалось не сильно; но когда рѣчь простерлась далеко, обняла всѣ части предмета, и предложено было обильнѣйшее наставленіе, тогда то именно и разгорѣлась въ васъ охота къ слушанію, и стали раздаваться сильнѣйшія рукоплесканія. Поэтому я тогда, хотя и располагалъ было сказать меньше, нежели сколько сказалъ, преступилъ однакожь обыкновенную мѣру; а лучше сказать, нисколько не преступилъ я мѣры, потому что количество ученія привыкъ я измѣрять не множествомъ словъ, но расположеніемъ слушающихъ“²⁾). Не буква и не внѣшнія формы жизни были важны для св. Іоанна Златоуста, а внутреннее настроеніе и успѣхъ Евангелія... Но не одни только рукоплесканія выражали настроеніе слушателей. Мы видимъ, какъ постепенно церковь умолкаетъ, подавленная картиннымъ описаніемъ смертнаго часа, когда душа, вспоминая о своихъ прегрѣшеніяхъ, готова бываетъ покинуть тѣло, чтобы предстать предъ страшнымъ судищемъ³⁾). Въ другой разъ трогательное описаніе жертвоприношенія Исаака исторгаетъ у слушателей обильныя слезы⁴⁾). То же самое происходитъ подъ вліяніемъ словъ проповѣдника о плачѣ Давида, услышавшаго о гибели Саула, и тотчасъ

¹⁾ Ibid. IV, 282.

²⁾ Ibid. T. II, стр. 272.

³⁾ Ibid. T. I, 792—793.

⁴⁾ Ibid. T. X, стр. 498.

же пастырь пользуется минутой размягченія сердець, чтобы непосредственно обратить возникшее чувство въ моральный актъ. „Вы растроганы теперь, заплакали, возмутились духомъ, и ваши глаза готовы проливать слезы? Вспомни же каждый теперь, пока еще сердце горитъ печалью, о своемъ врагѣ и оскорбителѣ, береги его при жизни и оплакивай послѣ смерти,—не на показъ, а отъ души и отъ чистаго сердца“¹⁾.

Изъ внѣшнихъ пріемовъ, которыми пользовался проповѣдникъ, можно отмѣтить три слѣдующіе. Во-первыхъ, онъ любилъ дѣлать обширныя вступленія къ своимъ бесѣдамъ, что не всегда правилось слушателямъ. Но это обыкновеніе имѣло для себя серьезныя основанія. Предварительныя замѣчанія вводили слушателей, преимущественно простыхъ, въ сущность вопроса, подготовляли ихъ къ пониманію главнаго предмета рѣчи. Далѣе, такъ какъ рядъ бесѣдъ часто представлялъ собою нѣчто цѣлое, то необходимо было установить между ними связь и дать понятіе о сказанномъ уже тѣмъ слушателямъ, которые не присутствовали въ предшествовавшихъ богослужебныхъ собраніяхъ²⁾.

Во-вторыхъ, Златоустъ старался разнообразить содержаніе своихъ бесѣдъ, по возможности не посвящать ихъ раскрытію исключительно одного какого-нибудь предмета. Это было важно уже въ томъ отношеніи, что поддерживало вниманіе слушателей. Для простаго человѣка трудно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени сосредоточивать свое вниманіе на одной какой-либо мысли, но рѣчь, въ которой затрогиваются различные предметы, является для него болѣе доступной. Сверхъ того проповѣдникъ хотѣлъ, чтобы каждый изъ слушателей извлекъ хоть что-нибудь полезное изъ его словъ. „Я не знаю, говорить онъ, больныхъ, не знаю и здоровыхъ, потому предлагаю всякаго рода поученія, потребныя въ болѣзняхъ всякаго рода: обличаю то корыстолюбіе, то объяденіе, иногда осуждаю любострастіе, иной разъ восхваляю милосердіе и убѣждаю къ нему; иной разъ—другія добродѣтели. Я опасаясь, чтобы, разсуждая въ поученіи объ одной болѣзни, не забыть уврачевать другихъ, тогда какъ вы страдаете ими“³⁾.

¹⁾ Ibid. T. IV, стр. 853.

²⁾ Ibid. T. III, стр. 126.

³⁾ Ibid. T. VIII, стр. 148—149.

Третій пріемъ состоялъ въ настойчивости, съ которою проповѣдникъ возвращался къ одному и тому же предмету. Замѣтивъ въ паствѣ какой-нибудь порокъ, не имѣющій глубокихъ корней въ самой природѣ человѣка или въ устройствѣ общества, и поэтому надѣясь искоренить его словомъ, онъ систематически, въ каждой проповѣди въ теченіе долгаго времени призывалъ слушателей къ борьбѣ съ этимъ порокомъ, пока не достигалъ нѣкоторыхъ результатовъ. Такъ почти въ каждой бесѣдѣ о статуяхъ онъ возстаетъ противъ клятвы, цѣлый рядъ бесѣдъ направленъ также противъ гнѣва. Самъ Златоустъ указываетъ и основанія, побуждающія его поступать такимъ образомъ... „Если кто захочетъ, говорить онъ, съ корнемъ исторгнуть страсть, укоренившуюся и долго живущую въ душѣ, то для этого недостаточно однодневнаго или двухдневнаго увѣщанія, а нужно часто и въ продолженіи многихъ дней бесѣдовать объ этомъ предметѣ... пока не увидимъ, что внушеніе перешло въ дѣло“¹⁾.

Таковы внѣшніе пріемы проповѣди Златоуста, сближавшіе его съ народомъ и обезпечивавшіе ему возможность вліянія на паству. Что касается самыхъ задачъ ея, то, не касаясь пока ея содержанія, или самыхъ нравственныхъ идеаловъ святителя, задачи эти можно свести къ двумъ основнымъ.

Первая состояла въ томъ, чтобы обострить совѣсть паствы, очистить ея нравственное сознаніе, дать почувствовать грѣховность обычныхъ формъ жизни, вредъ и низменность порока. Обращаясь къ совѣсти, онъ дѣйствовалъ на нее силою убѣжденія и совѣта. „Мы не повелѣваемъ, возлюбленные, говорить онъ, вашей любви, не деспотически приказываетъ вамъ. Мы поставлены для поученія васъ словомъ, а не для начальствованія и самовластія надъ вами; наше дѣло совѣтовать вамъ и увѣщевать. Совѣтникъ говоритъ, что ему должно, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу—принять или не принять совѣтъ. Онъ будетъ виновенъ только въ томъ случаѣ, если не скажетъ того, что ему поручено“²⁾. Но совершенно не соответствовало бы дѣйствительному характеру проповѣдника, если бы мы стали представлять его себѣ всегда кратко поучающимъ.

1) Ibid. T. IV, 831—832.

2) Ibid. XI, 104.

Истинная любовь и нравственный паѳосъ—это не тепленькая водица, усыпляющая своимъ мѣрнымъ журчаніемъ. Святое негодованіе охватывало часто вселенскаго учителя при видѣ жестокосердія и суетности. Историкъ Сократъ не даромъ говорить, что, по словамъ одного изъ близкихъ къ Златоусту лицъ, этотъ послѣдній „съ ранней юности обнаруживалъ въ своемъ характерѣ болѣе суровости, нежели ласковости“¹⁾. Голосъ его, какъ укоряющая совѣсть преступника, часто звучалъ гнѣвомъ. Говоря однажды о безсердечіи богатыхъ, которые видятъ въ бѣдномъ только притворщика, онъ восклицаетъ: „и ты не боишься такими словами навлечь на себя молніи свыше? Простите, я дрожу отъ гнѣва... И ты еще спрашиваешь, для чего геена? Спроси лучше, почему только одна геена“²⁾? Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ не мало примѣровъ, съ какою силою и какъ властно бичевалъ онъ порокъ и жестокосердіе.

Для проповѣдника, проникнутаго несокрушимой вѣрой въ силу совѣсти и могущество нравственнаго начала въ чловѣкѣ, какимъ былъ Златоустъ, обнажить предъ сознаніемъ страждущаго нравственнымъ недугомъ скрытые мотивы его дѣйствій и разоблачить предъ нимъ софистику страсти значило сдѣлать главное. И на это именно святитель обращалъ главное вниманіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ внимательно прочесть его бесѣды противъ живущихъ съ дѣвственницами. Здѣсь проповѣдникъ со смѣлостью и творческой оригинальностью высокихъ дарованій не стѣсняется касаться самыхъ интимныхъ сторонъ чловѣческой природы и безжалостно срываетъ маску съ притворной добродѣтели. Послѣ одного изъ подобныхъ обличеній, онъ говоритъ: „никогда не переставайте рыдать объ этомъ и терзаться, такая скорбь будетъ для васъ началомъ исправленія. Для того то я и усилить мое слово, чтобъ сдѣлать рану глубже, избавить васъ отъ гнѣнія зараженныхъ членовъ и возвратить вамъ совершенное душевное здравіе“³⁾. Великій знатокъ чловѣческой души, онъ былъ убѣжденъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдь по внѣшности остается безплодной,

1) Сократъ. Церковная Исторія. Кн. VI, 3.

2) Златоустъ. Творенія. Т. X, стр. 207—209.

3) Ibid. Т. VII, 71.

въ дѣйствительности она не пропадаетъ даромъ. Разъ потревоженная совѣсть уже не успокоится. Пусть по слабости человѣкъ продолжаетъ вести порочную жизнь, но однажды сознавая грѣховность такой жизни остается внутреннимъ жаломъ и надеждой возрожденія. Внутренно порокъ уже сломанъ. Вотъ интересное и характерное мѣсто въ первомъ словѣ о Лазарѣ. Наканунѣ Златоустъ говорилъ противъ пьянства. Его слова не оказали дѣйствія, и безплодность ихъ подала поводъ къ насмѣшкамъ. Увидѣвъ нѣкоторыхъ вчерашнихъ слушателей проповѣдника снова въ корчемницѣ, многіе говорили: „такъ хорошо они убѣдились; совсѣмъ никто не пошелъ въ корчемницу; всѣ отрезвились!“ На это самоотверженный и терпѣливый учитель христіанской жизни далъ знаменательный отвѣтъ: „пусть будетъ, что никто не убѣдился моими словами, хотя невозможно, чтобы осталось безплоднымъ слово, посвянное вслухъ столь многихъ; но пусть это будетъ такъ, однако и въ такомъ случаѣ слово мое не бесполезно. Если они и входили въ корчемницу, то входили уже не съ такимъ безстыдствомъ, и за столомъ часто вспоминали о словахъ моихъ, укоризнѣ, обличеніи и, вспоминая, стыдились, краснѣли мысленно и дѣлали обычныя дѣла уже не съ такою наглостію. А вполне почувствовать стыдъ, вполне осудить дѣла свои, это — начало спасенія и прекрасной перемѣны“. А затѣмъ Златоустъ возлагаетъ надежду на настойчивость своей проповѣди. „Не убѣдиль я сегодня, говорить онъ, но можетъ быть успѣю убѣдить завтра. И завтра не успѣю? Но можетъ быть послѣ завтра или еще въ послѣдующій за тѣмъ день“ ¹⁾.

Но Златоустъ не ограничивался обличеніями. Какъ руководитель совѣсти, онъ ставилъ своею второю задачею указать практическій способъ осуществленія нравственныхъ принциповъ въ жизни. Возставая противъ разврата, половыхъ излишествъ и жизни, растрачиваемой на наслажденія дурного тона, онъ убѣждаетъ родителей „не медлить связывать дѣтей брачными узами“, пока ихъ сыновья еще не познакомились съ куртизанками и не вошли во вкусъ подобныхъ развлеченій. Онъ не стѣсняется входить въ подробное обсужденіе этой темы и, замѣтивъ нѣкоторое движеніе среди

¹⁾ Ibid. T. I. 769—771.

слушателей, прибавляетъ: „Не правда-ли, я говорю точно сваха; но я не стыжусь говорить это, потому что и Павелъ не стыдился, когда говорилъ: не лишайте себе другъ друга,... потому что онъ обращалъ вниманіе не на слова, а на поступки, которые хотѣлъ исправить посредствомъ словъ“¹⁾.

Поразительна широта духовнаго опыта и сила наблюдательности, которыми пользуется проповѣдникъ для подобныхъ же цѣлей. Современная психологія установила научно связь чувства съ выражающими его тѣлодвиженіями, въ силу которой какъ чувство стремится само собой обнаружиться въ жестъ, такъ, наоборотъ, жестъ, тѣлодвиженіе вызываетъ соответствующее чувство. Но это явленіе было хорошо извѣстно Златоусту эмпирически, и онъ пользуется этимъ, чтобы указать слушателямъ легкій способъ борьбы съ гнѣвливостью. „Крикъ — это конь, имѣющій своимъ всадникомъ гнѣвъ. Смири коня и побѣдишь всадника. Пусть выслушаютъ это съ особеннымъ вниманіемъ женщины, потому что они особенно любятъ кричать и шумѣть во всякомъ дѣлѣ... Если ты хочешь провѣрить наши слова на дѣлѣ, то воздерживайся всегда отъ крика, и ты никогда не придешь въ гнѣвъ. Вотъ способъ укрощенія гнѣва! И какъ невозможно разгнѣваться тому, кто удерживается отъ крика, такъ невозможно не притти въ гнѣвъ тому, кто кричитъ... Какъ невозможно, не поднимая рукъ, вступить въ кулачный бой; такъ невозможно, не поднимая крика, предаться грѣву... Крикъ же возбуждаетъ гнѣвъ и тогда, когда его нѣтъ“²⁾. Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, такъ какъ въ дальнѣйшемъ мы постоянно будемъ имѣть дѣло съ примѣненіемъ евангельскаго идеала къ жизни, что и составляетъ въ собственномъ смыслѣ содержаніе проповѣди Златоуста.

Великій святитель понималъ, что нравственное возрожденіе общества нельзя связывать съ одною личностью и все основывать на ея авторитетѣ. Онъ хотѣлъ поэтому возбудить нравственную самодѣятельность личности и паствы. Для него было важно зажечь свѣтъ Евангелія въ каждой отдѣльной душѣ, въ нее самое перенести учителя и обличителя. Такъ какъ его собственная религіозно-нравствен-

¹⁾ *ibid.* XI, 518—520.

²⁾ *ibid.* XI, 132—133.

ная жизнь питалась словомъ Божиимъ, то постоянное, систематическое чтеніе библіи онъ старался ввести въ домашній обиходъ каждаго христіанина. Онъ настойчиво совѣтуетъ всѣмъ, даже бѣднымъ, приобрѣтать св. писаніе и читать его дома—въ семьѣ. Этотъ непосредственный источникъ внутренняго обновленія оказываетъ благодатное вліяніе на всю религіозную жизнь человѣка. „Даже одинъ видъ Евангелія дѣлаетъ насъ болѣе воздержными отъ грѣха; если мы и дерзнемъ на что-нибудь запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянувъ на эти книги, мы осуждаемъ себя въ совѣсти и дѣлаемся менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ. Какъ только кто касается Евангелія, то тотчасъ благоустраиваетъ умъ свой и при одномъ взглядѣ на него отрѣшается отъ всего житейскаго. Если же присоединится и внимательное чтеніе, то душа, какъ бы вступая въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, такъ какъ съ нею бесѣдуетъ Богъ чрезъ эти писанія“ 1).

Въ связи съ историческимъ пониманіемъ писанія и нравственно-практическимъ отношеніемъ къ нему стоитъ увѣренность св. Іоанна Златоуста въ простотѣ, ясности и общедоступности библіи. Онъ не искалъ, подобно александрійцамъ, религіозныхъ тайнъ подъ покровомъ буквы, но видѣлъ, что непосредственнаго значенія слова Божія достаточно для спасенія и высокой христіанской жизни, что каждый изъ насъ во всякій моментъ своей жизни, допросивъ совѣсть при свѣтѣ Евангелія, получаетъ изъ него абсолютно достовѣрное указаніе, какъ ему должно поступить, чтобы остаться достойнымъ ученикомъ Христа. „Благодать Духа для того и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбаки, скинотворцы, пастухи козъ и овецъ, люди простые и неученые, чтобы они были понятны и всѣмъ.“ „Для кого не ясно все, что заключается въ Евангеліяхъ? Кто, слыша, что блаженны кроткіе, блаженны милостивые, блаженны чистые сердцемъ и подобное этому, будетъ нуждаться въ учителѣ, чтобы сколько нибудь понять сказанное? А обстоятельства знаменій, чудесъ и историческихъ повѣствованій не всякому-ли понятны и ясны?“ Вмѣстѣ съ

1) *ibid.* Т. 1, 803 *ср.* IV, 297.

этимъ онъ даетъ простому человѣку совѣтъ, какъ нужно поступить въ случаѣ затрудненій. „Возьми въ руки книгу; прочитай всю исторію; понятное удержи въ памяти, а неясное и непонятное прочти нѣсколько разъ; если же и при частомъ чтеніи не въ состояніи будешь понять того, о чемъ говорится, ступай къ мудрѣйшему, поди къ учителю, снесись съ нимъ о сказанномъ, покажи великое усердіе, и Богъ, видя, что ты употребляешь такое стараніе, не презреть твоей неусыпной заботливости; если человѣкъ не изъяснить тебѣ искомага, то Онъ Самъ несомнѣнно откроетъ“¹⁾.

Чтобы развить въ паствѣ навыкъ читать и понимать писаніе, св. Іоаннъ почти въ каждой изъ своихъ бесѣдъ объясняетъ извѣстный отдѣлъ священнаго текста, стараясь привлечь слушателей къ дѣятельному участию въ этомъ. Онъ совѣтуетъ слушателямъ, приходя домой изъ церкви, брать библію и стараться воспроизвести въ памяти сказанное проповѣдникомъ²⁾. Иногда онъ указывалъ трудности въ пониманіи извѣстнаго мѣста, но не разрѣшалъ ихъ самъ, а предоставлялъ подумать объ этомъ самимъ слушателямъ. Онъ хотѣлъ приучить паству не всегда принимать уже приготовленную пищу, но и самостоятельно искать разрѣшенія затрудненій. Онъ сравниваетъ себя съ голубкой, которая кормитъ птенцовъ изъ собственнаго клюва, пока они въ гнѣздѣ, а когда крылья ихъ подростутъ, то выманиваетъ ихъ, показывая имъ издали принесенныя зерна, и затѣмъ бросаетъ пищу на землю, чтобы научить ихъ самихъ отыскивать для себя кормъ.

Въ дѣлѣ вліянія на паству св. Іоаннъ Златоустъ искалъ помощи и поддержки въ самой паствѣ. Религіозно-нравственное возрожденіе онъ хотѣлъ сдѣлать цѣлью общихъ стремленій для всѣхъ членовъ церкви и призывалъ ихъ къ взаимопомощи на этомъ пути. „Что успѣю сдѣлать я одинъ? Я не могу одинъ каждый день быть съ вами; не достааетъ силъ бесѣдовать съ такимъ множествомъ. Если же вы захотите принять участіе въ спасеніи другъ друга и взять на себя каждый по одному изъ безпечныхъ братій, то у насъ быстро пойдетъ дѣло назиданія“³⁾. И дѣйствительно, во многихъ слу-

1) Ibid. T. I, 804.

2) Ibid. III, 76—77, 88.

3) Ibid. I, 774.

чаяхъ Златоустъ обращается къ слушателямъ съ просьбой слѣдить другъ за другомъ и помогать другъ другу въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія¹⁾. Но преимущественно онъ возлагалъ надежду на семью и чрезъ нее старался провести евангельскій идеалъ въ жизнь. Каждую семью онъ хотѣлъ обратить въ церковь, а главу семьи въ священника и мисіонера. Призывая къ этому своихъ слушателей, онъ доказываетъ имъ, что такая задача не превышаетъ ихъ силъ. „Каждый, если захочетъ, имѣетъ возможность учить“. Каждый хозяинъ дома долженъ учить жену, дѣтей, рабовъ, и при этомъ онъ находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ священникъ. Проповѣдникъ бесѣдуетъ съ своими духовными чадами одинъ-два раза въ недѣлю, отецъ семейства всегда съ своими домочадцами; священникъ не знаетъ хорошо всѣхъ нравственныхъ недуговъ слушателей, отецъ семейства прекрасно знаетъ характеръ окружающихъ его лицъ²⁾. Нерѣдко Златоустъ даетъ совѣты, какъ нужно приступать къ исправленію пороковъ и какими мѣрами вліять на окружающихъ. Вотъ, напр., совѣтъ мужу, котораго онъ призываетъ бороться со страстью жены къ нарядамъ и притираніямъ. „Мужъ достигнетъ цѣли, если не вдругъ все станетъ запрещать женѣ, но начнетъ съ легчайшаго, къ чему она не особенно привязана. Если ты вдругъ захочешь исправить ее, то ни мало не успѣешь. И такъ не отнимай у ней тотчасъ же драгоценныхъ уборовъ, но позволь ей нѣкоторое время пользоваться ими. Эти украшенія можно считать меньшимъ зломъ въ сравненіи съ разными притираніями и намащеніями. Итакъ сначала уничтожь притиранія; да и это дѣлай не со страхомъ и угрозами, но убѣжденіями и ласками: говори, что за это осуждаютъ и произноси свой собственный судъ и мнѣніе. и чаще напоминай ей, что тебѣ не только не нравится такое украшеніе лица, но и весьма неприятно; увѣрай ее, что это очень огорчаетъ тебя; потомъ, произнеши свой собственный судъ, присоединяя къ этому мнѣніе другихъ; говори, что это безобразно и красивыхъ женщинъ, чтобы такимъ образомъ истребить страсть ея. Не говори ей ничего

1) Ibid. IV, 19; 75—76; 298; 822; I, 513.

2) Ibid. III, 87.

ни о геенѣ ни о царствіи, потому что напрасно будешь говорить объ этомъ; но увѣрь, что она болѣе тебѣ нравится въ такомъ видѣ, въ какомъ Богъ сотворилъ ее, а когда она разглаживаетъ, натираетъ и намащаетъ лице свое, то и другимъ не кажется красивою и благовидною. А когда смягчишь ее такимъ убѣжденіями, тогда уже говори ей и о геенѣ и о царствіи. И если много разъ ты будешь говорить ей, и она не послушаетъ тебя, и тогда не переставай повторять ей словъ своихъ, впрочемъ не со враждой, а съ любовію; и иногда показывай какъ бы недовольный видъ, а иногда ласкай и угождай ей“ ¹⁾. Подобныя же наставленія даетъ святитель относительно борьбы съ страстію любостыжанія ²⁾.

И. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Ibid. Т. VII, 337.

²⁾ Ibid .X., стр. 106—109.

Св. Іоаннъ Златоустъ и его враги ¹⁾).

II. Св. Іоаннъ Златоустъ былъ проповѣдникомъ евангельскихъ началъ въ общественныхъ отношеніяхъ, и въ этомъ его главная своеобразность. Начиная съ IV вѣка, въ восточной церкви получаетъ все большее преобладаніе аскетическій идеалъ и монашество. Все, наиболѣе религіозное, искреннее и прямолинейное, отталкиваемое всевозможными компромиссами и паденіемъ христіанскихъ нравовъ въ мірѣ, который, подчинившись христіанству по внѣшности, казалось, побѣдилъ его внутренно, стремилось въ монастыри. Это была религія отчаянія: не надѣясь сдвинуть инертную массу полужычскаго общества, исповѣдавашаго Христа лишь на словахъ, лучшіе люди бѣжали изъ міра, чтобы среди безплодныхъ пустынь въ обществѣ единомысленныхъ создать такіа внѣшнія условія жизни, при которыхъ Евангеліе могло бы быть осуществлено. Монашество имѣетъ свои крупныя заслуги предъ церковью, которыя мы не думаемъ отрицать, но массовое увлеченіе имъ, съ другой стороны, имѣло и очень печальныя послѣдствія для христіанскаго общества, которое въ цѣломъ, конечно, никогда не можетъ уйти въ монастырь. Во-первыхъ, широкое аскетическое теченіе само собою производило отборъ, самый невыгодный для церкви, дѣйствовавшей въ мірѣ. Христіанское общество покидали элементы наиболѣе религіозные и чуткіе къ моральнымъ задачамъ, т. е. именно тѣ, которые и могли бы послужить евангельской закваской, подъ воздѣйствіемъ которой вскисло бы

¹⁾ Окончаніе. См. Ноябр. кн. „Богосл. Вѣсти“.

все тѣсто. Изъ этого перваго естественно вытекаетъ второе неблагопріятное послѣдствіе монашескаго движенія. Люди, поставившіе своей задачей практическое осуществленіе Евангелія, каковы были монахи, естественно болѣе другихъ церковныхъ писателей способны были создать литературу, руководящую къ христіанской жизни. И они ее дѣйствительно создали. Творенія аскетовъ имѣли наиболѣе жизненное значеніе и сохраняютъ его до настоящаго времени. Сочиненія церковныхъ писателей, работавшихъ надъ выясненіемъ вѣроченія, — Аенасія Великаго, Григорія Нисскаго, Кирилла Александрійскаго, — необходимы и интересны для богослова; творенія Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго, Исаака Сирина читаетъ народъ и всѣ тѣ, для кого главное не богословскія разсужденія, а жизнь по Евангелію. Но аскетическая литература, по существу индивидуалистическая, сверхъ того обращается къ опредѣленному кругу лицъ. Она имѣетъ въ виду монаха, аскета, жизнь въ уединеніи или монастырѣ. Естественно, поэтому, она не могла удовлетворять всѣмъ запросамъ христіанъ, жизнь которыхъ протекала въ совершенно иныхъ условіяхъ: для мірянъ она была съ одной стороны, непримѣнимой, съ другой — недостаточной. Семьянинъ, государственный чиновникъ, купецъ, ремесленникъ, воинъ и рабъ находили въ ней правила строгаго аскеза, для нихъ излишнія, и не находили указаній, какъ осуществить ученіе Христа въ общественной жизни. Во всякомъ случаѣ монашескія правила, чтобы стать руководствомъ жизни для мірянина, требуютъ спеціальнаго приспособленія, истолкованія и разъясненія. Но большинство мірянъ, поглощенныхъ ежедневными заботами и неопытныхъ въ духовной жизни, не имѣли ни времени, ни силъ, чтобы выполнить эту работу самостоятельно, и потому во многомъ вовсе оставались безъ руководства. Наконецъ, преобладаніе монашескихъ тенденцій ослабляло нравственную энергію членовъ церкви, живущихъ въ обычныхъ условіяхъ семьи и государства. Имъ такъ часто и такъ настойчиво говорили о невозможности спастись въ мірѣ, что, наконецъ, они въ этомъ увѣрились и махнули рукой на свое спасеніе. На всѣ призывы къ жизни по Евангелію былъ слышенъ одинъ отвѣтъ: это написано для монаховъ; осуществленіе этого въ мірѣ невозможно. „То именно и извратило всю вселенную, жалуется Златоустъ, что мы ду-

маемъ, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочимъ можно жить безпечно“. 1)

Св. Іоаннъ Златоустъ, человѣкъ совершенно исключительныхъ дарованій и рѣдкой моральной чистоты, изъ монастыря возвратилъ себя міру, чтобы научить міръ, какъ осуществить евангельскій идеалъ въ обычныхъ условіяхъ жизни, и чтобы убѣдить всѣхъ, что мірянинъ отличается отъ монаха однимъ лишь супружествомъ. Въ этомъ состоитъ главная особенность Златоуста и его безсмертная заслуга предъ церковью.

Когда мы говоримъ о томъ, что св. Іоаннъ Златоустъ былъ проповѣдникомъ монашескаго идеала въ средѣ мірянъ, то легко можемъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Поэтому необходимо сдѣлать теперь же нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Въ монашествѣ необходимо различать элементы: мистическій, аскетическій и нравственный. Мистическій элементъ—созерцаніе Бога и единеніе съ Нимъ въ этомъ созерцаніи—устраняется нами, какъ не имѣющей отношенія къ поставленной цѣли: мистика въ строгомъ смыслѣ невозможна среди сутолоки мірской жизни, и какъ сказано было ранѣе, св. Іоаннъ Златоустъ не былъ ея проповѣдникомъ. Аскетическій элементъ составляютъ предписанія, касающіяся воздержанія въ пищѣ, питьѣ, снѣ. Тѣлесныя лишенія, тѣсно связанная съ безбрачіемъ и мистикой, въ монашествѣ имѣютъ значеніе не цѣли, а средства. Нравственный элементъ въ монашествѣ составляетъ то, ради чего въ патристической литературѣ оно называлось евангельской жизнью. Во-первыхъ, работая надъ внутреннимъ очищеніемъ, оно стремилось осуществить то высокое требованіе Евангелія, по которому въ нравственности цѣнно не столько дѣло, сколько мотивъ, не внѣшняя праведность, а сердце, освобожденное отъ страстей и чувствъ, изъ которыхъ самъ собою вытекаетъ грѣхъ, какъ дѣяніе 2). Во-вторыхъ, только монашество сдѣлало попытку провести въ жизнь нагорную проповѣдь, идеалъ самоотверженной любви и непротивленія насиліямъ и обидамъ. Вотъ одинъ только примѣръ собственно для иллюстраціи послѣдняго положенія. Авва Виссаріонъ постоянно

1) Златоустъ, I т., стр. 106.

2) См. объ этомъ подробнѣе нашу брошюру „Мистическое оправданіе аскетизма въ твореніяхъ Макарія Египетскаго“ Сергіевъ посадъ 1905 г., стр. 90—97.

носилъ съ собою Евангеліе. Въ одномъ селеніи онъ увидѣлъ мертваго нищаго, совершенно обнаженнаго, и покрылъ его своимъ плащемъ. Потомъ онъ встрѣтилъ живого нищаго тоже безъ всякой одежды и, отдавъ ему свою рубашку, самъ сидѣлъ нагой, закрываясь руками. Когда Виссаріона спросили, кто его раздѣлъ, онъ, протягивая Евангеліе, отвѣтилъ: вотъ оно раздѣло. Наконецъ, чтобы помочь бѣдному, онъ продалъ самое Евангеліе, съ которымъ не разлучался—„то самое слово, какъ онъ потомъ рассказывалъ, которое всегда говорило мнѣ: продай имѣніе свое и дай нищимъ“¹⁾.

По выходѣ изъ монастыря Златоустъ не былъ строгимъ аскетомъ и въ своей личной жизни, какъ это видно изъ сказаннаго ранѣе. Онъ не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ, но не лишалъ себя мяса, иногда пилъ вино и часто принималъ ванны. Суровыхъ аскетическихъ подвиговъ онъ не требовалъ и отъ своей паствы. Онъ настаивалъ на раннихъ бракахъ. Дозволялъ умѣренное употребленіе вина²⁾. Возставая противъ увеселеній, празднествъ и пирушекъ, онъ боролся преимущественно съ непристойными обычаями—наслѣдіемъ языческаго прошлаго,—но ничего не имѣлъ противъ невинныхъ радостей жизни. „Я не запрещаю вамъ, говорить онъ, сходиться и совмѣстно отобѣдать, а запрещаю позорить себя, желаю, чтобы ваше удовольствіе было дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а не обращалось въ наказаніе, муку, въ пьянство и буйное веселіе“³⁾. О свадебныхъ пирахъ читаемъ: „инымъ способомъ можно достигать того, чтобы брачное торжество было веселѣе—напримѣръ: приготовить богатый столъ и роскошное платье; я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишкомъ строгимъ. Правда, Ревеккѣ было довольно одного покрывала; но я не возбраняю... По моему хорошо, что приходятъ дѣвицы почтить свою сверстницу,—приходятъ также и женщины почтить ту, которая вступаетъ въ ихъ общество. Это хорошій обычай“...⁴⁾ Златоустъ не отрицалъ увеселеній, освѣжающихъ силы человѣка, но хотѣлъ, чтобы „все было

1) Палладія, еп. Еленопольскій. Лавсаикъ. Рус. пер. СПб. 1850 г. стр. 261—263 ср. повѣствованіе объ Евлогіи и увѣчномъ стр. 83—88.

2) Златоустъ, т. II, стр. 11—13.

3) Ibid., IX, стр. 788—789.

4) Ibid., XI, стр. 463.

проникнуто достоинствомъ, благопристойностью и хорошимъ вкусомъ“¹⁾).

Говоря о томъ, что между міряниномъ и монахомъ разница только въ бракъ, Златоустъ разумѣетъ подь ихъ общими обязанностями главнымъ образомъ евангельскій идеаль любви и внутренней чистоты, т. е. именно то, что въ монашествѣ называлось евангельской жизнью. Это -- заповѣди блаженства, самоотверженной любви къ ближнему, незлобія, милосердія, запрещеніе клятвы, гнѣва, роскоши и излишествъ²⁾. Соотвѣтственно этому, въ бесѣдахъ Златоуста монашескій индивидуализмъ отступаетъ на задній планъ, и выдвигается идеаль социальный. Вселенскій учитель стремится построить на христіанскихъ началахъ жизнь общества. Но общество состоитъ изъ классовъ, находящихся въ извѣстномъ антагонизмѣ между собою. Сюда относятся власть и подвластные, богатые и бѣдные, господа и рабы. Св. Іоаннъ Златоустъ стоялъ между этими классами, какъ примиряющее начало, какъ одухотворяющая ихъ любовь и совѣсть.

Отношеніе святителя къ социальнымъ противоположностямъ въ общемъ опредѣляется его стоическимъ³⁾ понятіемъ о благѣ и безразличномъ. Сущность этого общеизвѣстнаго ученія, очень рано перешедшаго изъ философской этики въ христіанскую, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. „Изъ всѣхъ предметовъ одни—добро, другіе—зло, а третьи — нѣчто среднее“. Истинное благо заключается въ добродѣтели. Отсюда цѣломуріе, милостыня, мужество, кротость суть благо въ подлинномъ и истинномъ значеніи этого слова: они являются благомъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ и никогда не могутъ быть зломъ. Наоборотъ, грѣхъ и порокъ—богохульство, развратъ, жестокость, чревоугодіе—зло въ собственномъ смыслѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не становятся благомъ. „Къ предметамъ среднимъ принадлежатъ бѣдность и богатство, здоровье и болѣзнь, жизнь и смерть, слава и честь, рабство и свобода“, власть и зависимое положеніе. Все это само по себѣ не можетъ быть названо ни добродѣтелью, ни порокомъ, но въ зависимости отъ от-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Златоустъ, т. I, стр. 104—107; XII, стр. 75.

³⁾ См. Ed. Zeller. Die Philosophie der Griechen. Th. III, Abth. 1 S. 113—221 3 Aufl. Leipzig. 1880.

ношенія къ нимъ воли могутъ становиться тѣмъ или другимъ. Это—просто средства, одинаково пригодныя для достиженія какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ цѣлей. Если жизнь посвящена добродѣтели, то становится благомъ; если она расходуется на порочныя удовольствія, то она—зло ¹⁾.

При такомъ взглядѣ на социальныя неравенства задача проповѣдника должна была состоять не въ подготовленіи реформъ, которыя измѣнили бы самый строй общества, а въ томъ, чтобы поставить каждую индивидуальную волю въ правильное отношеніе къ внѣшнимъ благамъ и физическому злу, научить ее превращать безразличное въ добродѣтель, въ истинное благо. Онъ могъ обращаться только къ совѣсти отдѣльныхъ лицъ и во имя челоуѣколюбія призывать ихъ къ правильному употребленію власти, богатства, силы. Имѣя въ виду эту общую точку зрѣнія святителя, разсмотримъ въ частности его отношенія къ главнѣйшимъ видамъ социальнаго неравенства.

А. Для выясненія отношенія св. Іоанна Златоуста къ гражданской власти мы воспользуемся не только его ученіемъ, но и біографическими данными, позволяющими видѣть, какимъ образомъ свои теоретическія воззрѣнія на этотъ предметъ проповѣдникъ примѣнялъ въ жизни.

Власть, по ученію Златоуста, вмѣстѣ съ другими видами рабства, обязана своимъ происхожденіемъ грѣху. Изъ всѣхъ видовъ подчиненія это—самый ужасный, такъ какъ „воздѣ можно видѣть оттачиваемые мечи, палачей, казни, пытки, мученія, власть надъ жизнью и смертію“. Грѣхъ сдѣлалъ нужной такую суровую власть, и Богъ установилъ ее для нашей пользы ²⁾. Вслѣдствіе грѣха у людей явилась склонность обижать другъ друга, и только сила можетъ теперь сдерживать злыхъ. Власть въ обществѣ—то же, что связи въ домѣ. Если вынуть связи, стѣны распадутся, такъ „если отнять у вселенной начальниковъ и страхъ, внушаемый ими, то дома, и города, и народы съ великою наглостью нападутъ другъ на друга, потому что тогда некому будетъ ихъ удерживать и останавливать, и страхомъ наказанія побуждать быть спокойными“ ³⁾. Но фактически власть не всегда удо-

1) Ibid. Т. VI, стр. 435—442.

2) Ibid. Т. IV, стр. 746—747.

3) Ibid. Т. II, стр. 84.

влетворяетъ своему назначенію. Для полученія власти обыкновенно пускаются въ ходъ „ходатайства друзей, происки, льстивыя рѣчи и многіе другіе болѣе постыдные способы“ ¹⁾. Въ своихъ дѣйствіяхъ власть не считается съ нуждами народа и притомъ всею своею тяжестью ложится на бѣдныхъ и обездоленныхъ. „Царь и въ путешествіяхъ бываетъ обременителемъ для подданныхъ, и живя въ городѣ, и наслаждаясь миромъ, и участвуя въ войнахъ, и требуя податей, и собирая войска, и приводя плѣнниковъ, и побѣждая, и подвергаясь пораженію; потому что, подвергаясь пораженію, онъ слагаетъ на подданныхъ собственныя бѣдствія, а побѣждая становится невыносимымъ, украшаясь трофеями, и тщеславясь, и предоставляя воинамъ свободу грабить, расхищать, обижать путниковъ, держать города въ осадѣ, разорять дома бѣдныхъ, отъ принимающихъ ихъ къ себѣ требовать каждый день того, чего не позволяетъ никакой законъ, подъ предлогомъ какого-то древняго, беззаконнаго и несправедливаго обычая. При томъ богатому царь нисколько не вредитъ такими тягостями, а причиняетъ зло бѣднымъ, какъ бы поистинѣ стѣсняясь богатыхъ... Царь, даже повелѣвая облегчить подати, приносить пользу больше богатымъ, нежели бѣднымъ, а поступая напротивъ, тѣмъ болѣе вредитъ имѣющимъ мало; потому что богатому немного можетъ повредить тяжесть податей, а дома бѣдныхъ она какъ потокъ разрушаетъ, наполняя селенія воплями, и ни старости не жалѣютъ сборщики податей, ни вдовства женъ, ни сиротства дѣтей, но безчищуютъ во все время, какъ бы общіе враги страны, требуя отъ земледѣльцевъ того, чего и земля не производила“ ²⁾. Въ этихъ словахъ святителя очень полно и вѣрно изображена политическая система, погубившая Византію. Но и въ случаѣ подобныхъ злоупотребленій властію Златоустъ призываетъ вѣрующихъ къ терпѣнію. Богъ попускаетъ жестокому начальнику обижать подвластныхъ, и волѣ Божіей всякій долженъ подчиняться. „Видя царствующимъ суроваго князя, челоуѣкоубійцу, жестокаго, не молись, чтобы онъ былъ изъятъ изъ среды живыхъ, но примиришь съ Богомъ, который можетъ укротить его жестокость. Если же

¹⁾ Ibid. Т. I, стр. 539.

²⁾ Ibid. Т. I, стр. 125.

не примиришься съ Богомъ, Онъ можетъ возбудить другихъ, болѣе жестокихъ князей“ 1).

Но на землѣ есть сила, которая сглаживаетъ и умѣряетъ зло и страданія, причиняемая властію какъ по самой ея природѣ, такъ и вслѣдствіе злоупотребленій. Сила эта—церковь или священникъ. Въ отношеніи къ земной власти церковь имѣетъ двоякую задачу: во-первыхъ, утѣшать тѣхъ, кого—заслуженно или не заслуженно—подвергаетъ наказаніямъ и карамъ государственная власть, а во-вторыхъ, обличать, обращаться къ совѣсти носителей власти, когда они злоупотребляютъ предоставленнымъ имъ положеніемъ.

„Если мы васъ не утѣшимъ, обращается Златоустъ къ тѣмъ, кому угрожали жестокія казни, то отъ кого другого получите утѣшеніе? Судіи устрашаютъ, такъ пусть утѣшаютъ священники. Начальники угрожаютъ? Такъ пусть ободряетъ церковь. И съ малыми дѣтьми бываетъ такъ: учителя устрашаютъ и наказываютъ дѣтей, а когда они заплачутъ, отсылаютъ ихъ къ матерямъ; а матери, взявъ ихъ къ себѣ на руки, держатъ и обнимаютъ крѣпко, и ободряютъ прискорбную душу ихъ, внушая имъ своими словами, что бояться учителей для нихъ полезно. Такъ, когда и васъ начальники устрашили и сдѣлали печальными, церковь, общая мать всѣхъ насъ, отверзши объятія и принявъ васъ распростертыми руками, каждодневно утѣшаетъ, говоря, что полезень и страхъ отъ начальниковъ, полезно и предлагаемое здѣсь утѣшеніе. Страхъ со стороны начальниковъ не позволяетъ разслабѣвать отъ безпечности, а утѣшеніе церкви не позволяетъ падать отъ унынія, и посредствомъ того и другого Богъ устрояетъ наше спасеніе. Онъ и начальниковъ вооружилъ, чтобы устрашали дерзкихъ, Онъ и священниковъ рукоположилъ, чтобы утѣшали скорбящихъ“ 2).

Но церкви принадлежитъ не одна только пассивная задача утѣшенія присуждаемыхъ къ наказанію, но и нравственное руководство самою властію. Гражданская власть и ея носитель царь ниже власти духовной и ея представителя священника. Царю ввѣрены тѣла и дѣла земныя, священнику души и небесная участь человѣка. „Послѣдняя власть

1) Ibid. Т. VI, стр. 144.

2) Ibid. Т. II, стр. 84.

больше, потому царь и преклоняетъ голову подъ руки священника, и всегда въ ветхомъ завѣтѣ священники помазывали царей“¹⁾. Въ подобныхъ словахъ выражалась въ послѣдствіи папистическая теорія объ отношеніи гражданской власти къ духовной, но при этомъ словесномъ сходствѣ смыслъ ученія Златоуста далекъ отъ средневѣковыхъ вождельній папства. Различіе состоитъ въ томъ, что папство присвоивало себѣ право низлагать царей насильственно, а Златоустъ ограничиваетъ задачу священника лишь нравственнымъ воздѣйствіемъ на царя. Если гражданская власть злоупотребляетъ силою, священникъ долженъ обличить ее, долженъ обратиться къ ея совѣсти. Если власть останется глухой къ этимъ внушеніямъ, то священнику ничего не остается какъ только ввѣрить дальнѣйшее суду Божію. „Дѣло священника, говоритъ Златоустъ, только обличать и показывать дерзновеніе, а не употреблять оружіе, не братья за щиты, не потрясать копьемъ, не натягивать лукъ, не бросать стрѣлы, но только обличать и показывать дерзновеніе“²⁾.

Посмотримъ теперь, какое примѣненіе нашли для себя эти принципы въ дѣятельности св. Іоанна Златоуста.

Первымъ поводомъ выступить отъ лица церкви утѣшителемъ осужденныхъ и тѣхъ, кому угрожало осужденіе, для него послужило низверженіе царскихъ статуй въ Антиохіи. По поводу какого-то вновь объявленнаго тяжелаго налога въ Антиохіи произошелъ народный бунтъ, во время котораго были сброшены съ своихъ пьедесталовъ царскія статуи. Городъ оказался виновнымъ въ оскорбленіи величества—преступленіи, которое каралось тогдашнею властію съ безграничною жестокостію. Можно было ожидать, что имущество жителей будетъ конфисковано, дома сожжены, городъ разрушенъ и самое мѣсто, на которомъ онъ расположенъ, распахано³⁾. Надъ несчастнымъ городомъ нависли зловѣщія тучи. Жители, побросавъ имущество, бѣжали въ пустыни и укрылись въ пещерахъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ свою жизнь. Оставшіеся въ городѣ заперлись въ своихъ домахъ, потому что полиція хватала на улицахъ всѣхъ безъ разбора

1) Ibid. T. VI, стр. 411—412.

2) Ibid. T. VI, стр. 413.

3) Ibid. II, 189.

и тащила въ тюрьму ¹⁾. Но въ этомъ несчастіи на сторону удрученныхъ страхомъ и тяжкими ожиданіями стала церковь. Событіе произошло два года спустя послѣ посвященія Златоуста въ пресвитеры. Поэтому онъ не могъ еще дѣйствовать самостоятельно и выступаетъ предъ нами какъ членъ коллегіи, какъ представитель духовенства, одушевленно взявшаго подъ свою защиту городъ и его жителей, но тотъ энтузіазмъ, съ которымъ онъ рассказываетъ о подвигахъ представителей церкви, то глубокое сочувствіе къ народному горю, которое сквозитъ въ его бесѣдахъ о статуяхъ, характеризуютъ его личность.

Какъ только возставшія толпы были разсѣяны солдатами, градоначальникъ тотчасъ же отправилъ гонцовъ въ столицу съ докладомъ о случившемся. Но церковь немедленно приняла свои мѣры для спасенія города. Еп. Флавіанъ, не смотря на свои престарѣлые годы, дряхлость, весеннюю пору и болѣзнь сестры, лежавшей при послѣднемъ издыханіи, послѣшилъ въ Константинополь, чтобы молить императора о пощадѣ. Клиръ, оставшійся въ Антиохіи, и въ частности св. Іоаннъ Златоустъ, съ своей стороны, сдѣлали все, чтобы ободрить упавшихъ духомъ гражданъ. Между прочимъ съ этою именно цѣлью Златоустъ произнесъ 21 бесѣду О статуяхъ. Во второй бесѣдѣ проповѣдникъ упрекаетъ гражданъ за произведенные беспорядки, которымъ онъ, конечно, не могъ сочувствовать. Съ другой стороны онъ не говоритъ имъ о жестокой несправедливости массовыхъ репрессій, предпринятыхъ властію, и превозноситъ милосердіе Θεодосія. Но какъ онъ относился къ этому внутренно, объ этомъ мы можемъ судить по одному замѣчанію проповѣдника, случайно брошенному много лѣтъ спустя послѣ событія. Въ бесѣдахъ на посл. къ Колоссянамъ онъ говоритъ: „нѣкогда нашъ городъ оскорбилъ императора, и императоръ приказалъ уничтожить его весь до основанія и мужей, и дѣтей, и жилища. Такъ цари гнѣваются! Они пользуются властію, какъ хотятъ! Таково-то зло — власть“ ²⁾. Безъ сомнѣнія это чувство руководило его дѣятельностью и во время самаго событія. Онъ пользуется всякимъ поводомъ, чтобы вселить бодрость въ согражданъ. Читая эти сртаницы, чув-

¹⁾ Ibid. II, 27, 28.

²⁾ Ibid. T. XI, стр. 415.

ствуешь, что проповѣдникъ душою своею стоитъ въ рядахъ паствы и обращенъ противъ угрожающей силы государственной власти. Еп. Флавіанъ отправился въ столицу. Проповѣдникъ пользуется этимъ, чтобы вселить слушателямъ надежду на спасеніе. Епископъ самымъ своимъ видомъ смягчить гнѣвъ царя. Онъ будетъ взывать къ милосердію во имя дней предстоящей пасхи. Онъ призоветъ царя подражать милосердію Господа, онъ напомнитъ ему о всеобщемъ судѣ, о жестокомъ заимодавцѣ (Мѣ. XVIII, 32), о молитвѣ Господней, о томъ, что городъ уже достаточно наказанъ ¹⁾. Съ весьма понятною жадностію жители Антиохіи искали всякаго, вновь прибывающаго изъ столицы, чтобы разспросить о движеніи своего дѣла. Это порождало массу слуховъ, то ободряющихъ, то вызывающихъ панику. И все это находило отзвукъ въ бесѣдахъ Златоуста. Въ VI бесѣдѣ, чтобы разсѣять всеобщую скорбь, онъ распространяется о счастливыхъ предзнаменованіяхъ, внушающихъ надежду. Если бы Богъ дѣйствительно хотѣлъ наказать городъ, то не предалъ бы его страху на столько дней. „Когда Онъ не хочетъ наказать, тогда устрашаетъ, потому что, если намѣренъ уже наказать, то не къ чему страхъ, не къ чему угроза“. Гонцы, отправленные въ столицу въ самый день безпорядковъ, потерпѣли на пути множество препятствій и вынуждены были, оставивъ верховыхъ лошадей, пересѣсть въ повозки. Это позволяетъ думать, что епископъ обгонитъ ихъ на пути, что онъ первый доложитъ императору о случившемся и представитъ дѣло въ благопріятномъ для города свѣтѣ. Наконецъ, императоръ издалъ по поводу приближающейся пасхи указъ, которымъ освободилъ почти всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ. Въ этомъ указѣ царь сказалъ знаменательныя слова о тѣхъ, которые были уже казнены за разныя преступленія: „о еслибы могъ я воскресить и мертвыхъ!“ Епископъ, ходатайствуя объ амнистіи, сошлется на этотъ указъ, и императоръ долженъ будетъ уступить его настояніямъ. Епископъ твердъ, а царь челоуѣколюбивъ ²⁾.

Узнавши объ оскорбленіи статуи, быть можетъ, отъ гонцовъ, все же опередившихъ епископа, царь послалъ въ Антиохію

¹⁾ Ibid. Т. II, стр. 42—44.

²⁾ Ibid. Т. II, стр. 84—88.

слѣдственную комиссію, которая, выяснивъ виновность разныхъ лицъ, должна была произвести надъ ними судъ. Съ чувствомъ живѣйшаго участія рассказываетъ Златоустъ о тревогѣ и страданіяхъ родственниковъ обвиняемыхъ, такъ какъ слѣдствіе, сопровождаемое пытками, должно было породить множество оговоровъ ¹⁾. Наконецъ, виновные были открыты и заключены въ оковы. Ихъ ожидала казнь. Но на помощь имъ явились монахи изъ окружающихъ монастырей. „Они просиживали цѣлые дни предъ дверями судилища, готовые отнять у палачей тѣхъ, кого поведутъ на мѣсто казни“ ²⁾. Подвижники просили судей не приводить въ исполненіе приговора, пока они сами не сходятъ въ столицу и не выпросятъ у царя прощенія для обвиненныхъ. „Государь нашей земли, говорили они, боголюбивъ, предашь вѣрѣ, живетъ въ благочестіи, поэтому мы непремѣнно умиловимъ его; не допустимъ и не позволимъ вамъ обагрить мечъ кровью или отсѣчь кому нибудь голову. Если же вы не остановитесь, то и мы непремѣнно умремъ съ ними“; а одинъ изъ нихъ прибавилъ: „низверженныя статуи опять воздвигнуты и приняли свой видъ, и дѣло поправлено весьма скоро, а вы, если умертвите образъ Божій, какъ можете поправить сдѣланное, какъ воскресить погибшихъ и возвратить души въ тѣла?“ Такъ же велъ себя и клиръ. Эти настоянія склонили судей даже нарушить данныя имъ полномочія: они отказались сами произнести окончательный приговоръ и, взявъ съ собою письменное ходатайство монаховъ, представили все дѣло на усмотрѣніе императора. Усилія духовенства увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Отвѣтомъ на ходатайство епископа была полная амнистія. Въ послѣдней бесѣдѣ о статуяхъ Златоустъ съ восторгомъ объявляетъ объ этомъ жителямъ. Такъ среди варварства, унижающаго человѣческое достоинство, церковъ была свѣтлымъ лучемъ, провозвѣстницей милости и правды!.

Еще болѣе характеризуетъ личность св. Іоанна Златоуста его поведеніе въ дѣлѣ Евтропія. Власть въ то время номинально находилась въ рукахъ императора Аркадія. Это былъ не злой и набожный человѣкъ, но ограниченный, слабыха-

¹⁾ Ibid. Т. II, стр. 178—151 ср. стр. 190—191.

²⁾ Ibid. Т. II, стр. 191.

ракетный и въ то же время самолюбивый, онъ былъ однимъ изъ самыхъ вредныхъ правителей. Его первый министръ, Евтропій, рожденный въ рабствѣ, только въ старости получилъ свободу. Проникнувъ во дворецъ въ качествѣ прислуги, съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ довѣріемъ слабого и неспособнаго императора, устроилъ его бракъ съ Евдоксіей и сдѣлался неограниченнымъ правителемъ государства. Царя онъ окружилъ безумной роскошью, но изолировалъ отъ всего міра, чтобы тѣмъ безотвѣтственной распоряжаться въ государствѣ. Съ тупою жестокостью онъ преслѣдовалъ своихъ мнимыхъ противниковъ и особенно лицъ, знавшихъ его во дни рабства и униженія. Въ его прихожей открыто висѣла такса, по которой каждый могъ купить для себя какую угодно государственную должность. Въ провинціи имъ были разосланы агенты, которые высматривали большія состоянія и изыскивали поводы, достаточные для привлеченія къ судебной отвѣтственности ихъ владѣльцевъ, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ можно было конфисковать богатства въ пользу временщика. Такъ какъ жертвы Евтропія часто искали спасенія у алтарей, то евнухъ добился отъ императора указа, которымъ право убѣжища было отнято у церкви. Честолюбіе вольноотпущенника не знало предѣловъ. Въ 399 году онъ былъ возведенъ въ достоинство консула и патриція, и всѣ аристократическія фамиліи приняли это, какъ оскорбленіе, нанесенное ихъ достоинству. Но этотъ именно моментъ, когда могущество царскаго любимца достигло своего зенита, сталъ моментомъ его паденія. Съ одной стороны возставшіе готы потребовали, какъ условіе мира, его головы, съ другой стороны властолюбивая императрица, оскорбленная евнухомъ и тяготившаяся его опекой, возбудила противъ него императора. Евтропій былъ лишенъ всего. Спасаясь отъ солдатъ, пришедшихъ арестовать его, блѣдный какъ смерть, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ прибѣжалъ въ кафедральную церковь и ухватился за одну изъ мраморныхъ колоннъ, окружавшихъ алтарь. Если кто, такъ это именно Евтропій достоинъ былъ казни за свои злодѣянія. Но этотъ трепещущій старикъ, утратившій возможность продолжать свою безчестную и грѣховную жизнь, былъ только жалокъ, и Златоустъ принялъ горячее участіе въ его судьбѣ.

Когда Евтропій былъ у власти, и когда льстецы окружа-

ли его со всѣхъ сторонъ, одинъ только Златоустъ не боялся возвысить свой голосъ противъ его злоупотребленій. Онъ защищалъ поправныя права церкви и обличалъ временщика въ корыстолюбіи и въ томъ, что онъ тратилъ огромныя деньги на зрѣлища, чтобы снискать популярность среди народа. Это возбуждало гнѣвъ и негодованіе всемогущаго царедворца. За то, когда онъ палъ, и когда противъ него возстало войско и народъ, когда притворные друзья покинули его, одинъ Златоустъ взялъ его подъ свое покровительство и защитилъ своимъ тѣломъ съ опасностью для собственной жизни. „На этихъ дняхъ церковь была осаждена, рассказываетъ онъ, приступило войско и метало огонь изъ глазъ, но маслины не изсушило... Здѣсь искали убѣжавшаго, но мы предстояли, не страшась ихъ ярости... Вы присутствовали въ тотъ день и видѣли, сколько поднималось оружія, ярость войска была сильнѣе огня, и мы спѣшили въ царскій дворецъ. И что-же? По благодати Божіей, ничто не смутило насъ“. 1) Когда солдаты и разъяренный народъ приступили къ церкви, требуя выдачи бѣглеца, святитель воспротивился этому и приказалъ отвести себя во дворецъ. Тамъ онъ произнесъ предъ царемъ пламенную рѣчь и достигъ отмѣны недавно изданнаго закона противъ права убѣжища. Мало того, подъ впечатлѣніемъ происшедшаго самъ императоръ старался укротить ярость народа и войска и во имя алтаря просилъ у нихъ пощады для поверженнаго.

Народъ порицалъ Златоуста за то, что тотъ далъ убѣжище въ святилищѣ врагу церкви, корыстолюбцу и грабителю. Онъ не могъ возвыситься до благородства своего пастыря, который въ этой именно пощадѣ врага видѣлъ величайшее торжество церкви. Для нея, говоритъ онъ, „это—самый славный трофей; это—ея блестящая побѣда; это посрамленіе эллиновъ, это пристыженіе іудеевъ. Въ этомъ съ новымъ блескомъ проявилось величіе церкви: взявъ въ плѣнъ врага, она не только шадить его, но когда всѣ оставляютъ его одинокимъ, она одна, какъ нѣжно любящая мать, скрыла его подъ своимъ покровомъ и стала противъ царскаго гнѣва, противъ ярости народа и противъ невыразимой ненависти“²⁾.

1) Ibid. Т. III, стр. 409—410

2) Ibid. Т. III, стр. 406.

Чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на слушателей, Златоустъ любилъ пользоваться поводами, поражающими воображеніе народа. Паденіе Евтропія было живою иллюстраціей къ всегдашней проповѣди святителя о тщетѣ и непрочности земныхъ благъ, ради которыхъ совершается такъ много преступленій. На другой день послѣ того, какъ Евтропій укрылся въ церкви, при громадномъ стеченіи народа, взойдя на амвонъ, епископъ велѣлъ открыть алтарную завѣсу и, указывая народу на жалкаго старца, лежащаго у алтаря, началъ свою бесѣду словами: „всегда, но особенно теперь благовременно сказать: суета суеть, всяческая суета. Гдѣ теперь пышная обстановка консульства?“ и т. д. Его упрекали въ послѣдствіи, что онъ сдѣлалъ всенародное зрѣлище изъ несчастія человѣка. Быть можетъ было бы тоньше, гуманнѣе не обнаруживать предъ толпой страданій и страха, которыми былъ объятъ вчершній повелитель имперіи, но не слѣдуетъ забывать, что Златоустъ имѣлъ въ виду не только показать паствѣ назидательный примѣръ, но и расположить народъ къ состраданію. И онъ достигъ этого. У многихъ его рѣчь вызвала слезы. Пользуясь этимъ настроеніемъ, проповѣдникъ убѣждалъ народъ просить царя, чтобы онъ „во имя Церкви, во имя алтаря даровалъ священной трапезѣ одного человѣка“,—просить о помилованіи Евтропія. Конечно, святитель спасъ бы жизнь поверженному временщику, если бы послѣдній не позволилъ выманить себя изъ церкви. Когда же онъ оказался внѣ ея покрова, то былъ схваченъ и сначала отправленъ въ изгнаніе на островъ Кипръ, а потомъ судимъ и обезглавленъ въ Халкидонѣ.

Позднѣйшіе памятники (житіе Порфірія газскаго, житіе Епифанія кипрскаго, составленное Полибіемъ, и житіе св. Іоанна Златоуста, написанное Георгіемъ Александрійскимъ) передаютъ, что причиною недоразумѣній между императрицей и святителемъ послужилъ слѣдующій фактъ. Императрица хотѣла отнять виноградникъ у вдовы Теогноста, умершаго въ изгнаніи. Этотъ виноградникъ былъ послѣднимъ достояніемъ вдовы, оставшимся въ ея распоряженіи отъ когда то большаго состоянія. Узнавъ объ этомъ, Златоустъ, какъ древній пророкъ, возсталъ противъ этого низменнаго хищничества и, убѣждая императрицу отказаться отъ своего намѣренія, напомнилъ ей о виноградникѣ Навуея и объ

Тезавели. Въ болѣе достовѣрныхъ памятникахъ нѣтъ упоминанія объ этомъ фактѣ, но нѣкоторыя данныя заставляютъ изслѣдователей предполагать, что въ основѣ этого повѣствованія лежитъ дѣйствительное происшествіе ¹⁾.

Даже послѣ перваго изгнанія св. Іоаннъ Златоустъ не боялся выступить противъ императрицы, когда ея распоряженія оказались въ противорѣчій съ требованіями религіи. По настоянію Евдоксіи въ честь ея была поставлена серебряная статуя на порфировой колоннѣ близъ церкви Софіи. Постановка статуи сопровождалась шумными народными увеселеніями полуязыческаго характера. Златоустъ, всегда возстававшій противъ зрѣлищъ, имѣлъ тѣмъ болѣе основаній протестовать противъ этихъ празднествъ, что непристойные крики черни врывались въ храмъ и мѣшали богослуженію. Онъ обратился съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ къ префекту города и сказалъ проповѣдь къ народу. Обо всемъ этомъ въ извращенномъ видѣ было доложено императрицѣ, и вѣрность долгу послужила причиной новыхъ гоненій на святителя.

Б. Ни о чемъ св. Іоаннъ Златоустъ не говорилъ такъ много и такъ часто, какъ о богатствѣ и бѣдности. Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ различныхъ сторонъ и по различнымъ поводамъ. Поэтому высказанныя имъ идеи составляютъ сложное цѣлое, въ которомъ не легко разобраться. Въ цѣляхъ правильнаго пониманія ихъ необходимо прежде всего отмѣтить основную точку зрѣнія проповѣдника.

Имущественныя отношенія можно обсуждать съ политической, соціальной и моральной точки зрѣнія. Соотвѣтственно различію этой послѣдней получаютъ не одинаковые результаты, хотя ихъ частичныя совпаденія не исключаются. Въ лицѣ св. Іоанна Златоуста предъ нами стоитъ проповѣдникъ религіозно-нравственнаго возрожденія общества. По одному этому можно уже догадываться объ общемъ характерѣ его ученія.

Какъ бы велики ни были совпаденія между отдѣльными элементами этого ученія и соціалистическими теоріями, въ

---

¹⁾ Ludwig, F. Der hl. Iohannes Chrysostomus in seinem Verhältniss zum byzantinischen Hof. Braunsberg 1883 S. 55—58.

общемъ оно сохраняетъ свою своеобразность и движется какъ бы въ совершенно иной плоскости.

Чтобы раздѣльнѣе изложить взгляды св. отца на собственность, мы расположимъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) имущественныя отношенія въ конечномъ идеалѣ, б) рекомендуемые проповѣдникомъ способы осуществленія идеала въ реальной дѣйствительности, в) критика дѣйствительныхъ имущественныхъ отношеній, г) заботы святителя о развитіи нравственнаго самосознанія бѣдныхъ.

а). Въ идеальномъ христіанскомъ обществѣ, по ученію Златоуста, не должно быть никакого неравенства. Отличительная черта христіанскаго общества—это любовь, которая связываетъ между собою всѣхъ его членовъ. Но „любви свойственно отвергать всякое неравенство, не знать преимущества и достоинства, но нисходить къ низшему изъ всѣхъ“¹⁾. Отсюда истинныхъ христіанъ не должны раздѣлять жестокія слова: твое и мое²⁾, тѣмъ болѣе, что это не соотвѣтствуетъ волѣ Божіей, такъ ясно выраженной въ созданіи міра. „У животныхъ все общее — земля, источники, пастбища, горы и лѣса, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ больше другого“. У людей также общая природа, общая участь и многое кромѣ природы и участи: общее небо, солнце, луна, воздухъ, море. Общія также и духовныя блага: тѣло и кровь Господа, баня возрожденія, обѣтованіе царствія. „Поэтому, заключаетъ св. отецъ свои слова, не безумно ли тѣмъ, которые имѣютъ между собою столько общаго—и природу, и благодать, и обѣтованія, и законы,—быть пристрастными къ богатству, не соблюдать въ этомъ равенства, но превосходить свирѣпостью звѣрей“.³⁾

б). Ученіе св. Іоанна Златоуста о способахъ осуществленія идеала имущественнаго равенства въ реальной дѣйствительности не отличается единствомъ. Святитель высказываетъ двѣ существенно различныхъ теоріи и ставитъ ихъ другъ подле друга, не пытаясь примирить между собою. Одна изъ нихъ является болѣе радикальной, другая не затрагиваетъ существенно сложившейся строй жизни. Можно догадываться, что со-

1) Т. III, 325.

2) Ibid. XI, стр. 705 ср. XI, 181; X, 95.

3) V, 579-580. Особ. XI, 704—705.

знаніе неосуществимости первой побуждало проповѣдника чаще, подробнѣе и настойчивѣе останавливаться на второй. Точкою отправленія для той и другой служили извѣстные церковныя учрежденія, предносившіяся уму проповѣдника и расширяемыя имъ на все христіанское общество. Первый рекомендуемый святителемъ способъ разрѣшенія имущественнаго вопроса—добровольный коммунизмъ, второй—индивидуальный, но для каждаго обязательный, отказъ отъ части имущества въ пользу бѣдныхъ.

Библейскимъ основаніемъ для проповѣди коммунистическаго пользованія имуществомъ святителю служилъ примѣръ іерусалимской церкви апостольскаго времени.

Члены этой общины „изгнали изъ своей среды неравенство“. Они продавали все свое имущество и сносили деньги къ ногамъ апостоловъ, а тѣ, какъ распорядители, распредѣляли эти богатства между всѣми. Но опытъ іерусалимской церкви, по мысли св. Іоанна Златоуста, можно повторить и въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Описавъ единодушіе вѣрующихъ въ Іерусалимѣ, онъ приглашалъ жителей столицы сдѣлать подобный же опытъ—принести церкви всѣ свои деньги, поля, имѣнія, жилища, съ тѣмъ, чтобы эти средства были употреблены на удовлетвореніе общихъ нуждъ. Разсчитывая составить такимъ образомъ сумму въ три милліона литровъ золота, а также принимая во вниманіе выгоды общаго хозяйства, онъ приходитъ къ заключенію, что всѣ были бы съ избыткомъ удовлетворены, что, испробовавъ на дѣлѣ и убѣдившись въ благѣ общенія имуществомъ, всѣ охотно перешли бы къ новому строю жизни, что это привлекло бы къ вѣрѣ во Христа всѣхъ язычниковъ. Свою рѣчь проповѣдникъ заканчиваетъ словами полными надежды: „слушайте меня, устроимъ дѣла такимъ порядкомъ и, если Богъ продлитъ жизни, то, я увѣренъ, что мы скоро будемъ вести такой образъ жизни“¹⁾. Предлагая жителямъ столицы предоставить все свое имущество въ распоряженіе церкви, которая изъ общаго достоянія выдавала бы всѣмъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, Златоустъ упоминаетъ о монастырѣ. Экономическую жизнь большого города онъ предполагалъ организовать по типу монастырской. Онъ исходилъ не

1) Т. IX, 112—114.

изъ отвлеченной идеи, а изъ того, что было уже осуществлено въ церковной жизни, хотя и въ малыхъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе въ этихъ призывахъ къ добровольному коммунизму во имя братской любви къ ближнему, было болѣе благородной мечты, чѣмъ практическаго расчета. Между порядками, принятыми въ тогдашнихъ монастыряхъ, и тѣмъ, что рекомендовалъ Златоустъ жителямъ столицы, была одна существенная разница: въ монастыряхъ былъ принятъ не только коммунизмъ потребления, но, какъ его необходимое дополненіе, и коммунизмъ труда. Поскольку община, устроившаяся на коммунистическихъ началахъ, не пользуется притокомъ средствъ извнѣ, она необходимо должна требовать отъ своихъ членовъ обязательнаго труда и участія въ производствѣ необходимаго для жизни. Возможность же социализации труда въ крупныхъ масштабахъ—въ городахъ и государствахъ—стояла внѣ кругозора того времени. Поэтому, говоря объ общеніи имуществъ въ Иерусалимѣ и о желательности перехода къ нему въ Константинополѣ, проповѣдникъ христіанской любви и милостыни, не связываетъ этотъ переворотъ съ идеей совмѣстнаго труда и не рѣшаетъ вопроса, откуда будутъ пополняться средства общины. Ближе подходит онъ къ основной проблемѣ современныхъ социалистическихъ теорій въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о городѣ богатыхъ и городѣ бѣдныхъ. Городъ, населенный бѣдными ремесленниками, не знающими, что такое золото и драгоценныя камни, но имѣющими мозолистыя, привычныя къ труду руки, можетъ существовать, производя для себя все необходимое; городъ же богатыхъ, не умѣющихъ и не желающихъ трудиться, долженъ или пригласить ремесленниковъ, или отказаться отъ праздности, или погибнуть ¹⁾. Но это сравненіе двухъ воображаемыхъ городовъ сдѣлано проповѣдникомъ только для того, чтобы показать безсиліе богачей и невозможность для нихъ обходиться безъ бѣдныхъ. Общность же и обязательность труда не связывается въ сознаніи Златоуста съ общеніемъ имуществъ, какъ условіе послѣдняго. Вслѣдствіе этого онъ ясно видѣлъ невозможность осуществленія коммунистическаго устройства общества и обычно свой идеаль имущественнаго уравненія

---

1) X, 348—349.

выражалъ въ другой формѣ, обращаясь съ нимъ не къ обществу, а къ индивидуальной совѣсти.

Неравенство состояній необходимо, потому что именно на немъ держится весь порядокъ жизни. Нужда есть изобрѣтательница всѣхъ искусствъ. „Уничтожь бѣдность, и тогда не будетъ ни корабельщика, ни кормчаго, ни земледѣльца, ни домостроителя, ни кузнеца и ни кожевника, ни хлѣбопекаря и никого изъ подобныхъ ремесленниковъ, а безъ нихъ у насъ все разстроится. Теперь бѣдность служить для нихъ лучшею учительницей, какъ бы сидя при каждомъ изъ нихъ и даже противъ воли побуждая къ работѣ“¹⁾.

Чтобы сохранить побужденіе къ труду, Богъ ввѣряетъ всѣ матеріальныя блага, принадлежащія въ собственномъ смыслѣ Ему, немногимъ лицамъ, богатымъ, на опредѣленныхъ условіяхъ.

Прежде всего богатый не долженъ смотрѣть на имущество, какъ на свою личную собственность, съ которой онъ можетъ поступать по своему усмотрѣнію. Онъ только казнохранитель Божій, которому ввѣрено богатство не для того, чтобы тратить его на свои удовольствія, а для совершенно опредѣленныхъ цѣлей²⁾. Отсюда богатство не всегда есть зло. Оно является благомъ при наличности двухъ условій. Во-первыхъ, если оно дѣйствительно подается Богомъ, а не наживается путемъ хищенія, несправедливости и присвоенія чужого. Во-вторыхъ, въ томъ случаѣ, если оно расходуется на нужды бѣдныхъ.

Иногда богатство подается Богомъ. Таково было богатство Авраама и Іова. Златоустъ признаетъ имущество этихъ праведниковъ богодарованнымъ потому, что оно состояло главнымъ образомъ изъ скота, размноженіе котораго въ условіяхъ патриархальной жизни очень часто не зависитъ отъ владѣльца, а обусловлено стоящими внѣ его власти стихійными силами³⁾.

¹⁾ IV, 826.

²⁾ Ibid. T. I, 796; V, 313—314, VIII, 217.

³⁾ „Богатство Іова состояло не въ золотѣ, не въ серебрѣ, не въ зданіяхъ, а въ скотѣ; иначе говоря,—богатство это отъ Бога. А что богатство его состояло изъ скота, это видно изъ того, что писатель книги, перечисляя то, что случилось съ тѣмъ блаженнымъ, и говоря, что у него умерли верблюды, и кобылы, и ослы, не сказалъ, что враги, придя, расхитили у него золотыя сокровища. Кромѣ того и Авраамъ тоже былъ

Богатство ввѣряется Богомъ отдѣльному лицу для раздачи его бѣднымъ. „Какъ казначеи, получившій царскія деньги, если не раздастъ ихъ кому приказано, а истратитъ на собственную прихоть, подвергается наказанію и гибели; такъ и богачъ есть какъ бы пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ бѣднымъ, получившій повелѣніе раздѣлить ихъ нуждающимся изъ его сослужителей; посему, если онъ истратитъ на себя сколько нибудь сверхъ необходимой нужды, то подвергнется за грабежъ жесточайшей отвѣтственности, потому что имущество его принадлежитъ не ему собственно, но его сослужителямъ“¹⁾. Богатство—благо, если человекъ, умѣренно пользуясь имъ, остальное раздаетъ бѣднымъ на пропитаніе²⁾. Идеаль богатаго, который смотритъ на имущество, находящееся въ его рукахъ, какъ на общее достояніе, былъ осуществленъ апостолами. Вѣрующіе, продавая свое имущество, сносили вырученныя деньги къ ихъ ногамъ, но апостолы остались выше богатства³⁾. Далѣе примѣромъ подобнаго же праведнаго отношенія къ богатству служить Іовъ и особенно Авраамъ. Послѣдній отъказывалъ себѣ во всякаго рода излишествахъ. Его жилищемъ, несмотря на богатство, были не роскошныя палаты, а куша у дуба. Онъ не ждалъ, пока бѣдный обратится къ нему съ просьбой о помощи, но, выходя изъ своего жилища, искалъ „нѣтъ ли гдѣ странника, нѣтъ ли гдѣ нищаго, чтобы помочь нищетѣ и принять путника“⁴⁾.

Во всемъ сказанномъ ранѣе предполагается, что богатый можетъ употреблять часть своего имущества и на удовлетвореніе своихъ личныхъ нуждъ. Нѣсколько разъ и прямо дѣлаются оговорки въ этомъ смыслѣ. Богатый умѣренно долженъ пользоваться удовольствіями имущественной обезпеченности, остальное же долженъ раздавать на пропитаніе бѣднымъ⁵⁾. Не на излишества, а на необходимое онъ можетъ удерживать для себя изъ ввѣреннаго ему достоянія.

богатъ, но рабами. Что же? Неужели онъ не купилъ ихъ? Нѣтъ; поэтому и замѣчаетъ писаніе, что у него было 318 домочадцевъ. Сверхъ того ему принадлежали и овцы и волы“ *ibid*: Т. XI, стр. 703 стр. X, 351—352.

¹⁾ *Ibid*, I, 796.

²⁾ *Ibid* Т. I, стр. 865 ср. IX, 561. 687; X, 95—96, XI, 704.

³⁾ *Ibid*, V, 313—314.

⁴⁾ *Ibid*. Т. II, стр. 34, подробнѣе объ этомъ же V, 566—568 IV, 713.

⁵⁾ *Ibid*. Т. I, 863.

Въ связи съ этой мыслию нужно отмѣтить и тотъ фактъ, что Златоустъ обыкновенно говоритъ не объ имуществѣ, а о богатствѣ. Онъ отрицаетъ не всякое вообще владѣніе, а роскошь. „Что такое богатство, спрашиваетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, и тотчасъ отвѣчаетъ: золото, серебро, драгоценные камни, шелковыя, пурпуровыя и золотыя одежды“ ¹⁾. „Хотѣлъ бы я узнать, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, зачѣмъ люди такъ много заботятся о богатствѣ? Вѣдь Богъ назначилъ природѣ мѣру и границы, чтобы мы не имѣли никакой необходимости искать богатства. Онъ повелѣлъ, напр., одѣвать тѣло одной или двумя одеждами, а затѣмъ лишняя не нужна для защиты тѣла. Для чего же тысячи одеждъ, эта молеѣдина? Положена также и мѣра въ принятіи пищи, и употребленное выше этой мѣры необходимо вредить всякому живому существу; для чего же эти стада, пастбища и скопленіе мяса? Намъ нуженъ тотъ только одинъ кровъ, для чего же эти хоромы, эти многоцѣнные жилища“ ²⁾.

Таковъ принципиальный взглядъ Іоанна Златоуста на богатство. Въ основѣ этой теоріи лежитъ идеализированная церковная практика. Какъ исходною точкой для предложенія жителямъ столицы передать все свое имущество на общія нужды служилъ тогдашній монастырь съ его строгимъ коммунизмомъ, такъ прототипомъ праведнаго богача былъ епископъ, распредѣляющій церковныя имущества. Главное назначеніе церковнаго имущества состояло въ помощи нуждающимся, поэтому на языкѣ того времени оно называлось достояніемъ бѣдныхъ, и такое словоупотребленіе не было фразой. Извѣстная часть этого имущества шла на нужды богослуженія; изъ него же получалъ на свое содержаніе клиръ. Это послѣднее обстоятельство нисколько однако не противорѣчило понятію о церковномъ достояніи, какъ имуществѣ бѣдныхъ, потому что клиръ самъ былъ бѣденъ, добывалъ себѣ средства къ жизни собственнымъ трудомъ ³⁾ и

¹⁾ Ibid. 10, 349.

²⁾ Ibid. Т. XI, стр. 21—22.

³⁾ „Зенонъ, епископъ Маюмскій... ткалъ на одноверетенномъ станкѣ льняную одежду, и чрезъ это не только доставалъ все нужное для себя, но помогалъ другимъ, и до самой кончины не переставалъ заниматься этимъ дѣломъ, хотя былъ старше всѣхъ мѣстныхъ епископовъ и начальствовалъ надъ многолюднѣйшею и богатѣйшею церковью“. Созоменъ, Церк. Ист. кн. VII, 28.

получалъ пособіе изъ церковныхъ средствъ только на необходимое и только въ томъ случаѣ, если не могъ снискивать пропитаніе собственными руками. Епископъ тоже пользовался церковными доходами, но и отъ него требовалось, чтобы онъ жилъ въ бѣдности и былъ умѣренъ въ пищѣ и питьѣ. Полновластный распорядитель церковныхъ имуществъ, онъ могъ взять на свое личное содержаніе больше или меньше по своему усмотрѣнію, но онъ долженъ былъ помнить, что все, обращенное имъ на собственные нужды, взято у бѣдныхъ ¹⁾. А это, при отсутствіи юридическаго контроля создавало для человѣка съ совѣстью страшную отвѣтственность и могучее нравственное ограниченіе. Вотъ этотъ то взглядъ на епископа Златоустъ и стремится распространить на всякаго собственника вообще.

Теперь поставимъ вопросъ, отрицалъ-ли Златоустъ богатство. Ясно, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить и да и нѣтъ, и такой двойственный отвѣтъ допустимъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Великій святитель не только не требовалъ насильственнаго отчужденія богатства, что противорѣчило бы всѣмъ его принципамъ, но не отрицалъ его принципиально и съ нравственной точки зрѣнія. Онъ постоянно повторяетъ, что борется не съ богатствомъ, а съ дурнымъ употребленіемъ богатства. Однако допустимость богатства онъ обставляетъ такими ограниченіями, которыя равносильны самому отрицанію его. Если человѣкъ искренно станетъ считаться съ этими ограниченіями, то фактически онъ не въ состояніи будетъ обогатиться, а если и получитъ въ свои руки значительное состояніе, то не въ состояніи будетъ удержать его. Богатство хорошо, если оно нажито безъ нарушенія интересовъ другого. Но трудно и вообразить такой способъ обогащенія. Богатство благо, когда оно расходуется на бѣдныхъ. Но такъ какъ бѣдныхъ много и всѣ они страшно нуждаются, то при серьезной попыткѣ помочь имъ, богатство растаетъ очень скоро. Та же двойственность получается при взглядѣ на предметъ еще и съ другой точки зрѣнія. Рѣшеніе вопроса о способахъ приобрѣтенія богатства и о границахъ допустимаго пользованія имъ ввѣряется со-

1) Georg Ratzinger. Geschichte der kirchlichen Armenpflege. 2 Aufl. Freiburg im Breisgau. 1884 S. 116—125.

вѣсти самого богатаго, но совѣсть растяжима. Для человѣка съ покладистой совѣстью очень многіе способы пріобрѣтенія богатства могутъ казаться невинными и понятіе необходимаго можетъ раздвигаться до очень широкихъ границъ. Напротивъ, для чуткой совѣсти всѣ способы обогащенія покажутся чуждыми Евангелію, а понятіе необходимаго сузится до одной одежды и куска хлѣба. Онъ станетъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ Василій Великій въ бесѣдѣ о богатомъ юношѣ: „видно, что ты далекъ отъ заповѣди любви и ложно засвидѣтельствовалъ о себѣ, что возлюбилъ ближняго, какъ самого себя. Ибо вотъ повелѣваемое Господомъ вполнѣ изобличаетъ тебя, что нѣтъ въ тебѣ истинной любви. Еслибъ справедливо было утверждаемое тобой, что отъ юности сохранилъ ты заповѣди любви и столько же воздавалъ каждому, сколько и себѣ, то откуда у тебя такое огромное состояніе? Попеченіе о нуждающихся расточительно для богатства. Хотя каждый на необходимое содержаніе беретъ немного, однако же, такъ какъ всѣ вмѣстѣ получаютъ часть изъ имѣнія, то издерживаютъ его на себя. Поэтому кто любить ближняго, какъ самого себя, тотъ не имѣетъ у себя ничего излишняго передъ ближнимъ. Но ты оказываешься имѣющимъ стяжанія многа. Откуда же это у тебя? Не ясно ли изъ этого, что собственное свое удовольствіе предпочитаешь ты облегченію участи многихъ?... Если бы одѣвалъ ты нагого, если бы отдавалъ хлѣбъ свой алчущему, еслибъ дверь твоя отворена была всякому страннику, еслибъ ты былъ отцомъ сиротъ, еслибъ ты сострадалъ всякому немощному, то о какомъ имѣніи сталъ бы ты скорбѣть теперь“ ¹⁾. Что дѣйствительно въ существѣ подобныхъ воззрѣній лежала неопредѣленность, что вся сумма этихъ понятій является слишкомъ растяжимой, лучше всего показываетъ примѣръ отношеній къ церковному имуществу тогдашнихъ епископовъ. Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ ограничивали свои потребности до послѣдней степени, чтобы не пользоваться предназначеннымъ для бѣдныхъ, а Нектарій и Сисинній тратили эти деньги на роскошь и удобства жизни. Такимъ образомъ, при той постановкѣ вопроса объ имуществѣ, какая дана была Златоустомъ, его разрѣ-

¹⁾ Василій Великій. Творенія въ рус. пер. т. IV, стр. 95—96.

шеніе ставилось въ зависимость отъ чуткости индивидуальной совѣсти. Поэтому самый планъ реформы имущественныхъ отношеній требовалъ суровыхъ обличеній. Логика вещей вызывала на рѣзкія обращенія къ богатымъ съ цѣлю дать имъ почувствовать, что богатство ихъ и пріобрѣтено неправильно и употребляется не такъ, какъ должно. Сводя все къ рѣшенію индивидуальной совѣсти, необходимо было по крайней мѣрѣ обострить ее и не позволить ей успокоиться на мысли, что если вообще возможно праведное богатство, то оно является таковымъ и въ эмпирической дѣйствительности. Именно въ этомъ видѣль необходимость строгихъ обличеній и самъ святитель. „Отъ кого ты услышишь слова обличенія, если не отъ меня, обращается онъ къ богатому. Всѣ боятся тебя, а я не смотрю на тебя, презираю тебя, презираю страсть твою. Я дѣлаю разрѣзъ, ты кричишь, но я не боюсь крика твоего, потому что я—врачъ“¹⁾. Эти соображенія заставляли Златоуста какъ можно чаще возвращаться къ вопросу, законно ли пріобрѣтены богатства, которыя онъ видѣль вокругъ себя и правильно ли они употребляются. Такъ мы переходимъ къ третьему пункту.

в). На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ почти всегда отрицательно. Допуская абстрактную возможность происхожденія богатства отъ Бога, онъ съ большимъ сомнѣніемъ относится къ богатствамъ, которыя видѣль въ окружающей дѣйствительности. Онъ не имѣлъ предъ глазами ни одного случая, когда богатство было бы пріобрѣтено вполне безукоризненно, и искалъ такихъ примѣровъ въ отдаленномъ прошломъ — въ лицѣ Авраама и Иова. Разказавъ въ словѣ О Лазарѣ, какъ разбойники на большихъ дорогахъ грабятъ прохожихъ и дѣлаютъ хищническіе набѣги, онъ прибавляетъ: „такъ разсуждай о богачахъ корыстолюбивыхъ. Они—какіе то разбойники, засѣвшіе при дорогахъ, грабящіе проходящихъ и зарывающіе имущество другихъ въ своихъ кладовыхъ, какъ бы пещерахъ и подземельяхъ“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „не всякій богатъ отъ Бога, но многіе и отъ неправды, грабительства и любостыжанія. Развѣ Тотъ, Кто повелѣлъ не собирать богатства, по-

1) Ibid. T. V. стр. 566.

2) Ibid. T. I, стр. 788.

дать то, чего не велѣлъ приобрѣтать?“¹⁾ Исходя изъ этой мысли, Златоустъ не только осуждаетъ богатство, приобрѣтенное явно безчестнымъ путемъ (богатство блудницы, гробоконателя, хищника)²⁾, но и вообще высказываетъ сомнѣніе въ возможности нажить большое состояніе, не обижая другихъ. „Въ отношеніи имущества, говоритъ онъ, невозможно быть одному богатымъ безъ того, чтобы напередъ другой не сдѣлался бѣднымъ“³⁾. „Не съ богатствомъ приходитъ правда; хотя чрезъ него, но не съ нимъ приобрѣтается. Невозможно любостыжанію и правдѣ обитать вмѣстѣ“⁴⁾. „Если хочешь оставить дѣтямъ богатство, приобрѣтай богатство честное, если только таковое бываетъ“⁵⁾. Многие, защищая свои богатства, ссылались на то, что они получены по наслѣдству. Св. Юаннъ Златоустъ по этому поводу говорить, что наслѣдованіе имущества не разрѣшаетъ вопросъ о его происхожденіи, а только отодвигаетъ его. „Скажи мнѣ, откуда ты приобрѣлъ богатство? Отъ кого ты получилъ его? А другой откуда взялъ? Отъ дѣда, скажешь ты, отъ отца. Но можешь ли ты, восходя чрезъ длинный рядъ поколѣній, доказать такимъ образомъ, что имущество это законно приобрѣтено? Никакъ не можешь этого сдѣлать. Напротивъ, начало и корень его непременно должны скрываться въ какой нибудь несправедливости. Почему такъ? Потому что сначала Богъ не сдѣлалъ одного богатымъ, а другаго бѣднымъ, и, приведши (людей), не показалъ одному многихъ золотыхъ сокровищъ, а другаго лишилъ этого приобрѣтенія, но всѣмъ предоставилъ для воздѣлыванія одну и ту же землю. Какимъ же по этому образомъ, когда она составляетъ общее достояніе, ты владѣешь столькими то и столькими участками, а ближній не имѣетъ ни клочка земли“⁶⁾.

Употребленіе богатства въ окружавшемъ обществѣ вызывало не менѣе рѣзкія обличенія и порицанія святителя. Безумная роскошь и полное равнодушіе къ жалкому положенію, въ которомъ находились бѣдные, шли рука объ руку.

1) Ibid. Т. X, стр. 293.

2) Ibid. Т. X, стр. 350—351.

3) Ibid. Т. X, стр. 419.

4) Ibid. Т. X, стр. 642.

5) Ibid. Т. XI, стр. 21.

6) Ibid. Т. XI, стр. 704.

Златоустъ смотрѣлъ на эти излишества, какъ на похищеніе собственности бѣднаго, какъ на оскорбленіе Христа, отождествившаго себя съ нуждающимся. „Господь твой, говоритъ проповѣдникъ, ходитъ алчущимъ, а ты живешь въ роскоши! И не это одно странно, а и то еще, что, живя въ роскоши, ты дерзаешь презирать Его, при томъ тогда, когда онъ проситъ не многого чего-либо, а только одного хлѣба, чтобы утолить голодь. Онъ ходитъ, цѣпенѣя отъ холода, а ты, одѣтый въ шелковыя ткани, не обращаешь на Него вниманія, не показываешь никакого состраданія, но безъ всякаго милосердія проходишь мимо. Какого извиненія можетъ это заслуживать?“ 1). „Для чего, скажи мнѣ, ты носишь шелковыя одежды, ѣздишь на златосбруйныхъ коняхъ и украшенныхъ лошакахъ? Лошакъ украшается снизу; золото лежитъ и на покрывалѣ его; безсловесные лошаки носятъ драгоцѣнности, имѣя золотую узду; безсловесные лошаки украшаются, а бѣдный, томимый голодомъ, сидитъ при дверяхъ твоихъ и Христось мучится голодомъ“ 2). „Покажи мнѣ руку жены, любящей украшеніе, и ты увидишь, какъ эта рука снаружи покрыта золотомъ, а внутри подвергнута осадѣ. Достояніе сколькихъ бѣдныхъ, скажи мнѣ, носить рука твоя?“ 3). „Ты, вымывшись въ банѣ, одекаешься въ мягкія одежды и возвращаешься съ радостію и веселіемъ, поспѣвая къ приготовленному роскошному ужину, а бѣдный, непрестанно гонимый холодомъ и голодомъ, ходитъ по всѣмъ площадямъ съ поникшей головою, протягивая руки и даже отъ страха не смѣя напомнить сытому и покоющемуся о необходимой пищѣ, и часто отходить, осыпанный укоризнами. Потому, когда ты возвратишься домой, когда возляжешь на ложѣ, когда въ домѣ твоёмъ будетъ устроено блистательное освѣщеніе и приготовлена роскошная трапеза, вспомни объ этомъ бѣдномъ и несчастномъ, который подобно псамъ ходитъ по переулкамъ во мракѣ и грязи, и возвращается оттуда часто не домой, не къ женѣ, не на ложе, а на кучу сѣна, подобно псамъ, лающимъ всю ночь... Какой звѣрь не будетъ пораженъ этими обстоятельствами?“ 4).

1) Ibid. T. IV, стр. 547.

2) Ibid. T. V, стр. 569.

3) Ibid. 568.

4) Ibid. T. X, стр. 107.

г). Проповѣдь св. Іоанна Златоуста о богатствѣ и милостынѣ имѣла въ виду, помимо моральныхъ интересовъ богатыхъ, матеріальные интересы бѣдныхъ. Милостыня должна была хотя бы до нѣкоторой степени сгладить ужасающіе размѣры имущественнаго неравенства. Но святитель разсматривалъ вопросъ о богатствѣ и бѣдности не съ экономической, а съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Поэтому онъ не ограничивался заботами объ устраненіи подавляющей матеріальной нужды бѣдныхъ классовъ, но ставилъ своею задачею возвысить бѣдняка нравственно, ободрить его, дать ему почувствовать, что онъ не только ни въ чемъ не уступаетъ богачу, окруженному блескомъ, по своей внутренней цѣнности, но можетъ безконечно превосходить его въ этомъ отношеніи. Эта сторона ученія св. Іоанна рѣдко затрогивается, а между тѣмъ въ ней то съ особенною ясностію и выражается широта сердца, тонкость моральнаго сужденія и любовь къ бѣднымъ проповѣдника.

Бѣднякъ вездѣ и всегда является существомъ пренебрегаемымъ. Его вынужденное невѣжество, грубость и неопрятность возбуждаютъ въ высшихъ классахъ презрѣніе. То, чего мы никогда не позволили бы себѣ по отношенію къ человѣку своего круга, мы на каждомъ шагу, не задумываясь, допускаемъ по отношенію къ бѣдному. Даже церковь апостольскаго времени, когда духъ взаимной любви и братства вѣрующихъ проявлялся съ несравненной силой, не была свободна отъ лицезрѣнія. „Если въ собраніе ваше, читаемъ въ посл. ап. Іакова, войдетъ человѣкъ съ золотымъ перстнемъ, въ богатой одеждѣ, и вы, смотря на богатую одежду, скажете ему: тебѣ хорошо сѣсть здѣсь, а бѣдному скажете: ты стань тамъ, или садись здѣсь у ногъ моихъ; то не станете ли вы судьями съ худыми мыслями?“¹⁾ Во всякомъ обществѣ имущественно слабый наименѣе защищенъ отъ обидъ и насилій. Но на внутреннемъ состояніи человѣка неизбѣжно отражается общественное мнѣніе о немъ. Пренебреженіе среды, въ которой живетъ человѣкъ, въ качествѣ естественнаго рефлекса, превращается во внутреннее пренебреженіе его къ себѣ самому. Онъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на существо, для котораго нѣтъ мѣста въ Божіемъ

1) Гл. II, стг. 2—4.

мірѣ. И предъ горечью и обидой такого сознанія матеріальной нужда можетъ отодвигаться уже на второй планъ. Но кромѣ своей мучительности, эта внутренняя разбитость и приниженность часто дѣлаетъ бѣдняка совершенно неспособнымъ къ нравственной жизни. Все это видѣлъ св. Іоаннъ Златоустъ и добровольно поставилъ себя въ ряды бѣдныхъ, чтобы поднять ихъ до себя, вдохнуть въ нихъ нравственную бодрость, освободить ихъ отъ внутренней приниженности.

Въ одной бесѣдѣ святитель говоритъ: „сводъ звѣздный и кругъ луны—не всѣмъ ли равно принадлежать? Даже, странно сказать, *мы бѣдные* пользуемся имъ болѣе, нежели *они* (богатые)“ ¹⁾. „Мы—бѣдные“... здѣсь только два слова, но они служатъ выраженіемъ внутренняго строя личности, который стоитъ за ними. Когда ставится вопросъ объ отношеніи богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и слугъ, предпринимателей и рабочихъ, то чрезвычайно важно знать, на сторонѣ какого класса стоитъ проповѣдникъ внутренне, среди какихъ людей чувствуетъ онъ себя своимъ, кто для него кровно близокъ. „Мы бѣдные“, говоритъ первый іерархъ восточной половины римской имперіи. Въ настоящее время не только ни одинъ епископъ, но даже ни одинъ сельскій священникъ не можетъ безъ лицемѣрія обратиться съ такими словами къ бѣднымъ: не бѣднѣйшая часть населенія является для настоящаго духовенства тѣмъ классомъ, съ которымъ его связываетъ внутренняя, кровная близость. Но въ устахъ св. Іоанна Златоуста эти случайно оброненныя слова были глубоко правдивы. Они показываютъ, что бѣдный для него былъ болѣе своимъ, чѣмъ богатый. Въ этомъ случаѣ святитель не представлялъ собою исключенія. Онъ былъ выразителемъ церковнаго быта. Такъ же еще продолжали чувствовать лучшіе епископы той эпохи. Св. Василій Великій тоже однажды сказалъ: „мы, бѣдные, не имѣемъ ничего кромѣ свободы“. Какъ уже было сказано ранѣе, представители клира, принимая на себя служеніе церкви, нерѣдко отказывались отъ своего личнаго состоянія и ставили себя въ положеніе бѣдныхъ, пользующихся подаяніемъ церкви для удовлетворенія лишь самыхъ настоятельныхъ нуждъ. Это сразу родило клиръ съ угнетенными и презираемыми. Но, съ другой стороны, самое

1) Твор. Т. X, стр. 588.

это отреченіе отъ преимуществъ рожденія и состоянія было актомъ величайшаго милосердія. Нужно только представить себѣ, какимъ утѣшеніемъ и ободреніемъ было для бѣднаго видѣть, какъ люди аристократическаго круга отказывались отъ огромныхъ состояній и добровольно становились въ ряды нищихъ, получающихъ на пропитаніе изъ церковныхъ суммъ. Подобные факты поневолѣ заставляли бѣдняка задуматься, нѣтъ ли въ его тяжелой долѣ чего-нибудь свѣтлаго и достойнаго, и одного этого было уже достаточно, чтобы смягчить горечь бѣдности. Кромѣ того только добровольная бѣдность могла давать Златоусту и другимъ пастырямъ нравственное право говорить къ богатымъ объ отреченіи отъ излишковъ въ пользу бѣдныхъ и къ бѣднымъ о ничтожествѣ богатства. Когда епископъ, живущій въ роскоши, осмѣливается проповѣдывать объ евангельской простотѣ и милосердіи, его проповѣдь въ лучшемъ случаѣ является обрядомъ, никого ни къ чему не обязывающимъ, а когда онъ тратитъ свое краснорѣчіе на описаніе благъ и счастья бѣдности, то становится смѣшнымъ для всѣхъ вообще, а для бѣдныхъ сверхъ того его слова звучатъ и обиднымъ резонерствомъ.

Въ своемъ стремленіи ободрить бѣдныхъ и поднять ихъ нравственно, Златоустъ прежде всего возстаетъ противъ пренебрежительнаго отношенія къ обездоленному, которое само собою превращается въ его внутреннюю подавленность. Онъ порицаетъ представителей высшихъ классовъ за то, что они не имѣютъ жизненнаго общенія съ бѣдными. „Почему ты,—обращается онъ къ богачу, замыкающемуся въ своихъ палатахъ,—будучи самъ человѣкомъ, не хочешь сообщаться съ людьми, но ищешь пустыни среди городовъ, не думаешь, что Господь твой вкушалъ пищу съ мытарями, бесѣдовалъ съ блудницей, распялся съ разбойникомъ и обращался между людьми“? ¹⁾ Онъ убѣждаетъ богатыхъ оказывать помощь нуждающимся, не входя въ обсужденіе вопроса, достойны ли они помощи. Авраамъ не спрашивалъ странниковъ, кто они и откуда, и удостоился принять у себя Бога и ангеловъ. Отецъ небесный посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. „Милостыня потому такъ и называется, что мы подаемъ ее и недостойнымъ“.

1) Ibid. Т. V, стр. 577.

„Достоинство бѣднаго составляетъ одна нужда“. Мы должны подавать „не праву, а человѣку, и жалѣть его не за добродѣтель, а за несчастіе“ ¹⁾. Нужно не только помогать бѣднымъ деньгами, но и служить имъ своимъ трудомъ. Наши руки освящаются такимъ служеніемъ и когда мы, послѣ него, стираемъ ихъ на молитву, то Богъ умиливается и подаетъ намъ просимое ²⁾. Нищій, пробуждающій въ насъ человѣколюбіе, служитъ нашему спасенію. „Помышляя объ этомъ мы должны смотрѣть на бѣдныхъ, какъ на благодѣтелей, какъ на людей ³⁾, доставляющихъ намъ средство къ спасенію; мы должны подавать имъ милостыню съ щедростью и горячимъ усердіемъ, никогда не дѣлая непріятнаго вида при подаваніи, но разговаривая съ ними весьма кротко и показывая великую снисходительность къ нимъ“ ⁴⁾. Въ лицѣ нищаго предъ богатымъ стоитъ самъ Христосъ. Въ немъ Господь какъ бы продолжаетъ свой искупительный подвигъ. Златоустъ влагаетъ въ уста Спасителя слѣдующія слова: „склонись жалостію къ самому естеству, видя Меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, какую Я терпѣлъ за тебя на крестѣ. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, которую терплю въ лицѣ нищихъ. И тогда Я нуждался для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тѣмъ или другимъ, захотѣлъ оказать какое-либо милосердіе; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голодъ, жаждалъ, вися на крестѣ, жажду и въ лицѣ нищихъ, только бы тѣмъ или другимъ привлечь тебя къ Себѣ и для твоего же спасенія сдѣлать тебя человѣколюбивымъ“ ⁵⁾. Очень часто Златоустъ защищаетъ бѣдныхъ даже противъ обвиненій, которыя были не совсѣмъ неосновательны. Богачу, упрекающему нищихъ въ праздности, онъ отвѣчаетъ: „а ты развѣ не проводишь время въ праздности и забавахъ? Или часто не предаешься ли такой дѣятельности, которая хуже всякаго бездѣйствія, занимаясь грабительствомъ, насиліемъ, любостыжаніемъ?“ ⁶⁾.

1) Ibid. Т. I, стр. 707—798.

2) Ibid. Т. III, стр. 345—346.

3) Ibid. Т. XI, стр. 719 и X, 648.

4) Ibid. Т. IV, стр. 366.

5) Ibid. Т. IX, стр. 687.

6) Ibid. Т. X, стр. 106.

Бѣдный подъ вліяніемъ нужды и недостатка въ необходимомъ совершаетъ преступленія. Но, отвѣчаетъ Златоустъ, „никто изъ бѣдныхъ, никто, не дѣлаеть столько злодѣяній отъ бѣдности, сколько совершаютъ ихъ богатые изъ желанія большаго богатства и изъ опасенія, какъ бы не потерять уже хранящагося у нихъ“ ¹⁾. Бѣдные притворяются, чтобы выпросить для себя подачку, говорили другіе. Да, отвѣчаетъ Златоустъ, бѣдный притворяется, но если и такъ, то „притворяется по бѣдности и по необходимости, по причинѣ твоего жестокосердія и безчеловѣчія, требующаго такого притворства и иначе не приклоняющагося на милость. Кто въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливъ и жалокъ, чтобы безъ всякой нужды, для куска хлѣба, принимать столь безобразный видъ, терзать себя, терпѣть такую муку? Итакъ, притворство его возвѣщаетъ всѣмъ о твоёмъ безчеловѣчїи“ ²⁾. Сравнивая нищаго, живущаго милостыней, съ жаднымъ и безсердечнымъ богачемъ, Златоустъ отдаетъ всѣ преимущества первому, находя его способъ снискиванія пропитанія болѣе почетнымъ. Бѣдный беретъ на свои нужды у того, кто гораздо достаточнѣе его, а богатый требуетъ отъ бѣднаго. „Бѣдный получаетъ отъ дающихъ добровольно и расположенныхъ къ тому, богатые же отъ нежелающихъ и противящихся“. Бѣдный проситъ, будучи одѣтъ въ рубище, богатый, одѣваясь въ шелковыя одежды, держитъ у себя престарѣлыхъ бѣдныхъ, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ въ ущербъ законнымъ наслѣдникамъ. Прося милостыню, нищїе всякій разъ говорятъ много поучительнаго, обращаясь къ богатому съ словами „любомудрія, назиданія, совѣта“. „А каковы рѣчи богатыхъ? Свойственныя свиньямъ, собакамъ, волкамъ и другимъ животнымъ“ ³⁾.

Возвышая бѣдныхъ въ глазахъ богатыхъ, Златоустъ въ то же время поднимаетъ ихъ собственное самосознаніе. Для этой цѣли онъ старался бѣдность вынужденную обратить въ добровольную, какъ бы въ свободно-принятый на себя подвигъ. Онъ убѣждалъ бѣдныхъ довольствоваться своей судьбой и не искать богатства, но изъ дальнѣйшаго изложе-

1) Ibid. Т. X, стр. 598.

2) Ibid. Т. X, стр. 208.

3) Ibid. Т. X, стр. 130—131.

нiя читатель увидить, какъ далека была эта проповѣдь отъ призыва къ пассивному терпѣнiю, который въ настоящее время звучить съ церковныхъ кафедръ всѣхъ вообще исповѣданiй.

Богатство имѣетъ обаянiе. Почетъ, блескъ, роскошь, окружающiя большiя состоянiя, ослѣпляютъ бѣднаго и влекутъ его къ себѣ съ неудержимой силой. Невозможность же достигнуть желаемаго превращается въ жгучую зависть, разъѣдающую, какъ ржавчина, душу человѣческую. Св. Иоаннъ Златоустъ въ своемъ стремленiи отстоять внутреннюю свободу бѣднаго ни о чемъ не говоритъ такъ часто, какъ о призрачномъ блескѣ богатства. Обращаясь къ бѣднымъ, онъ любитъ повторять и объяснять слова псалма „не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ или егда умножится слава дому его“ ¹⁾. Эти слова—сокровище и опора, источникъ внутренняго богатства и изобилiя. „Ты выходишь, обращается проповѣдникъ къ бѣдному, и видишь человѣка, гордо сидящаго на златосбруйномъ конѣ и окруженнаго множествомъ копьеносцевъ; затѣмъ видишь человѣка бѣднаго и униженнаго. Въ тебѣ рождается зависть къ богатому и возбуждается отвращенiе къ бѣдному. Но является Давидъ, приступаетъ къ тебѣ и говоритъ: „не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ. Иди съ пророкомъ. и не бойся“ ²⁾. Богатство не прочно. Оно возбуждаетъ къ себѣ всеобщую ненависть. Блескъ богатства не имѣетъ никакого отношенiя къ нравственному достоинству личности. Мраморныя колонны, золотыя карнизы, фонтаны, портики, ковры, великолѣпныя спальни—„все это слава дома, а не слава человѣка“. „Стѣны обложены мраморомъ: какое же отношенiе къ человѣку, живущему въ нихъ? Потолки въ золотѣ: какое отношенiе къ ихъ владѣльцу? Главы колоннъ золотыя: какое отношенiе къ головѣ хозяина, оскверненной грѣхами? Полъ чистъ? Но совѣсть не чиста“ ³⁾. „Если ты увидишь кого нибудь облеченнаго блестящею одеждою и окруженнаго толпою тѣлохранителей, то раскрой его совѣсть—и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты“ ⁴⁾. „Не смотри на пышныя оде-

1) Пс. XLVIII, 17.

2) Ibid. Т. V, стр. 562.

3) Ibid. Т. V, стр. 572.

4) Ibid. Т. VII, стр. 649.

жды богатыхъ, но раскрой ихъ душу и взглядишь, не полна ли она безчисленныхъ ранъ, не одѣта ли въ рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза въ этомъ безумномъ пристрастїи къ внѣшнему? Гораздо лучше быть бѣднымъ, но жить добродѣтельно, чѣмъ быть царемъ, но порочнымъ“ ¹⁾. Даже тѣло бѣднаго, питающееся простою и естественною пищею, чище, чѣмъ тѣло богача. Послѣднее напоминаетъ собою печь, въ которой горять мясо и кости, распространяя смрадъ и дымъ. „Таковы и утробы богатыхъ. Въ нихъ ты найдешь еще больше, чѣмъ въ той печи, и смрада, и зловонныхъ испареній, и отвратительнаго запаха, потому что все тѣло ихъ и каждая часть его отъ пресыщенія отзывается большою несваримостью желудка. Вѣдь когда естественная теплота обезсилена, не можетъ переварить всей пищи, то послѣдняя пробивается на поверхность тѣла, подобно дыму, и производитъ отвратительный запахъ“ ²⁾.

Подрывая обаяніе богатства въ глазахъ бѣдныхъ, Златоустъ всячески старался возвысить бѣдность. И это вытекало у него не изъ приспособленія къ слушателямъ, не изъ желанія просто утѣшить ихъ, а изъ искренняго убѣжденія въ преимуществахъ бѣдности. Эту вѣру въ высокую цѣнность простой, чуждой излишествъ жизни онъ доказалъ самымъ дѣломъ, отказавшись добровольно отъ богатства и роскоши. Сверхъ того проповѣдь бѣдности въ эпоху Златоуста звучала иначе, чѣмъ въ настоящее время. Стремленіе освободиться отъ богатства какимъ бы то ни было путемъ въ тогдашнемъ обществѣ было широко распространено. Лучшіе люди того времени, какъ изъ язычниковъ, такъ и изъ христіанъ осуществляли этотъ идеалъ въ жизни. Отреченіе отъ собственности высоко цѣнилось какъ киниками, такъ и новоплатониками ³⁾. Среди христіанъ и особенно клириковъ это было довольно обычнымъ дѣломъ. Религіозныя и нравственныя основанія такого отреченія усиливались еще политическимъ гнетомъ, произволомъ властей, тяжестью повинностей. Эти условія дѣлали пользованіе состояніемъ крайне тяжелымъ и держали богатаго человѣка въ вѣчномъ трепетѣ

1) Ibid. Т. IX, стр. 522. Ср. IX, 416—417.

2) Ibid. Т. X, стр. 588—589.

3) Ibid. Т. I, стр. 69, 110—111.

за свою личность и имущество. Страницы сочиненій Златоуста, посвященныя раскрытію мысли о непрочности богатства и о безпокойствѣ богатыхъ, наглядно рисуютъ, насколько правое положеніе гражданъ было шатко ¹⁾. Вотъ какъ Григорій Богословъ описываетъ тяжесть управленія болѣе или менѣе значительнымъ имуществомъ: „непрестанныя и тяжкія заботы, день и ночь снѣдая душу и тѣло, низводятъ меня съ неба къ матери моей землѣ. Во-первыхъ, управляютъ служителями—поистинѣ сѣть пагубы. Жестокихъ владыкъ они всегда ненавидятъ, богобоязненныхъ безстыдно попираютъ; къ злымъ не снисходительны, добрымъ не благопокорны, но на тѣхъ и другихъ дышатъ неразумнымъ гнѣвомъ. А сверхъ того, надо заботиться объ имуществѣ, всегда чувствовать на своихъ плечахъ тяжесть императора, переносить угрозы сборщика податей, потому что подать, возраста съ имѣніемъ, унижаетъ для людей цѣну самой свободы, а на устахъ лежатъ узы. Надо проводить время среди многочисленныхъ собраній, близъ высокихъ сѣдалищъ, съ которыхъ рѣшаются человѣческія распри, надобно выслушивать громкія возраженія противника или по закону терпѣть скорби въ запутанныхъ сѣтяхъ. Вотъ бремя, вотъ трудъ! А злые берутъ преимущество предъ добрыми; блюстители законовъ могутъ быть куплены тою и другой стороной. Необходимо или опрометью бѣжать и оставить все злымъ, или очернять свое сердце“ ²⁾. При такихъ условіяхъ бѣдность казалась истиннымъ благомъ: она давала свободу. Вотъ именно эти то чувства Златоустъ и старается вдохнуть бѣднякамъ.

Часто онъ рисуеъ идиллію бѣдности. Бѣдный имѣетъ все необходимое для жизни и наслаждается ею полнѣе, чѣмъ богатый. Всю жизнь онъ пьетъ чистую ключевую воду, которая пріятнѣй, полезнѣй и необходимѣй вина. Въ его распоряженіи огонь, воздухъ, свѣтъ солнца. Богатый и бѣдный наслаждаются этимъ въ равной мѣрѣ или даже бѣдный имѣетъ преимущество, благодаря тому, что чувства у него живѣе, зрѣніе острѣе, всѣ силы воспріятія совершеннѣе. Сонъ бѣднаго, послѣ трудовъ, гораздо крѣпче и пріятнѣе, чѣмъ сонъ богача, который мечется въ своей роскошной

¹⁾ Ibid. Т. IV, стр. 87. 290. V, 33. 250—251. 314. X, 362—364.

²⁾ Григорій Богословъ. Творенія, т. IV, стр. 232—233.

постелѣ всю безсонную ночь. Бѣдный употребляетъ простую пищу, но здоровый аппетитъ служитъ ему лучшей приправой ¹⁾. Главнымъ же преимуществомъ бѣдности служитъ нравственная свобода и независимость. Бѣдному нечего терять, „у богатаго же много поводовъ потерпѣть вредъ: онъ боится за домъ, за слугъ, за поля, за сокровища; какъ бы кто-нибудь не отнялъ у него чего-либо изъ этого. Кто владѣетъ многимъ, становится рабомъ многого. Напротивъ, бѣдный, какъ человѣкъ свободный и чуждый всѣхъ этихъ поводовъ, есть левъ, дышашій огнемъ, имѣетъ душу отважную и, отрѣшившись отъ всего, легко дѣлаетъ все, что можетъ принести пользу церквамъ, хотя бы нужно было обличить, хотя бы укорить, хотя бы потерпѣть множество бѣдствій для Христа; однажды пренебрегши настоящей жизни, онъ удобно и съ великою легкостью совершаетъ все“ ²⁾.

Вся эта вполне искренняя аргументація богатаго человѣка, на опытѣ убѣдившагося въ тяжести и стѣснительности большого состоянія и добровольно отдавашаго предпочтеніе бѣдности, быть можетъ, и не вполне была доступна чувству бѣдныхъ по необходимости. Поэтому практически важнѣе былъ другой рядъ мыслей, сообщавшій бѣдности смыслъ и нравственную цѣль. Для человѣка особенно горьки бываютъ тѣ страданія и несчастія, которыя представляются ему вполне безцѣльными, ни для кого не нужными, звучащими неумѣстнымъ диссонансомъ на жизненномъ пиру, тяжелыми для страдающаго и тягостными для окружающихъ его. Напротивъ, нравственная природа человѣка не только примиряется съ страданіями, полезными по крайней мѣрѣ для другихъ, но и черпаетъ въ нихъ высокое наслажденіе. Подвигъ самопожертвованія и высокое удовлетвореніе, связанное съ нимъ, возможенъ не только въ активной формѣ героизма, бросающагося въ опасность, не думая о себѣ, но и въ пассивной формѣ добровольнаго согласія на то тяжелое положеніе, въ которое ставитъ человѣка сама необходимость. Солдатъ не можетъ не итти въ сраженіе, и если онъ идетъ въ битву съ внутреннимъ протестомъ противъ силы, его принуждающей къ этому, то онъ—не болѣе, какъ трусливое

1) Ibid. Т. IV, стр. 827—840. Ср. III, 484.

2) Ibid. Т. III, стр. 197—198 ср. VII, стр. 600—604.

животное, которое ведутъ на убой. Но если внутренно онъ принимаетъ эту обязанность, если, онъ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ готовность, ради блага родины, отдать свою жизнь, то дѣло необходимости онъ превращаетъ въ дѣло свободы, и его героизмъ становится вполне сознательнымъ и сладкимъ для него. Златоустъ указываетъ бѣднымъ цѣль и смыслъ ихъ страданій, открываетъ для нихъ возможность превратить бѣдность вынужденную въ добровольную и при томъ ради великой цѣли—спасенія своихъ братій. Бѣдныхъ не должно смущать то, что они вынуждены жить подаяніемъ и причинять богатымъ непріятныя минуты своими просьбами, своимъ бѣдственнымъ существованіемъ, вызывающимъ на благотворительность. Они просятъ у богатаго не то, что принадлежитъ ему, а то, что принадлежитъ Богу, и что Богомъ ввѣрено богатому для раздачи имъ. Богатый не имѣетъ никакихъ основаній тяготиться подобными просьбами о помощи. „Онъ помогаетъ бѣдному, но подаетъ имъ не свое, а Господне, общее для всѣхъ подобныхъ ему рабовъ Господа“¹⁾. Съ другой стороны, въ церкви, этомъ прекрасномъ тѣлѣ, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свое назначеніе, бѣдные имѣютъ великое призваніе. „Что ничтожнѣе просящихъ милостыню? Однако и они приносятъ въ церкви великую пользу, накопясь постоянно при дверяхъ храма и составляя великое украшеніе, такъ что безъ нихъ не была бы совершенна полнота церкви“. „Не менѣе насъ, сидящихъ предъ народомъ и поучающихъ васъ, продолжаетъ проповѣдникъ, поучаетъ и нищій своимъ молчаніемъ и видомъ, сидя у дверей церковныхъ. Мы каждый день внушаемъ вамъ: не высокоумствуй, человѣкъ; скоротечно и непостоянно естество человеческое... Тоже самое и еще больше того внушаютъ и они своимъ видомъ и примѣромъ, и внушеніе ихъ есть самое ясное“²⁾. Милостыня умилоствивляетъ Бога. „Если бы не было нищихъ, говорить Златоустъ, то ты не освободился бы отъ множества грѣховъ: они врачи твоихъ язвъ, ихъ руки предлагаютъ тебѣ лекарство... Ты далъ ему серебро,—и вмѣстѣ съ нимъ удалились твои грѣхи“³⁾. Нищіе видомъ своимъ

1) Ibid. Т. VIII, стр. 217.

2) Ibid. Т. X, стр. 302—303.

3) Ibid. Т. XI, стр. 719.

сильнѣе всякаго слова призываютъ насъ къ человѣколюбію. „Какъ въ преддверіяхъ молитвенныхъ домовъ обыкновенно устроятся умывальницы, чтобы идущіе молиться Богу сначала омыли руки и тогда простирали ихъ на молитву, такъ и бѣдныхъ отцы поставили предъ дверями подобно источникамъ и умывальницамъ, чтобы мы, какъ умываемъ руки водою, такъ, очистивъ напередъ душу человѣколюбіемъ, потомъ приступали къ молитвѣ“¹⁾).

Если бы нищій, проникнувшись сознаниемъ своей пользы и значенія въ церкви, принялъ добровольно свой жребій, какъ жертву за другихъ, то, конечно, онъ поднялся бы этимъ самымъ до нравственныхъ высотъ несравненнаго героизма.

В. Св. Іоаннъ Златоустъ жилъ въ обществѣ, которое было построено на рабовладѣльческихъ началахъ, и эти начала проникали собою весь общественный организмъ и отражались на нравственномъ строѣ личности. Не отрицая рабства въ принципѣ, святитель, слѣдуя ап. Павлу, вливаетъ христіанское содержаніе въ это учрежденіе.

Своимъ происхожденіемъ рабство обязано грѣху. Первоначально его не было. „Богъ, созидавая человѣка, сотворилъ его не рабомъ, но свободнымъ. Онъ сотворилъ Адама и Еву, и оба они были свободны“²⁾. Причиною возникновенія рабства былъ грѣхъ, а поводомъ непочтительность Хама къ опьянѣвшему отцу³⁾. Съ этого момента появилась роскошь и стремленіе пользоваться чужими трудами для личныхъ цѣлей. „До этого времени между людьми не было такой извѣженности и такой роскоши, чтобы одинъ нуждался въ услуженіи другихъ, но каждый служилъ самъ себѣ, всѣ были въ равной чести, и не было никакого неравенства. А какъ явился грѣхъ, то и нарушилъ свободу и уничтожилъ достоинство, дарованное человѣку отъ природы“⁴⁾. „Рабство произошло отъ любостыжанія, а также отъ зависти, отъ ненасытной алчности... Потомъ возникновенію рабства способствовали войны, сраженія, гдѣ стали брать плѣнныхъ“⁵⁾.

Такимъ образомъ, рабство неестественно и по существу

1) Ibid. T. III, стр. 308.

2) Ibid. T. I, стр. 849.

3) Ibid. T. I, стр. 849—851; IV, 746; VI. 704.

4) Ibid. T. IV, стр. 307.

5) Ibid. T. XI, 194.

своему есть насиліе, которое алчность и прихоть одного дѣлаетъ по отношенію къ другому. Отсюда можетъ быть только одинъ выводъ,—что въ обществѣ, всецѣло проникнутомъ христіанскими началами и отрѣшившемся отъ противной Евангелію роскоши и алчности, рабовъ не должно быть. Однако прямо самъ проповѣдникъ этого вывода не дѣлаетъ, хотя уму его эта мысль несомнѣнно и предносилась. Говоря объ апостольской церкви въ Іерусалимѣ, онъ вскользь замѣчаетъ: „не говорю о рабахъ—ихъ тогда не было, быть можетъ, отпускали ихъ на волю“¹⁾. Иисусъ уже говоритъ проповѣдникъ объ ограниченіи рабства возможнымъ минимумомъ, при чемъ основаніемъ для этого служить недозволительность роскоши и христіанское человѣколюбіе. „Для чего имѣть множество слугъ? Какъ въ отношеніи къ одеждѣ и пицѣ надобно заботиться только о необходимомъ, такъ и въ отношеніи къ слугамъ. И какая въ нихъ нужда? Нѣтъ никакой. Одному господину надлежало бы имѣть только одного слугу или, лучше, двоимъ и троимъ господамъ одного слугу... Богъ для того далъ намъ руки и ноги, чтобы мы не имѣли нужды въ слугахъ; и не нужда ввела сословіе рабовъ,—иначе вмѣстѣ съ Адамомъ былъ бы сотворенъ и рабъ,—но это есть слѣдствіе грѣха и преслушанія. А Христосъ, пришедши, прекратилъ и это: о Христѣ Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободъ“. Характерно, что уже при первомъ упоминаніи объ одномъ слугѣ для нѣсколькихъ господъ, проповѣдникъ, вообще зорко слѣдившій за своей аудиторіей, замѣтилъ среди слушателей движеніе недовольства и тотчасъ же, отвѣчая на него, прибавилъ: „если это непріятно слушать, то вспомни о тѣхъ, которые не имѣютъ ни одного слуги“. Далѣе св. отецъ переходитъ къ другой мысли: „если ты собираешь множество слугъ, то дѣлаешь это не изъ человѣколюбія, а изъ роскоши; если бы ты заботился объ ихъ благѣ, то не заставилъ бы никого изъ нихъ служить тебѣ, но, купивъ и научивъ ихъ ремесламъ, чтобы они могли продовольствовать сами себя, отпустилъ бы ихъ на волю. Если же ты бичуешь ихъ, если налагаешь на нихъ оковы, то это уже не дѣло человѣколюбія“. Можно себѣ представить, до какой степени непріятно было слышать это рабовладѣльцамъ, и настроеніе окружаю-

1) Ibid. Т. IX, стр. 113.

щихъ тотчасъ же отразилось на проповѣди. Ораторъ рѣзко обрываетъ свою мысль довольно безнадежнымъ замѣчаніемъ: „знаю, что я говорю непріятное для слушателей, но что мнѣ дѣлать? На то я поставленъ, и не перестану это говорить, будеть ли какая польза или нѣтъ“¹⁾.

Уничтоженіе рабства въ древнемъ мірѣ было историческою невозможностью, которую чувствовалъ всякій. Поэтому Златоустъ, подобно другимъ отцамъ церкви, не вступая въ борьбу съ самымъ учрежденіемъ, принимаетъ его какъ данное и наполняетъ христіанскимъ содержаніемъ. Съ своею проповѣдью онъ обращается къ рабамъ и свободнымъ, выясняя тѣмъ и другимъ ихъ взаимныя обязанности.

Господинъ долженъ помнить, что его рабъ—тоже человѣкъ, искупленный Христомъ. Ап. Павелъ не постыдился назвать раба сыномъ, утробою своею, братомъ и возлюбленнымъ. Не только Павелъ, но и Владыка Павла не стыдился называть рабовъ братьями своими. Поэтому и господинъ не долженъ презирать рабовъ, но долженъ имѣть общеніе съ ними во всемъ²⁾.

Далѣе господинъ долженъ быть снисходителенъ къ рабамъ, прощать имъ проступки, не позволять себѣ обижать ихъ, не прибѣгать къ жестокимъ наказаніямъ. „Не думай, обращается Златоустъ къ рабовладѣльцу, что за обиду, причиняемую рабу, Богъ проститъ потому, что она причинена рабу. Внѣшніе законы, какъ законы человѣческіе, допускаютъ еще различіе по происхожденію, но законъ общаго Владыки не знаетъ никакого различія, такъ какъ онъ благодѣтельствуетъ всѣмъ вообще и надѣляетъ всѣхъ однимъ и тѣмъ же“³⁾. Златоустъ не отрицалъ тѣлеснаго наказанія, какъ не отрицала его и вся вообще древность, такъ какъ оно логически связано съ рабовладѣльческимъ строемъ общества. Человѣка, лишеннаго свободы и поставленнаго въ положеніе раба, можно удерживать въ повиновеніи только жестокостью тѣлесныхъ страданій, а рабство само по себѣ настолько унижало личность, что при немъ унижительность розги для наказывающаго и наказываемаго уже не ощущалась. Но допуская на-

1) Ibid. Т. X, стр. 421—422.

2) Ibid. Т. XI, стр. 896.

3) Ibid. Т. XI, стр. 194.

казанія рабовъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, проповѣдникъ указывалъ другіе способы ихъ исправленія. Воспитаніе и устраненіе поводовъ къ проступкамъ—вотъ средства воздѣйствія на рабовъ, которыя онъ рекомендуетъ. „Исправляй рабу, обращается онъ къ знатной дамѣ, не бичами только, но и ласкою, и добрымъ обращеніемъ... Если она склонна къ пьянству, отними у нея возможность пьянствовать, призови мужа, увѣщай... Но что дѣлать, говорятъ, если она предается распутству? Выдай ее замужъ, пресѣки поводъ къ распутству, не позволяй развратничать. Но что если она воруетъ? Наблюдай и присматривай за ней. О, скажешь, что за претензіи? Мыѣ быть сторожемъ? Какое безуміе! Отчего, скажи, и не быть тебѣ ея сторожемъ? Развѣ у тебя не такая же душа, какъ и у ней? Развѣ она не удостоена тѣхъ же даровъ отъ Бога? Не къ одной ли она приступаетъ съ тобой трапезѣ? Что же, говоришь ты, если она бранлива, сварлива, склонна къ пьянству? А сколько есть такихъ и между свободными женами?“... Этотъ мудрый призывъ къ милосердію и справедливости, эта защита безправнаго и стоящаго внѣ закона потревожила совѣсть присутствующихъ. Свою рѣчь проповѣдникъ прерываетъ словами: „что вы всѣ такъ покраснѣли? У насъ рѣчь не о всѣхъ, но только о тѣхъ, которыя предаются такой звѣрской жестокости“¹⁾. Но не на словахъ только защищалъ святитель рабовъ отъ жестокаго обращенія господъ. Онъ запретилъ служеніе своему діакону за то, что тотъ билъ своего раба, мальчика Евладія. Обида несчастнаго ребенка отозвалась праведнымъ негодованіемъ въ сердцѣ перваго святителя восточной церкви, и никому ненужное, для всѣхъ чужое дитя нашло защиту въ служителѣ Евангелія! По тогдашнимъ понятіямъ, общественнымъ отношеніямъ и правовому сознанію это было дѣло необычайное. Фактъ этотъ приводится въ длинномъ спискѣ обвиненій противъ Златоуста на соборѣ, осудившемъ его.

Наконецъ, если рабы служатъ господамъ, то и господа должны служить своимъ рабамъ. Подъ словомъ „такъ же“ въ 9 ст. посланія ап. Павла къ Ефѣсянамъ (и вы, господа, постуцайте съ ними *такъ же*) Златоустъ разумѣетъ полное повтореніе того, что сказано апостоломъ въ обращеніи къ

¹⁾ Ibid. XI, стр. 134—135.

рабамъ: господа должны служить рабамъ не какъ чело­вѣ­ко угодники, но со страхомъ и трепетомъ ¹⁾. Это служе­ніе состоитъ въ содержаніи рабовъ и ихъ христіанскомъ воспи­таніи. „Ты пріобрѣлъ, купилъ раба? говоритъ Златоустъ, при­казывай ему прежде всего жить по волѣ Божіей, чтобы онъ былъ кротокъ въ отношеніи къ своимъ товарищамъ, чтобы особенно заботился о добродѣтели. Домъ каждаго есть какъ бы городъ, и каждый хозяинъ есть начальникъ надъ соб­ственнымъ домомъ“ ²⁾. Идеаломъ добраго отношенія къ ра­бамъ служить Авраамъ: онъ имѣлъ рабовъ, „но извѣстно, что онъ обращался съ ними не такъ, какъ съ рабами“ ³⁾.

Ученіе Златоуста объ обязанностяхъ рабовъ имѣетъ цѣлью возвысить ихъ нравственное достоинство и внутренно освобо­дить ихъ отъ тиранніи чело­вѣ­ка. Христіанинъ, по апостолу, купленъ дорогою цѣною и не долженъ быть рабомъ чело­вѣ­ка ⁴⁾. Это имѣетъ одинаковую силу какъ по отношенію къ свободному, такъ и по отношенію къ рабу. Послѣдній не долженъ стремиться къ тому, чтобы получить свободу отъ внѣшняго принужде­нія, но долженъ освободить себя внутренно и перестать быть чело­вѣ­коугодникомъ, рабомъ чело­вѣ­ка. Для этого онъ дол­женъ стать рабомъ Бога, господиномъ надъ собою поставить волю Божію, а своему порабителю повиноваться лишь по­стольку, поскольку это соотвѣтствуетъ волѣ Божіей. Такимъ образомъ дѣло необходимости рабъ превращаетъ въ свой свободный подвигъ. Христосъ заповѣдалъ терпѣть обиды. Ударившему въ ланиту онъ повелѣлъ обратитъ другую, взявшему верхнюю одежду отдать и нижнюю. Терпѣть оби­ды и не сопротивляться причиняемому насилію заповѣдалъ всѣмъ христіанамъ безъ различія. Но свободный можетъ и не испытать такихъ обидъ и насилій, рабъ же по самому существу рабства есть непремѣнно обиженный. Увлеченіе

1) „И господіе, говорягъ, таяжде творите къ нимъ. Что такос—таяжде? Благосклонно служите. Хотя апостоль не сказалъ: „служите“, но словомъ: „таяжде“ онъ выразилъ эту мысль, потому что и господивъ служить. Не яко чело­вѣ­коугодницы, говоритъ, со страхомъ и трепомъ т. е. со стра­хомъ Божимъ, опасаясь, какъ бы когда-нибудь онъ не осудилъ насъ за нерадѣніе о рабахъ“ Ibid, XI, 193.

2) Ibid, XI, стр. 194—195.

3) Ibid.

4) 1 Кор. VII, 23.

роскошью и алчность господина лишила его самого дорогого—свободы. Но именно потому-то онъ и стоитъ въ особенно благоприятныхъ условіяхъ по отношенію къ Евангелію. Воспользовавшись своимъ несчастіемъ и добровольно рѣшившись не только исполнять то, что отъ него требуетъ насильникъ, но еще гораздо больше, онъ осуществить въ своей жизни нагорную проповѣдь Господа. Пусть рабъ служить господину не на глазахъ только его, не по страху наказанія, но какъ самому Богу со всевозможнымъ усердіемъ, отъ всей души, по совѣсти. Пусть онъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ отъ него желаетъ получить несправедливо овладѣвшій имъ, и это будетъ равносильно обращенію лѣвой ланиты ударившему въ правую. Потому то апостоль и совѣтуетъ рабамъ, для которыхъ есть возможность получить свободу, не стремиться къ этому, а наоборотъ, еще больше поработить себя, ибо оставаясь въ рабствѣ, они удобнѣе другихъ могутъ осуществить евангельскую проповѣдь о непротивленіи насиліямъ ¹⁾.

Но примиряясь съ рабствомъ, христіанинъ имѣетъ въ виду угодить не хозяину, а Богу. ²⁾ Поэтому не всякому насилію

¹⁾ *ibid.* Т. X, стр. 182—183.

²⁾ „Если свободнымъ повелѣваю повиноваться другъ другу, говоритъ апостоль, ради страха Божія, какъ выше сказано: повинующеся другъ другу въ страхъ Божій, если женѣ приказываю бояться своего мужа, хотя она имѣетъ равную съ нимъ честь, то тѣмъ болѣе слугѣ. Въ этомъ нѣтъ безчестія—умѣть унижаться, вести себя скромно, уступать ближнему. И свободные служили свободнымъ съ большимъ страхомъ и трепетомъ... Покажи, что ты служишь какъ рабъ Христовъ, а не какъ рабъ чловѣка; сдѣлай такъ, чтобы твои служебныя занятія были у тебя добродѣтелью, а не слѣдствіемъ необходимости. Какъ того, кто терпитъ обиды отъ другого, Христось убѣждаетъ и научаетъ принимать обиду, какъ благо для себя, и терпѣть ее по собственному изволенію, точно также и рабовъ учить апостоль. Ударившій въ ланиту рѣшился на такой поступокъ не по мыслямъ того, кого онъ ударилъ, а по собственной злобѣ,—и однако что же сказано? *Обрати ему и другую* (Мф. V, 37), чтобы ты могъ показать, что и первая не противъ воли твоей подставлена. Рѣшившійся потерпѣть ланитѣй разъ ударъ обратилъ и то, что было не его дѣломъ, въ свое дѣло, когда далъ поразить и другую ланиту, а не ограничился однимъ перенесеніемъ обиды: послѣднее, пожалуй, можно счесть за слѣдствіе страха, но въ первомъ много любомудрія. Итакъ ты покажешь тогда, что перенесъ это ради любомудрія. Такъ и теперь ты покажи, что несешь это рабство добровольно, а не какъ чловѣкоугодникъ. Чловѣкоугодникъ—не рабъ Христовъ, а рабъ Христовъ—не чловѣкоугодникъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ будучи рабомъ Божиимъ, захочетъ угождать чловѣкамъ? Напротивъ, кто, угождая чловѣкамъ, можетъ быть рабомъ

онъ долженъ подчиняться. Свои личныя обиды онъ долженъ терпѣть. Но ему не слѣдуетъ исполнять приказаній, противныхъ волѣ Божіей, ибо онъ рабъ не хозяина, а Бога. Не человѣку онъ угождаетъ, а Богу. Поэтому обратною стороною добровольнаго подчиненія требованіямъ господина служить обязанность сопротивленія, которую налагаетъ на раба Евангеліе... „Когда господинъ, говоритъ Златоустъ, не требуетъ ничего противнаго волѣ Божіей, тогда должно повиноваться ему и покаряться, а простираться далѣе не должно: такъ рабъ остается свободнымъ! Если же ты простираешься далѣе, то дѣлаешься рабомъ“... „Не дѣлайтесь рабами человѣковъ т.-е. не повинуйтесь людямъ, когда они повелѣваютъ что-нибудь постыдное“¹⁾.

Іосифъ осуществилъ въ своемъ лицѣ идеаль раба. Онъ добровольно и по совѣсти служилъ своему господину и этимъ приобрѣлъ его расположеніе, но когда госпожа влекла его ко грѣху, онъ отказался подчиниться ея требованію ²⁾.

Такимъ образомъ, св. Іоаннъ Златоустъ призываетъ рабовъ не къ пассивному повиновенію господамъ безъ всякихъ разсужденій. Онъ имѣетъ въ виду создать въ душѣ раба состояніе величайшей активности и этимъ возвысить его нравственно. Если представить себѣ этотъ идеаль осуществленнымъ, то въ лицѣ такого раба мы, дѣйствительно, имѣли бы примѣръ несравненнаго нравственнаго героизма, моральная цѣнность котораго перевѣсила бы безконечно унижительность виѣшняго положенія. Чувствуя себя служителемъ

Божіимъ?.. Если будешь служить по доброй волѣ, съ благоразуміемъ, отъ души, ради Христа,—то ты не рабъ. Такое рабство несетъ и Павелъ человѣкъ свободный, когда говоритъ: мы рабы ваши для Іисуса (2 Кор. IV, 5). Видишь ли, какъ у твоего рабства отнимается безчестіе? Подобно тому, какъ если бы какой нибудь человѣкъ, послѣ того, какъ у него отняты деньги прибавилъ бы еще отъ себя своему похитителю, не можетъ почитаться обнищавшимъ, но достаточнымъ, не можетъ быть причисленъ къ потерпѣвшимъ зло, но къ дѣлающимъ добро, и такимъ благодареніемъ онъ покрылъ бы своего грабителя еще большимъ позоромъ, нежели какой онъ навлекъ на себя своимъ грабительствомъ,—такъ точно въ настоящемъ случаѣ: если рабъ въ самыхъ изнурительныхъ трудахъ ведетъ себя великодушно, показывая, что онъ не чувствуетъ насилія, то отъ этого большій стыдъ для его господина“ Ibid. XI, стр. 192—193.

¹⁾ Ibid. Т. X, 184. 185.

²⁾ Ibid. Т. X, стр. 183—186 ср. XI, стр. 856—867.

Бога, такой рабъ былъ бы свободенъ отъ самаго горькаго въ рабствѣ—отъ чувства принужденія, такъ какъ внутренно въ каждый моментъ своей жизни—и противясь господину и подчиняясь ему—сознавалъ бы себя совершенно свободнымъ. Но идеаль этотъ слишкомъ высокъ, чтобы могъ быть исполнимъ не въ видѣ исключенія. Онъ предполагаетъ необыкновенную полноту и интензивность духовной жизни, которая съ трудомъ можетъ развиваться въ условіяхъ рабства. Затѣмъ высота и, такъ сказать, тонкость ученія Златоуста имѣютъ то неудобство, что легко могли сдѣлать его непонятнымъ для послѣдующихъ проповѣдниковъ и превратить благовѣстіе нравственной свободы въ призывъ къ пассивному повиновенію.

Выяснивши ученіе св. Іоанна Златоуста о власти, богатствѣ и бѣдности, рабахъ и свободныхъ, мы считаемъ не лишнимъ въ качествѣ обобщенія отмѣтить теперь его характеристическія особенности. Точка зрѣнія святителя на социальныя неравенства исключительно религіозно-нравственная. Ни злоупотребленія власти, ни бѣдность, ни насильственное лишеніе свободы не являются въ его глазахъ бѣдствіями общества, развращающими его. Это—не болѣе, какъ безразличное, способное породить какъ добродѣтель, такъ и порокъ въ зависимости отъ отношенія къ нимъ моральной воли индивидуума. Личность при всякихъ обстоятельствахъ можетъ быть добродѣтельной и подняться до высочайшей степени нравственнаго достоинства. Такой взглядъ основывается на признаніи безусловной свободы воли, или, вѣрнѣе, точкою отправленія для него служить абстрактная возможность для челоуѣка, независимо отъ внѣшнихъ условій, достигнуть какой угодно степени нравственнаго развитія. Но абстрактная возможность не всегда совпадаетъ съ реальною возможностью. Разсуждая *in abstracto*, мы можемъ сказать, что всякій бѣднякъ можетъ стать такимъ же добродѣтельнымъ, какимъ Златоустъ рисуетъ евангельскаго Лазаря, а всякій рабъ такимъ, какимъ изображенъ въ его бесѣдахъ Іосифъ прекрасный. Но допуская это, мы дѣлаемъ въ глубинѣ нашего сознанія какъ бы мысленную оговорку: если при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ находитесь на лицо вся совокупность необходимыхъ нравственныхъ условій. Каждый отдѣльный бѣднякъ

и рабъ могутъ стать героями духа, если имѣютъ достаточное умственное развитіе, если о нихъ позаботится высокоодаренный руководитель, если имъ доступенъ источникъ нравственнаго освѣженія, если ихъ окружаютъ прекрасныя примѣры и благотворныя вліянія. Если все это въ избыткѣ предоставлено имъ, то бѣдность и рабство не помѣшаютъ ихъ побѣдоносному шествію къ идеалу личной святости. Но, по большей части, внѣшнія условія—бѣдность, зависимое положеніе,—сами по себѣ, дѣйствительно, безразличныя въ моральность отношенія, устраняютъ человѣка отъ нравственныхъ вліяній. Угнетающая бѣдность и жестокое рабство, если они овладѣваютъ еще не развившимся и не опредѣлившимся человѣкомъ, до какой степени подавляютъ его физическимъ трудомъ и до такой степени удаляютъ его отъ всякихъ нравственныхъ вліяній, что высокое духовное развитіе въ этихъ условіяхъ является чудомъ и рѣдкимъ исключеніемъ. Вотъ почему абстрактная возможность не превращается обыкновенно въ реальную дѣйствительность, и мы видимъ, что въ общемъ бѣдность и рабство не способствуютъ развитію добродѣтели... „Вездѣ признается, говоритъ въ одномъ мѣстѣ и самъ Златоустъ, что рабы вообще грубы, необразованны, упрямы, очень не воспримчивы къ наставленіямъ въ добродѣтели,—не отъ природы, нѣтъ, но отъ обращенія и нерадѣнія объ нихъ господь ихъ, такъ какъ вездѣ владѣющіе ими не заботятся ни о чемъ другомъ, какъ только объ ихъ службѣ, а если иногда заботятся и объ ихъ нравахъ, то дѣлаютъ это также для собственнаго спокойствія, чтобы не ввѣрять дѣлъ своихъ людямъ распутнымъ, ворами или пьяницами. Естественно, что они, будучи оставлены безъ всякаго попеченія и не имѣя никого, кто бы позаботился объ нихъ, погружаются въ самую бездну зла. Вѣдь если даже тамъ, гдѣ наблюдаютъ и отецъ, и мать, и приставникъ, и воспитатель, и учитель, и сверстники, гдѣ возвышаетъ человѣка сознаніе своего благороднаго происхожденія и многое другое, если и тамъ рѣдко кто избѣгаетъ сообщества съ людьми порочными,—то что думать о тѣхъ, которые лишены всего этого, которые соприкасаются съ людьми развратными, безъ всякой осторожности обращаются съ кѣмъ захотятъ и не имѣютъ никого, кто бы позаботился объ ихъ знакомствахъ? Подумай, что будетъ съ таки-

ми? Вотъ отчего трудно рабу быть добродѣтельнымъ“¹⁾. Но приведенное мѣсто въ сочиненіяхъ св. Іоанна Златоуста является исключительнымъ. Въ общемъ въ нихъ преобладаетъ высокая оцѣнка нравственной свободы и самоопредѣленія.

Второй отличительной чертой ученія святителя служить извѣстнаго рода индивидуализмъ во взглядѣ на человѣческое общество. Имѣя [въ виду достигнуть социальныхъ результатовъ и сгладить неравенство классовъ, онъ обращается все же къ индивидууму и чрезъ него исключительно стремится обновить общество. Хотя онъ и сравниваетъ иногда церковь съ организмомъ, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свое назначеніе и необходимъ для цѣлаго, однако эта аналогія въ его сознаніи не связана съ тою полнотою содержанія, которая характеризуетъ современныя ученія объ обществѣ. Каждая личность для него—это совершенно отдѣльный атомъ. Ея нравственное развитіе не зависитъ отъ вліяній, исходящихъ отъ общества, какъ цѣлаго. Съ другой стороны, состояніе общества есть не болѣе какъ сумма того, что дано въ каждомъ индивидуумѣ. Совмѣстная дѣятельность послѣднихъ не создаетъ никакихъ перемѣнъ въ самомъ строѣ социальнаго организма. Вслѣдствіе этого каждая личность начинаетъ свое развитіе сначала. Златоустъ ставитъ свою задачу не развитіе общества, а нравственное преуспѣяніе членовъ его. Свою мысль мы пояснимъ слѣдующей аналогіей. Въ развитіи личности громадное значеніе имѣетъ привычка. Безъ нея мы не могли бы двинуться впередъ ни въ одной области. Сначала всякое сознательное дѣйствіе поглощаетъ всю нашу внутреннюю энергію, потомъ, становясь привычнымъ, совершается автоматически, а силы, которыя сначала тратились на него, освобождаются для новой дѣятельности. Когда мы учимся писать, то все наше вниманіе сосредоточиваются на мускульной работѣ, а когда процессъ писанія станетъ механическимъ, мы получаемъ возможность одновременно и писать и мыслить. То же и въ моральной области. Всякая хорошая привычка, созданная свободно, освобождаетъ нравственныя силы для новыхъ задачъ. Что въ нравственномъ развитіи личности привычка, то въ развитіи общества право. Всякая достигну-

¹⁾ Ibid. Т. XI, стр. 864.

тая ступень нравственнаго сознанія, будучи закрѣплена въ правѣ, становится прочнымъ пріобрѣтеніемъ общества, а освободившіяся силы идутъ далѣе и влекутъ его на высшую ступень. Но этотъ идеаль развивающагося общества совершенно чужды твореніямъ св. Іоанна Златоуста.

Наконецъ, какъ проповѣдникъ религіозно-нравственныхъ началъ, вселенскій учитель обращается къ совѣсти отдѣльной личности и даетъ ей только основные руководящія принципы, предоставляя прочее свободной инициативѣ. Онъ говоритъ власти, что она должна заботиться о благѣ народа и не пользоваться своимъ положеніемъ въ корыстныхъ цѣляхъ. Богатымъ онъ проповѣдуетъ, что они не должны пріобрѣтать состояніе путемъ нарушенія права другихъ, и что изъ пріобрѣтеннаго имущества они могутъ удерживать для себя лишь на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Рабовладѣльцевъ онъ увѣщаваетъ не наказывать рабовъ напрасно и не обращаться съ ними жестоко. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ къ услугамъ страсти является софистика, раздвигающая область дозволеннаго до весьма широкихъ предѣловъ.

Всѣ эти три черты, составляя особенность ученія Златоуста въ сравненіи съ принципами современной этики, не выдѣляютъ его изъ ряда прочихъ этическихъ ученій древности. Онъ свойственны всей вообще древней этикѣ, но ихъ необходимо имѣть въ виду, чтобы отвѣтить на вопросъ, чего же достигъ вселенскій учитель своею самоотверженною дѣятельностью и своимъ горячимъ словомъ.

Въ развитіи общества какъ цѣлаго онъ не оставилъ замѣтнаго слѣда. Константинополь и Автіохія по всему строю жизни, по своему быту, остались послѣ него тѣмъ же, чѣмъ были до него. Евангельскій идеаль, который проповѣдывалъ святитель, не сталъ общественною силой. Напротивъ, проповѣдь его возбудила ожесточенную реакцію въ обществѣ, поставила противъ него всѣ имущіе и вліятельные классы и необходимо должна была повести къ его паденію даже въ ту эпоху, когда церковь была гораздо свободнѣе чѣмъ теперь. Но вліяніе святителя на индивидуальную жизнь вѣрующихъ было громадно. Трудно и вообразить, сколько отдѣльныхъ религіозно-нравственныхъ актовъ совершено подъ впечатлѣніемъ его проповѣдей, сколько христіанскихъ ха-

ракторовъ сформировалось, благодаря воспитательному воздѣйствію его сочиненій. Св. Іоаннъ Златоустъ былъ руководителемъ совѣсти не только въ Антиохіи и Константинополѣ. Благодаря огромному литературному наслѣдію, завѣщанному имъ церкви, благодаря ясности и жизненности своихъ бесѣдъ, онъ поистинѣ сталъ вселенскимъ учителемъ. Въ частности русскій народъ, воспитавшійся на твореніяхъ святителя, ему именно болѣе, чѣмъ кому-либо другому, обязанъ самыми свѣтлыми, самыми гуманными чертами своего національнаго благочестія. Изучающіе древне-русскую литературу знаютъ, какой глубокой слѣдъ оставилъ Златоустъ въ религіозныхъ понятіяхъ и бытѣ древней Руси. Если мы примемъ во вниманіе широту и продолжительность вліянія твореній цареградскаго святителя на христіанскіе народы, то значеніе его въ исторіи церкви предстанетъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ во всемъ своемъ величіи. Проповѣдникъ евангельской любви, онъ является однимъ изъ самыхъ великихъ благодѣтелей человѣчества. Онъ не уничтожилъ бѣдности, но подумайте, читатель, сколько миллиардовъ переложилъ онъ изъ туго завязанной мошны богачей въ карманы бѣдныхъ своей полуторатысячелѣтной проповѣдью о милостынѣ...

Обыкновенно говорятъ: скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. Съ не меньшимъ правомъ можно судить о человѣкѣ, зная, кто его враги. По большей части вражду создаютъ не частныя столкновенія—они служатъ только поводомъ,—а различіе моральныхъ типовъ. Характеръ открытый, мужественный, способный самоотверженно защищать дѣло справедливости оскорбляетъ самымъ своимъ существованіемъ лукаваго, трусливаго и злого эгоиста. Вотъ почему естественнымъ дополненіемъ настоящаго очерка должна быть краткая характеристика враговъ великаго святителя.

Первыми врагами св. Іоанна Златоуста были его подчиненные. Мы уже говорили о порокахъ константинопольскаго клира, съ которыми святитель началъ борьбу тотчасъ по вступленіи на столичный престолъ. Это не могло нравиться духовенству особенно послѣ снисходительнаго Нектарія. Введеніе ночныхъ богослуженій, лишавшее клириковъ привычнаго покоя, могло только усиливать ихъ недовольство. Мѣры, принятія противъ бродячихъ монаховъ, и обличенія, направленные противъ нихъ, возбуждали нена-

висть къ епископу и среди мнимыхъ подвижниковъ благочестія. „По этимъ причинамъ негодовали на него клирики, говоритъ Созоменъ, и многіе изъ монаховъ, и называли его тяжелымъ, гордымъ, жестокимъ и высокоумнымъ“¹⁾. Изъ клира открытыми врагами святителя были два пресвитера и пять діаконовъ²⁾. Діаконъ Іоаннъ и монахъ Исаакъ выступали обвинителями на соборѣ при Дубѣ. На раздраженіе клира указываетъ далѣе и характеръ самыхъ обвиненій. Обвинители жаловались, что святитель отлучилъ діакона Іоанна за то, что тотъ билъ своего раба, что онъ приказалъ бить и связать какъ бѣсноватаго монаха Іоанна, поносилъ клириковъ, написалъ книгу, оскорбительную для клира, предъ собраніемъ всего духовенства обвинялъ двухъ діаконовъ въ томъ, что они украли его омофоръ, выдалъ Евтропію для изгнанія пресвитеровъ Порфирія и Веренія, жестоко обращался съ монахомъ Исаакомъ³⁾.

Скоро къ недовольству клириковъ присоединилась ненависть богатыхъ. Человѣкъ становится неумолимъ, когда дѣло касается его кармана, а мы видѣли, съ какою рѣшительностью святитель защищалъ бѣдныхъ и обличалъ богатыхъ. Производимое имъ впечатлѣніе на слушателей очень мѣтко характеризуетъ Созоменъ: „своимъ словомъ восторгалъ онъ народъ, особенно когда распространялся въ обличеніи согрѣшающихъ и съ дерзновеніемъ негодовалъ на оскорбителей церкви, либо на обидчика такъ, какъ бы самъ терпѣлъ обиду. Простому народу это, конечно, нравилось, но богатымъ и сильнымъ должно было казаться оскорбительнымъ“⁴⁾. Но и изъ самыхъ бесѣдъ проповѣдника видно, насколько непріятны они были для богатыхъ. Мы уже говорили, что святитель вынужденъ былъ прервать свою рѣчь о несовмѣстности христіанской любви и обладанія рабами⁵⁾. Въ другой разъ, сравнивъ тѣло богатаго съ печью, въ которой горитъ мясо, проповѣдникъ хотѣлъ продолжить развитіе своей мысли и прибавилъ: „съ чѣмъ бы еще сравнить утробы

1) Созоменъ. Церковная Исторія кн. VIII, 9 ср. VIII, 8 Сократъ. Церк. Ист. VI, 4.

2) Palladius, Dialogus p. 14.

3) Ludwig. Op. cit S. 88—90.

4) Церк. Ист. VIII, 2 ср. VIII, 8.

5) Златоустъ. Творенія, т. X, стр. 421.

богатыхъ?“ Но для богатыхъ было крайне неприятно и первое сравненіе. Среди нихъ возникло движеніе недовольства. Въ отвѣтъ на него Златоустъ говоритъ: „а вы не оскорбляйтесь моими словами, но, если говорю неправду, изобличайте меня. Итакъ, съ чѣмъ же еще сравнить бы ихъ?“ 1). Во многихъ бесѣдахъ святитель и прямо говоритъ о недовольствѣ богатыхъ. Вотъ два примѣра. „Многіе обвиняли насъ и говорили: перестанешь ли ты вооружаться языкомъ противъ богатыхъ? Перестанешь ли постоянно враждовать противъ нихъ?“ 2) „Опять, скажутъ мнѣ, ты противъ богатыхъ? А вы опять противъ бѣдныхъ. Опять ты противъ хищниковъ? А вы опять противъ тѣхъ, у кого похищаютъ. Вы не насыщаетесь, пожирая и терзая бѣдныхъ, и я не насыщаюсь, исправляя васъ. Постоянно ты покровительствуешь этимъ людямъ, постоянно покровительствуешь бѣдному? Но отступи ты стѣ овцы моей, удались отъ стада моего, не вреди ему. Ты вредишь моему стаду и осуждаешь, что я отгоняю тебя“. 3) Во главѣ недовольныхъ стояли три придворныхъ дамы: Марса, вдова военачальника Промота, бывшаго опекуна императрицы, Кастриція, вдова Сатурнина, и Евграфія, старая кокетка, являвшаяся въ церковь вся завитая и подкрашенная. Эти богатяя вдовы имѣли двойное основаніе ненавидѣть святителя, потому что онъ обличалъ не только ихъ жадность, хищничество, роскошь, но и страсть къ варядамъ, а Евграфіи въ частной бесѣдѣ пастыръ далъ понять, что ея старанія скрыть свои года напрасны. Императрица Евдоксія не превосходила своихъ придворныхъ дамъ ни честностью, ни благопристойностью поведенія. Поэтому обличенія, въ которыхъ послѣднія узнавали 4) самихъ себя, косвенно задѣвали и императрицу, тѣмъ болѣе что содержаніе бесѣдъ святителя передавалось ей въ извращенномъ видѣ.

Но въ эпоху Златоуста церковь имѣла свои права. Нельзя было удалить епископа съ кафедры административнымъ по-

1) Ibid. Т. X, стр. 589.

2) Ibid. Т. III, стр. 431.

3) Ibid. Т. V, стр. 565, ср. т. X, стр. 304.

4) Златоустъ не указывалъ на лица: „не желай чужого, не обирай вдовицы, не похищай у сироты, не овладѣвай ихъ домомъ. Я говорю не о лицахъ, а о дѣлахъ. Если же кого укоряешь совѣсть, то онъ самъ виновать, а не мое слово“ Ibid. т. III, 414.

рядкомъ, безъ суда собора, хотя бы онъ и не пользовался расположеніемъ императора. Поэтому, для низложенія Златоуста императрицѣ необходимы были орудія въ лицѣ епископовъ. Ихъ не трудно было подобрать. Отсутствие строгихъ юридическихъ нормъ касательно порядка созывы и состава собора, чѣмъ такъ восхищаются нѣкоторые современные епископы, открывало для этого полную возможность. Соборъ при Дубѣ былъ составленъ изъ враговъ Златоуста, которые были его судьями, обвинителями и свидѣтелями. Въ одномъ изъ своихъ писемъ святитель сказалъ: „никого я такъ не боюсь, какъ епископовъ, за исключеніемъ немвогихъ“¹⁾. И дѣйствительно, самыми ожесточенными врагами святителя были епископы: Акакій верійскій, Антиохъ птолемаидскій, Северіанъ гавальскій и Теофилъ александрійскій. Изъ нихъ Акакій верійскій, за исключеніемъ участія въ позорномъ дѣлѣ низложенія Златоуста, былъ самымъ почтеннымъ. О немъ рассказываютъ много хорошаго. Воспитавшись въ монастырѣ, онъ велъ строгій образъ жизни и на епископской каѳедрѣ. Между прочимъ двери его жилища всегда были открыты. Всякій желающій могъ войти въ его домъ и видѣть его и во время обѣда и въ часы сна. „Значить, добавляетъ Созоменъ, онъ или такъ жилъ, что всегда былъ увѣренъ въ самомъ себѣ, или придумалъ это съ намѣреніемъ противодѣйствовать склонности нашей природы ко злу, ибо ожидая, что приходящіе всегда могутъ застать его врасплохъ, онъ былъ безпрестанно на стражѣ и ни въ чемъ не отступалъ отъ своего долга“²⁾. Причина вражды этого человѣка къ Златоусту не ясна. Палладій объясняетъ возникновеніе ея тѣмъ, что Акакій былъ оскорбленъ слишкомъ простымъ обѣдомъ, предложеннымъ ему святителемъ. Предметомъ для одного изъ обвиненій противъ послѣдняго на соборѣ при Дубѣ служило высокомерное обращеніе съ Акакіемъ. Если дѣйствительно Акакій не могъ простить Златоусту простоту, съ которой онъ имъ былъ принятъ, то это свидѣтельствуетъ о низменности характера верійскаго аскета, которая легко можетъ уживаться съ внѣшнею корректностью поведенія.

Антиохъ птолемаидскій (въ Финикіи) и Северіанъ гавальскій

¹⁾ *ibid* Т. III, стр. 643.

²⁾ Созоменъ, Церк. Ист. кн. VII, 28.

(въ Сиріи) воскрешали въ своемъ лицѣ типъ языческихъ странствующихъ софистовъ, искавшихъ славы и денегъ въ большихъ культурныхъ центрахъ римской имперіи. Оба христіанскіе епископы отличались краснорѣчіемъ, но Антіохъ превосходилъ Северіана своею дикціей, а послѣдній Антіоха ученостью, обиліемъ мыслей и знаніемъ свящ. Писанія: въ произношеніи Северіана слышался сирійскій акцентъ, непріятный для избалованной публики столицы. Первымъ посѣтилъ Константинополь Антіохъ, имѣлъ здѣсь большой успѣхъ и собралъ множество денегъ. Возвратившись домой, онъ посѣшилъ однако составить особое сочиненіе Противъ корыстолюбія. Столь дешево купленные лавры побудили и Северіана попытать счастья. Послѣ продолжительныхъ упражненій въ реторикѣ, приготовивъ большой запасъ проповѣдей, онъ явился на эти своеобразныя гастроли въ столицу, вкрался здѣсь въ довѣріе св. Іоанна и снискалъ себѣ популярность среди народа и при дворѣ. Уѣзжая въ Ефесъ, архипастырь поручилъ ему управленіе своею кафедрой. Но Северіанъ злоупотребилъ его довѣріемъ, и дѣйствовалъ въ ущербъ ему не безъ тайныхъ расчетовъ занять его кафедру. Отсюда между нимъ и Златоустомъ возникли непріятности ¹⁾.

Но изъ четырехъ епископовъ самую рельефною фигурой былъ Теофилъ Александрійскій, представлявшій по своему характеру прямую противоположность Златоусту. Подробная характеристика этого хитраго интригана потребовала бы отъ насъ слишкомъ много мѣста и слишкомъ удлинила бы настоящей очеркъ. Поэтому мы намѣтимъ лишь въ общихъ чертахъ отличительныя особенности его личности.

Хитрый, корыстный и мстительный, Теофилъ весьма цѣнилъ расположеніе гражданской власти и не останавливался ни предъ чѣмъ, чтобы снискать его. „Когда царь Θεодосій, рассказываетъ Сократъ, велъ войну противъ тиранна Максима, Теофилъ, посылая дары царю чрезъ своего пресвитера Исидора, вручилъ ему два письма и приказалъ дары и письмо поднести побѣдителю. Повинуясь ему, Исидоръ прибылъ въ Римъ и ожидалъ конца войны, но это дѣло не надолго оставалось въ неизвѣстности; бывший при немъ чтець похитилъ

¹⁾ Сократъ. Церк. Ист. кн. VI, 11, Созоменъ. Церк. Ист. кн. VIII, 10.

упомянутыя письма. Исидоръ пораженъ былъ страхомъ и тотчасъ убѣжалъ въ Александрію¹⁾.

Св. Іоаннъ Златоустъ былъ противникомъ насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ религіи. Совсѣмъ другіе взгляды господствовали въ Александріи. „Когда оскорбленъ Богъ въ Его почитаніи, говоритъ преемникъ Теофила по кафедрѣ, тогда быть милосерднымъ не безопасно; и даже весьма вредно—не вовремя разнѣживаться въ слабодушномъ взаимномъ благо-расположеніи. Объ этомъ то я думаю и сказалъ Господь: „кто любитъ отца или мать больше Меня, не достоинъ Меня“. Пусть тогда исчезнетъ законъ сочувствія и удалится сила естественной любви и все, что относится къ человѣколюбію, чтобы, такъ сказать, посредствомъ благочестивой жестокости воздано было почитаніе Богу. Не благочестивымъ ли назовешь ты дѣломъ, чтобы немилосердно наказывались совершающіе неизвинительное отступничество, какъ оскорбляющіе высшую надъ всѣмъ славу и не отказывающіеся беззаботно безчестить Того, Котораго лучше было бы радовать стараніями о твердости“²⁾. Теоріи этой давно уже предшествовала практика. Кровавыя столкновенія религіозныхъ партій начались еще при Аванасіи Великомъ. Впослѣдствіи стало еще хуже. По просьбѣ Теофила, имп. Теодосій разрѣшилъ ему обратитъ храмъ Діониса въ христіанскую церковь. Теофиль не удовлетворился этимъ, но, желая предать язычество публичному посмѣянію, извлекъ изъ храма предметы закрытаго культа и приказалъ носить ихъ по улицамъ вмѣстѣ съ статуей Пріапа. По господствующимъ представленіямъ времени, перешедшимъ и въ христіанскую дисциплину, обнаруженіе тайнъ мистерическихъ культовъ предъ непосвященными считалось ужаснымъ преступленіемъ и нечестіемъ. Естественно, это вызвало взрывъ ненависти язычниковъ. „Воспламененные однимъ чувствомъ, всѣ они, по сдѣланному условію, устремились на христіанъ и начали совершать убійства всякаго рода. Тѣмъ же, съ своей стороны, платили христіане—и одно зло увеличивалось другимъ“. Затѣмъ, подъ предводительствомъ философа Олимпія, язычники заняли великолѣпный храмъ Сераписа и оттуда дѣлали вылазки про-

¹⁾ Церк. Ист. кн. VI, 2 ср. Созоменъ кн. VIII, 2.

²⁾ Кириллъ Александрійскій. Творенія въ рус. пер. ч. I. стр. 304.

тивъ христіанъ. Захватывая неосторожныхъ въ плѣнъ, защитники старыхъ боговъ принуждали ихъ приносить жертвы идоламъ, а тѣхъ, которые отказывались, подвергали пыткамъ и распинали на крестѣ. Такъ „погибло нѣсколько язычниковъ и очень много христіанъ, а раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было безъ числа“. Чтобы положить предѣлъ кровопролитію, имп. Феодосій приказалъ разрушить всѣ языческіе храмы въ Александріи. Теофиль охотно исполнилъ это приказаніе ¹⁾.

Тѣ же воинственные приемы патріархъ употреблялъ и противъ христіанъ, имѣвшихъ несчастье возбудить противъ себя его гнѣвъ. Преслѣдуя пресвитера Исидора и такъ называемыхъ „длинныхъ братьевъ“, онъ самолично явился съ вооруженною толпою въ Нитрію, возбудилъ противъ нихъ монаховъ и изгналъ своихъ противниковъ изъ скитовъ ²⁾. Примѣръ такого нехристіанскаго отношенія къ иномыслящимъ со стороны самихъ пастырей дѣйствовалъ заразительно на паству. При преемникѣ Теофила, дважды возгоралась вооруженная борьба между христіанами и евреями и звѣрскимъ образомъ была убита толпою, руководимой чтецомъ Петромъ, всѣми уважаемая философесса Ипатія ³⁾.

Въ противоположность св. Іоанну Златоусту, Теофиль любилъ пышность и полагалъ славу церкви въ великолѣпныхъ зданіяхъ. Палладій говоритъ, что Теофиль точно древніе фараоны былъ одержимъ маніей возводить ненужныя для церкви постройки (*λιθωμανία τις αὐτὸν φαραώτιος ἔχει εἰς οἰκοδομίματα*) ⁴⁾. Св. Исидоръ Пелусіотъ называетъ Теофила „неистовымъ любителемъ камней и поклонникомъ золота“ и тоже сравниваетъ его съ фараономъ, „который строилъ города, притѣснялъ трудящихся, лишалъ платы строителей и донынѣ упражняется въ томъ же“ ⁵⁾. Чтобы достать денегъ для этихъ построекъ, Теофиль не стѣснялся въ выборѣ средствъ. Прежде всего онъ не хотѣлъ считаться съ тѣмъ взглядомъ на церковныя имущества, который въ доконстантиновскій періодъ былъ господствующимъ и котораго строго держался св. Іоаннъ Златоустъ. Употребить деньги на украшеніе и по-

1) Сократъ. Церк. Ист. V, 16 Созоменъ. Церк. Ист. VII, 15.

2) Сократъ. Ibid. VI, 7.

3) Сократъ. Ibid. кн. VII, 13—15.

4) Palladius. Op. cit. p. 21.

5) Исидоръ Пелусіотъ. Творенія въ рус. пер. Т. I стр. 103—104.

строение храма для него было уже дѣломъ болѣе благочестивымъ, чѣмъ израсходовать ихъ на дѣла христіанской любви. Вотъ причины вражды Теофила къ пресвитеру Исидору, по свидѣтельству Созомена. „Исидоръ, которому, какъ попечителю бѣдныхъ, приносимо было множество денегъ, не хотѣлъ давать ихъ Теофилу, издержавшемуся тогда на построение церкви и старавшемуся взять ихъ, но говорилъ ему, что лучше надлежащими врачеваніями возстановлять тѣла больныхъ, которыя съ болѣею справедливостію почитаются храмами Божиими и для которыхъ собственно жертвуются деньги, чѣмъ строить стѣны“ ¹⁾. Затѣмъ Теофилъ въ унижительныхъ для своего сана формахъ выпрашивалъ деньги у богатыхъ женщинъ. По свидѣтельству Палладія, онъ простирался предъ діаконойссой Олимпіадой и цѣловалъ ея колѣни, лишь бы выпросить подачку ²⁾. Бросать деньги безъ разбора направо и налево не есть христіанское отношеніе къ собственности. Это скорѣе свойственно избалованному богачу, не зарабатывающему денегъ тяжелымъ трудомъ, не знающему имъ цѣны и увѣренному въ своей обезпеченности на завтра. Пріятно чувствовать эту свободу въ отношеніи къ тому, что такъ связываетъ другихъ. Не такъ смотрѣлъ на отношеніе къ собственности Златоустъ. Поэтому онъ не могъ одобрить слабости Олимпіады. Христіанинъ, сказалъ онъ ей, однажды, „долженъ быть домостроителемъ, между тѣмъ, какъ ты, расточая богатство богатымъ, не болѣе дѣлаешь, какъ вливаешь свою собственность въ море. Развѣ не знаешь, что имущество ты добровольно посвятила просящимъ ради Бога, и что, бывъ поставлена распорядительницею въ деньгахъ, какъ бы уже вышедшихъ изъ твоей власти, ты подлежишь отчету“? ³⁾.

Характерны для Теофила и средства борьбы съ противниками. Св. Василій Великій, обвиняемый въ аполлинаріанствѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ сказалъ: „у насъ всегда такъ: кто намъ непріятенъ, тотъ и не православенъ“. Такимъ образомъ, пріемъ, столь распространенный въ наши дни,—сводить счеты съ противникомъ на почвѣ догматическихъ

¹⁾ Созоменъ. Церк. Ист. VIII, 12 Ср. Palladius. Op. cit. p. 21.

²⁾ Palladius Op. cit. p. 60.

³⁾ Созоменъ. Церк. Ист. VIII, 9.

укоризнѣ имѣеть за собою почтенную давность. Теофиль былъ особенно искусенъ въ этомъ отношеніи. Онъ не былъ первоначально врагомъ Оригена. При возникновеніи среди монаховъ антропоморфитскаго движенія онъ доказывалъ и съ церковной каѳедры, и въ пасхальномъ посланіи, что Богу, какъ существу безтѣлесному, не слѣдуетъ приписывать человѣческой образъ. Онъ порицалъ также св. Епифанія за его сочувствіе антропоморфизму. Послѣ того, какъ исчезли поводы скрывать симпатіи къ Оригену, Теофиль снова сталъ читать его открыто, заявляя, что „Оригеновы сочиненія подобны лугу, усыянному цвѣтами всякаго рода, что хорошее онъ срываетъ, а тернистое оставляетъ, какъ колючее“ ¹⁾. Но было время, когда Теофиль отрекался отъ Оригена и преслѣдовалъ своихъ противниковъ подъ предлогомъ недопустимости оригенизма. Когда монахи узнали, что епископъ не раздѣляетъ ихъ антропоморфитскихъ представлений, то, оставивъ свои монастыри, пришли въ Александрію съ цѣлью убить Теофила. Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, послѣдній однако не растерялся. Онъ вышелъ къ антропоморфитамъ съ ласковой улыбкой и привѣтствовалъ ихъ словами: „созерцаю васъ, я какъ будто созерцаю лице Бога“. Но монахи потребовали болѣе опредѣленныхъ заявленій. „Если правда, что у Бога такое же лице, какое и у насъ, отвѣтили они, то предай проклятію сочиненія Оригена... а если не сдѣлаешь этого, то прими отъ насъ жребій людей нечестивыхъ и богопротивныхъ“. „Исполню ваше желаніе, сказалъ на это Теофиль; не гнѣвайтесь на меня: я самъ не люблю Оригеновыхъ сочиненій и порицаю тѣхъ, которые принимаютъ ихъ“. Послѣ этого, преслѣдуя по личнымъ мотивамъ „длинныхъ братьевъ“, онъ добился ихъ изгнанія изъ Нитріи путемъ обвиненія ихъ въ оригенизмъ, а затѣмъ возбудилъ простосердечную ревность Епифанія Кипрскаго къ тому, чтобы тотъ обвинилъ въ оригенизмъ и св. Іоанна Златоуста ²⁾.

Таковы были враги великаго святителя. Они представляютъ собою какъ бы темный фонъ, на которомъ тѣмъ яснѣе выдѣляется исключительная личность вселенскаго учителя.

1) Сократъ. Ц. И. VI. 17.

2) См. объ этомъ подробно Сократъ, Цер. Ист. VI, 7, 9 — 10, 12 — 14. Созоменъ, Цер. Ист. VIII, 11—13.

Св. Іоаннъ Златоустъ былъ совѣстію церкви своего времени, и въ лицѣ его враговъ противъ него, какъ противъ голоса совѣсти, возстали всѣ страсти. Онѣ восторжествовали. Насиліе заставило смолкнуть его негодующее слово. Но совѣсть нельзя заглушить надолго. Въ 407 году Златоустъ скончался въ изгнаніи. Въ 417 г. его имя было внесено въ диптихи Аттікомъ, патріархомъ константинопольскимъ, а въ 419 г. Кирилломъ Александрійскимъ. Въ 428 году память святителя въ первый разъ была почтена празднованіемъ при дворѣ, а десять лѣтъ спустя мощи его были перенесены въ Константинополь и погребены въ церкви Апостоловъ. Сынъ императрицы Евдокіи, Θεодосій II, склонился предъ ними, прося святителя о прошеніи своихъ родителей. Въ своихъ сочиненіяхъ вселенскій учитель по прежнему призываетъ вѣрующихъ къ жизни по Евангелію, къ милосердію и нравственной свободѣ. Да будетъ же для насъ священнымъ его завѣтъ: сила и слава церкви создается не желѣзнымъ мечемъ императора, не пышностью культа, не привилегіями духовенства, не проклятіями иномыслящихъ, а единственно осуществленіемъ евангельской любви во взаимныхъ отношеніяхъ вѣрующихъ.

И. Поповъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru